

Бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

На правах рукописи

Фролова Наталья Викторовна

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ
ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Т. М. Захожая

Сургут – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ	41
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛАХ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ	98
ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВОГО СОСТАВА ПО ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ДЛЯ ШКОЛ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	203
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития России в научном и педагогическом сообществе, а также средствах массовой информации регулярно обсуждаются вопросы, связанные с проблемами организации школьного образования. От правильного решения этих вопросов во многом зависят перспективы страны в научно-технической, культурной и экономической сферах.

Особое место в дискуссиях последних десятилетий занимает проблема роли и значения историко-обществоведческого образования. Распад СССР в 1991 г. и потеря постсоветской Россией на целое десятилетие геополитических и стратегических ориентиров, безусловно, помимо всего прочего, были связаны с кризисом отечественной исторической науки, переоценкой ею многих событий новой и новейшей истории. На волне этой критики нередко звучали высказывания об отказе от государственной идеологии, воспитательной функции школы и других общественных институтов, которые обвинялись в исторических ошибках, совершенных нашей страной в XX столетии.

События последних десятилетий в мире показали, что ни одно государство по-прежнему не может существовать без государственной идеологии, основой которой является чувство любви и уважения к своей родной земле, ее истории и культуре. В этой связи важную роль вновь приобретает историко-обществоведческое образование в школе, призванное сформировать у подрастающего поколения бережное и справедливое отношение к историческому прошлому России, чувство ответственности за будущее своей страны.

Сегодня, спустя четверть века демократического развития, очевидна необходимость рассмотрения роли историко-обществоведческого образования в советской истории в 1920–1930-е гг. На наш взгляд, это имеет большое общественное и культурное значение, так как проведённый анализ позволит разобраться в положительных и отрицательных сторонах государственной

образовательной политики в области социально-гуманитарных дисциплин, выявить необходимый исторический опыт, который современное российское государство может использовать в будущем.

В научном плане изучение этих вопросов по-прежнему определяется большой исследовательской ценностью, так как, во-первых, история школьного образования в Советском Союзе в 1920–1930-е гг. все еще имеет многочисленные «белые пятна» и представляет широкое поле для новых научных поисков. Во-вторых, существующие оценки достижений и неудач советской государственной политики в области образования в этот исторический период в научной литературе до сих пор кардинально отличаются друг от друга.

В настоящее время образовательное пространство Российской Федерации строится на принципах свободы и плюрализма, значительное место занимает региональный компонент в обучении школьников. Образовательные учреждения страны должны включать в программы содержание, непосредственно связанное с национальными и региональными социально-культурными факторами. В связи с этим актуальным становится изучение местного опыта в организации системы образования, в том числе исторического, включающего все важное, что было накоплено в работе школ в разных регионах нашей страны.

В условиях существования разных оценок исторических фактов, необходимо продолжать накапливать исторические знания, в том числе и о переломных периодах истории России. Привлечение новых, прежде не включенных в научный оборот документов, позволит расширить имеющуюся фактологическую базу исследования, подтвердить или опровергнуть достоверность выводов, сделанных ранее. Именно поэтому исследование частных вопросов, связанных с изучением историко-обществоведческого образования в 20–30-е гг. XX в. на территории Севера Западной Сибири обеспечит системное понимание целостного исторического процесса.

Степень разработанности темы. Проблема становления историко-обществоведческого образования в Советском Союзе относится к исследованиям

пограничного характера, которые рассматривают вопросы общеисторического и историко-педагогического плана. Сегодня историография данной темы представлена значительным количеством работ, посвященных становлению народного образования в первые десятилетия советской власти, в том числе на Севере Западной Сибири¹. Проведен комплексный анализ организации образовательной системы, подготовки педагогических кадров, роли партийных органов в образовательной деятельности и воспитательной работе с подрастающим поколением, поэтому мы не ставим перед собой задачу осуществления развернутого анализа историографии по общим вопросам становления и развития советской системы образования.

Важно отметить, что на фоне обширной историографии, посвященной системе народного образования на общероссийском и общесибирском уровнях, довольно слабо изучен вопрос становления и развития историко-обществоведческого образования, а это безусловное упущение, так как именно в этот период закладывалась совершенно иная модель преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Учитывая колоссальную разницу между развитием отдельных регионов страны, следует выделить не только этапы в истории изучения проблемы, но и проследить, насколько проблематика работ всесоюзного

---

¹ Константинов Н. В., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1948. 471 с.; Королев Ф. Ф. Очерки советской школы и педагогики. 1917-1920. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. 552 с.; Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921-1931 / под ред. Ф. Ф. Королева, В. З. Смирнова. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. 508 с.; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917-1941 гг.) / отв. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. М. : Педагогика, 1980. 456 с.; Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева. М. : Педагогика, 1985. 448 с.; Моносзон Э. И. Становление и развитие советской педагогики, 1917-1987. М. : Просвещение, 1986. 224 с.; Марксизм и развитие советской педагогики / под ред. З. А. Мальковой, Г. Н. Филонова. М. : Педагогика, 1986. 256 с.; Плясовских В. С. Политика КПСС в области народного образования: Опыт разработки и реализации. М. : Мысль, 1987. 221 с.; Денисова Л. Н. Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села / отв. ред. и авт. предисл. акад. М. П. Ким. М. : Наука, 1988. 176 с.; Школа-коммуна Наркомпроса / под ред. М. М. Пистрака. М. : Педагогика, 1990. 288 с.; Ишбаев М. М. Выход в свет: Становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. 112 с.; Белканов Н. А. Советская школа и педагогика 1920-х годов в призме педагогической советологии : монография. Елец-Волгоград, 2002. 296 с.; Котомкина Е. А. Из истории народного образования в России в 1917-1932 гг. Тверь : Лилия Пронт, 2002. 244 с.; Гончаренко О. Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917-1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. 26 с.; Ковлягин М. С. Национальная школа у коренных народов Среднего Приобья в 1920-1930-е годы: проблемы формирования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 151-154.

масштаба была схожа с проблематикой работ, связанных с изучением развития школы на Севере Западной Сибири.

Все имеющиеся на сегодняшний день исследования, посвященные данной тематике, следует отнести к двум территориальным уровням:

1) общесоюзный уровень (работы, связанные с вопросом государственной политики в области историко-обществоведческого образования в стране);

2) региональный уровень (работы, посвященные этим же аспектам в рамках Севера Западной Сибири).

Рассматривая историю изучения вопроса по хронологическому принципу, условно можно выделить четыре этапа: первый – с начала 1920-х гг. до середины 1930-х гг., второй – с середины 1930-х до середины 1950-х гг., третий – с середины 1950-х до конца 1980-х гг., четвертый – с начала 1990-х гг. и до наших дней.

Первый этап (начало 1920-х гг. – середина 1930-х гг.) – время формирования новой методологии исторического познания на основе марксистского понимания развития исторического процесса, пересмотра содержания предмета истории, отказа от изучения отдельных событий и личностей, закрытия исторических факультетов, замены преподавания истории в школе обществоведением. Первый этап развития историографии представлен трудами работников Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, работами руководителей территориальных отделов народного образования, историков-методистов². Особенность работ 20-х гг. – середины 30-х гг. XX в. заключалась в том, что это были материалы, принадлежащие непосредственно работникам системы образования, они носили не монографический характер, а отражали

---

² Кантор (Давыдов) Е. Д. Советская школа и учитель. М., 1924; Жаворонков Б. Н. Работа обществоведа. Методические очерки. Л. : Госиздат, 1926. 82 с.; Пятницкий В. Ермолинская трудовая советская школа (вместо методики советской трудовой школы) / под ред. и с предисл. Л. Сосновского. М. : Новая Москва, 1926; Дзюбинский С. Д., Жаворонков Б. Н., Сингалевич С. П. Очерки методики обществоведения в школе II ступени. Казань : Татиздат, 1927; Любимова С. Завоевано октябрем. М., 1932. 30 с.; Панфилов В. Н. Советская школа на новом этапе. О постановлениях ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». М.-Л. : Наркомпрос РСФСР-Учпедгиз, 1932.

фрагментарные организационные вопросы. В основе этих исследований лежало стремление обобщить начальный опыт, сформулировать рекомендации работникам, занимающимся вопросами образования. Они важны для нашего исследования, поскольку дают возможность изучить социально-культурную ситуацию, помогают осмыслить уровень существующих проблем в период внедрения новых принципов преподавания историко-обществоведческих дисциплин.

Для региональных исследований первый этап (начало 1920-х гг. – середина 1930-х гг.) был также временем обобщения первичного опыта советского строительства на Севере³. Следует подчеркнуть, что в работах регионального уровня в этот период не содержалось информации, связанной с характеристикой и анализом государственной политики в области становления историко-обществоведческого образования. Это объясняется тем, что в отдаленных регионах Сибири в 1920-х гг. – середине 1930-х гг. основным вопросом было становление системы образования: ликвидация неграмотности и общие аспекты обучения и воспитания.

Следующий этап – вторая половина 1930-х гг. – середина 1950-х гг. В это время стал накапливаться опыт оценки содержания историко-обществоведческих дисциплин, системы преподавания и воспитания, формировалась источниковая база, необходимая для обобщающих исследований⁴. Повышение интереса к изучению историко-обществоведческого образования объясняется тем, что с середины 1930-х гг. восстанавливается преподавание истории в качестве самостоятельного учебного предмета в школе, на исторических факультетах в вузах, издаются первые стабильные единые учебники и учебные пособия по предмету.

---

³ Буткевич А. С. Обско-Иртышская область во II-й пятилетке. Тюмень : ОбиртышОГИЗ, 1934. 52 с.

⁴ Андреевская Н. В., Вернадский В. Н. Методика преподавания истории в семилетней школе. М. : Учпедгиз, 1947. 215 с.; Зиновьев М. А. Основные вопросы методики преподавания истории: руководство для преподавателей истории средней школы. Л.-М. : АПН РСФСР, 1948. 236 с.

Следует помнить, что выводы, представленные в работах этого периода, целесообразно поставить под сомнение из-за господствовавшей партийной идеологии, оказавшей влияние на интерпретацию фактов.

Для исследований сибирской школы второй половины 1930-х гг. – середины 1950-х гг. основной проблематикой оставались вопросы, касающиеся становления системы народного образования. Первыми обобщили имеющийся опыт строительства национальных школ на Севере А. Г. Базанов и Н. Г. Казанский⁵. В своей работе «Школа на Крайнем Севере» исследователи сделали попытку сравнительного анализа отношения царского и советского правительства к коренным народам Севера, однако оценка происходивших процессов была выстроена сугубо на основе марксистской методологии. Также в этот период выходит в свет работа Ф. Ф. Кронгауза «К истории советской педагогики на Крайнем Севере», в которой автор представляет систематизированные данные по вопросам становления сибирской школы в 1920–1940-х гг.⁶ Отдельное внимание Ф. Ф. Кронгауз уделяет вопросам комплектования северных школ, рассматривает в динамике рост сети образовательных учреждений, количество учителей, работающих в школах Крайнего Севера в этот период. Выводы он делает на основе статистических данных, полученных из центральных архивов (Министерства просвещения РСФСР), что сужает его источниковую базу, делает полученные им количественные данные неполными. Историографический интерес на сегодняшний день представляет работа В. Г. Кравцова «Очерки истории народов Северо-Западной Сибири»⁷, которую можно считать сводной по истории народов ханты, манси и ненцев. Автор, опираясь на архивные материалы, представляет информацию о географической, экономической и социально-этнографической ситуации в крае с древности и до 1930-х гг. Отдельное внимание уделяется советской политике, однако выводы сформулированы в духе советского

---

⁵ Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л. : Госиздат, 1939. 207 с.

⁶ Кронгауз Ф. Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М. : Учпедгиз, 1948. 122 с.

⁷ Кравцов В. Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири М.: Соцэжгиз, 1937. 132 с.

времени. Автор фактически указывает на то, что в результате деятельности руководящих органов, вымиравшие прежде народы, возродились и получили возможность быстрее и плодотворнее разностороннего экономического, политического и культурного развития.

Важно отметить, что исследования второй половины 1930-х гг. – середины 1950-х гг. были выстроены в рамках марксистской методологии, но именно они заложили основу для дальнейшего изучения образовательной ситуации, существовавшей на Севере Западной Сибири в 20–30-е гг. XX в. При этом необходимо подчеркнуть, что вопрос историко-обществоведческого образования авторами не затрагивался.

Со второй половины 1950-х гг. на волне хрущёвской «оттепели» начинается новый этап в развитии историографии вопроса государственной политики в области исторического и обществоведческого образования, который можно ограничить концом 1980-х гг.

На этом этапе была предпринята попытка создания многотомного труда по истории исторической науки в СССР под редакцией академика М. В. Нечкиной. В работе впервые на большом фактологическом материале была показана государственная политика в области исторической науки и представлена система исторического образования. Однако в издании апологетически оценивается вклад в историческую науку и образование учебника «Краткий курс истории ВКП(б)», замалчиваются негативные факты из жизни вузов страны⁸.

Несомненную ценность в изучении проблемы представляет монография Л. П. Бущика «Очерк развития школьного исторического образования в СССР»⁹. Исследование начинается с описания ситуации в дореволюционной школе, что позволяет рассмотреть изменения, произошедшие в историческом образовании на рубеже двух эпох. В результате был представлен обзор фактов почти за век. При

---

⁸ Очерки истории исторической науки в СССР : в 7 т. / под ред. М. В. Нечкиной. М. : Наука, 1955-1988..

⁹ Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. 537 с.

таких обширных задачах Л. П. Бущик не стремился к исчерпывающему освещению каждого из разбираемых в монографии вопросов. В то же время работа Л. П. Бущика, основанная на обширном документальном материале, дает общее представление об основных этапах становления развития историко-обществоведческого образования в СССР. Этот труд, по сути, положил начало монографическому исследованию вопроса преподавания истории в советской школе.

Наряду с работами, посвященными проблемам исторического образования в общесоюзном масштабе, роли партии в культурном развитии страны и в деле народного образования, появилось несколько исследований по истории сибирской школы, хотя они касались общих вопросов организации обучения.

Опыт просвещения народов Обского Севера (ханты, ненцев, манси, селькупов) детально исследован в работах М. Е. Бударина, Л. Е. Киселева, Г. А. Мазуренко, Ф. Ф. Кронгауза¹⁰. Теоретические выводы авторы делают на основе использования большого количества разнообразных источников, приводят различные статистические сведения.

Несмотря на то, что в этих трудах довольно подробно были исследованы отдельные аспекты процесса становления народного образования в Сибири, они много потеряли из-за тенденциозности своего подхода. В этих исследованиях подчеркивается неразрывность цепи партия – государство – школа.

Итак, на этом этапе развития историографии в общесоюзном масштабе появляются обобщающие исследования по историческому образованию,

---

¹⁰ Мазуренко Г. А. Торжество национальной политики коммунистической партии на Обском Севере / под ред. П. И. Рощевского. Тюмень : Тюмен. кн. изд-во, 1961. 90 с.; Очерки истории партийной организации Тюменской области / отв. ред. Д. А. Смородинков. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 348 с.; Худолеев П. К. Народное образование Тюменской области за пятьдесят лет советской власти. Тюмень, 1967. 39 с. Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. 476 с. и др.; Киселев Л. Е.: 1) От патриархальщины к социализму (Опыт КПСС по социалистическому преобразованию в национальных районах Севера). Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. 268 с.; 2) Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 236 с.; Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири / под общ. ред. Ф. А. Лукинского. Новосибирск, 1976. 379 с.; Школа и учительство в Сибири 20-е – начало 30-х годов / редкол. Т. Н. Осташко, Л. И. Пыстина, В. Л. Соскин. Новосибирск, 1978. 191 с.; Культурное развитие советской сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск, 1980. 384 с. Гришанов П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926-1937 гг.). Челябинск : ЧГПИ, 1982. 96 с.

рассматриваются различные вопросы, связанные с организацией системы обучения, с ролью партии в воспитательном процессе, однако оценка государственной политики в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири отсутствует.

Исследования в области изучения историко-обществоведческой составляющей образования вновь становятся актуальными к концу 80-х гг. XX в. Причиной этого стал кризис политехнизма, господствовавший в системе отечественного просвещения. В 1990-х гг. происходят кардинальные изменения в системе школьного и вузовского исторического образования: переоценка роли и места истории и обществоведения в системе социально-гуманитарного образования, пересмотр основных принципов организации содержания учебного предмета (отход от прежней идеологии), расширение и разработка актуальных методик обучения в общем русле гуманитаризации образования.

Учитывая актуальность темы в 90-е гг. XX в. и в начале 2000-х гг., появляется ряд исследований, отражающих особенности развития историко-обществоведческого образования в разные периоды истории России. Исследователи обратились к изучению дореволюционного, советского и современного опыта организации социально-гуманитарного образования¹¹.

В начале XXI в. происходит активный поиск новых подходов к изучению исторических событий, предпринимаются попытки их оценки на основе разных

---

¹¹ Кудрявцев А. Е. Этапы исторического образования в трудовой школе // Преподавание истории в школе. 1990. № 2; Кривошеев Ю. В. Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Историография, источниковедение, методы исследования 1994. № 3. С. 143-158; Барулина Л. С. Становление и развитие отечественного исторического образования в российской школе : дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 224 с.; Савин М. В. Развитие гуманитарной направленности содержания гимназического образования в России второй половины XIX – начала XX в.в. : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1998. 171 с.; Савинова О. В. Развитие культурологического содержания исторического образования в отечественной педагогике и школе (Конец XIX века – 1917 год) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 202 с.; Аллабердина Г. И. Становление и развитие школьного исторического образования в СССР и Российской Федерации : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003. 254 с.; Вяземский Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования в современной России : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 455 с.; Яковлева М. К. Государственная политика в области исторического образования в конце XIX - начале XX века (На примере средних учебных заведений Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 24 с.; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. 684 с.

методологических теорий. Положено начало разработке и реализации таких концептуальных подходов к изучению исторического процесса как цивилизационный, парадигмальный, аксиологический. Исследователи привлекают широкую источниковедческую базу. В качестве тематики выступает становление школьной¹² и вузовской¹³ системы образования в отдельных регионах, но следует отметить, что государственной политике в области отдельных дисциплин внимания уделяется меньше.

В исследованиях по истории сибирской школы в 90-е гг. XX в. ситуацией тематикой кардинальным образом не меняется¹⁴. В 2000-х гг. появляются работы Л. В. Алексеевой, И. В. Белич, В. В. Цысь, О. П. Цысь, Д. В. Городенко, в которых содержится материал, позволяющий глубже изучить политическую, социально-экономическую, культурную ситуацию этого периода в регионе. В научный оборот вводится широкий пласт ранее не использованных источников, анализ вопросов происходит с учетом плюрализма идей и возможности ведения научных дискуссий¹⁵.

---

¹² Корякин А. Н. Становление и развитие школьного образования в Вятском регионе в 1917-1941 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2013. 23 с.; Трибунских Н. И. Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 24 с.

¹³ Ушмаева К. А. Высшее историческое образование в России (20 – 90-е годы XX века). Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008. 449 с.; Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.; Белицкая М. А. Реализация государственной политики в сфере высшего профессионального образования в Нижнем Поволжье в 1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 20 с.; Панин Е. В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств. 1920-1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 29 с.

¹⁴ Кузнецова Е. В. Становление и развитие народного образования в Западной Сибири (1921-1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1995. 22 с.; Сулимов В. С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1995. 56 с.; Национальная школа Надымского Севера. Очерки истории и перспективы развития / Дрягин В. В. [и др.]. Надым, 1996. 76 с.; Городенко Д. В. Просвещение народов Севера: на материале Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. 84 с.; Прибыльский Ю. П. Школа тюменского края в XVIII – XX вв. (К трехсотлетию сибирской школы). Тобольск : Минитипография ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 1998. 112 с.; Сеногноева О. А. Деятельность молодежных организаций Западной Сибири по созданию новой системы образования в 20-е годы. Омск : ОмГПУ, 1998. 50 с.; Черказьянова И. В.: 1) Немецкая национальная школа в Сибири (конец XIX в. – 1938 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 26 с.; 2) Школьное образование российских немцев (проблемы развития и становления немецкой школы в Сибири в XVIII-XX в.) : монография. СПб. : СПб ГУТД, 2004. 368 с.

¹⁵ Алексеева Л. В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2003. 251 с.; Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2005; Белич И. В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера-западной Сибири : монография. Тобольск : ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. 127 с.; Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.). Ханты-Мансийск :

Для комплексного и всестороннего историографического анализа темы диссертационного исследования кроме хронологического принципа следует опираться на проблемный принцип.

Рассматривая вопросы государственной политики в области историко-обществоведческого образования, можно выделить следующие содержательные блоки, которые необходимо рассмотреть в настоящем исследовании:

- цели и задачи образовательной политики советского государства в области школьных дисциплин историко-обществоведческого цикла;
- принципы отбора содержания историко-обществоведческих дисциплин и организация учебного процесса в школах в центральной России и в школах Севера Западной Сибири;
- создание условий для достижения целей, сформулированных руководством в области школьного историко-обществоведческого образования (материально-техническое оснащение школ Севера Западной Сибири, обеспечение историко-обществоведческих дисциплин учебной литературой);
- политика государства в области подготовки педагогических кадров для школ Севера Западной Сибири.

Относительно изучения целей и задач, которые ставились руководством государства в области историко-обществоведческого образования, советские и российские исследователи не вели дискуссий. Большинство из них признавали, что главной целью школы было воспитание нового человека, строителя социализма¹⁶. Такое единодушное мнение можно объяснить наличием

Полиграфист, 2008. 194 с.; Алексеева Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 245 с.; Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 305 с.; Городенко Д. В. Образование народов Севера как фактор развития поликультурного пространства региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2013. 143 с.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР ...; Бущик Л. П. Очерк развития школьного ...; Барулина Л. С. Становление и развитие отечественного исторического образования ...; Вяземский Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования ...; Петухова О. А. Историческое образование в российской школе в первые годы советской власти, 1917-1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2004; Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества. Саратов : Науч. кн., 2005. 192 с. (Сер. Монография); Епифанова П. П. Становление и развитие школьного гуманитарного образования в Советской России (1917 – 1939

нормативных документов и учебных программ, в которых все целевые установки были сформулированы.

В отдельных исследованиях, посвященных развитию исторического образования, уделялось внимание вопросу трансформации целей, стоявших перед дисциплинами историко-обществоведческого цикла в 20–30-е гг. XX в. Большинство исследователей выделяют два этапа в эволюции целей преподавания истории. Первый начинается в 1917 г. и продолжается до середины 1920-х гг. Авторы приходят к выводу, что на целевые установки исторического образования на данном этапе с идеологической и политической точек зрения оказали влияние идеи о свершении мировой революции и концепция пролетарского интернационализма. Это привело к отказу от изучения национальной истории. Революция провозглашалась «локомотивом истории», а реформистский путь полностью отвергался. Второй этап включает в себя вторую половину 1920-х гг. и первые годы 1930-х гг. Е. Е. Вяземский, В. Н. Данилов, К. А. Ушмаева в качестве основополагающих идеологических установок, транслированных советской властью, выделяют идеи безальтернативности принятого партийным руководством страны курса на «построение социализма в отдельно взятой стране»; мысль о легитимности и закономерности установленного режима и переход от идеи интернационализма к государственному патриотизму¹⁷.

Интересным является факт рассмотрения вопроса достижения и реализации заданных целей во всесоюзном масштабе и на местах. Т. В. Чемоданова, рассматривая государственную политику в сфере школьного обществоведческого образования в 1920-х гг. – начале 1930-х гг. на примере учебных заведений Нижнего Поволжья, приходит к выводу о том, что историко-обществоведческое

гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 215 с.; Ушмаева К. А. Историки и власть на юге России (1917 – 2000 гг.). Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. 368 с.; Чемоданова Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования в 1920-х - начале 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2010; Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете ....

¹⁷ Вяземский Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования ...; Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества. Саратов : Науч. кн., 2005. 192 с. (Сер. Монография); Ушмаева К. А. Историки и власть на юге России ...; Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете ...

образование все-таки стало «сильнейшим политико-воспитательным средством формирования человека «нового типа», и обществоведческие дисциплины сыграли в этом первостепенную роль¹⁸. О. А. Петухова, исследуя становление исторического образования в школах Смоленской области, отмечает, что цели, стоявшие перед дисциплинами историко-обществоведческого цикла к середине 30-х гг. XX в., достигнуты не были, лишь к концу 1930-х гг. – началу 1940-х гг. наметились положительные тенденции, которые стали приносить конкретные результаты¹⁹.

На современном этапе развития историографии актуальными являются исследования К. Ф. Лиджеевой. Используя ретроспективный анализ, она соотнесла методы, средства и способы достижения поставленных государством целей в области образования с психологией и менталитетом народов южно-российских национальных районов (Северный Кавказ, Калмыкия)²⁰. К. Ф. Лиджеева приходит к выводу, что советская власть в 20-е гг. XX в. не смогла выстроить в регионе унифицированную образовательную систему, в связи с полиэтничностью и особенностью ментальных характеристик народов, проживающих в южно-российских национальных районах и тем самым не достигла тех целевых установок, которые были сформулированы в этот период в системе образования²¹.

Итак, вопросам определения и трансформации целей и задач государственной политики в области историко-обществоведческого образования уделялось внимание на протяжении всех этапов развития историографии. Наиболее полно и всесторонне этот аспект был рассмотрен на современном этапе, поскольку исследователи получили возможность отойти от давления марксистско-ленинской идеологии и, опираясь на широкий пласт источников,

---

¹⁸ Чемоданова Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования ...

¹⁹ Петухова О. А. Историческое образование в российской школе ...

²⁰ Лиджеева К. Ф. Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918-1941 гг.: сравнительно-исторический анализ : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2014. 40 с.

²¹ Лиджеева К. Ф. Социально-экономическая и культурная интеграция народов Северного Кавказа в советское государство (1920-е-1930-е гг.) // Вестник московского государственного областного университета. М. : Изд-во МГОУ, 2011. С. 145-148. (Сер. История и политические науки).

используя проблемно-хронологический метод, выделили этапы изменения целей историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг.

Следующий аспект, который занимает значительное место в историографии государственной политики в области становления и развития историко-обществоведческого образования, – вопрос, связанный с принципами отбора содержания, основных дидактических единиц, зафиксированных в учебных программах 1920 г., 1921 г., 1924 г., 1925 г., 1927 г. и 1934 г.

Это вопрос поднимается уже в первый период развития историографии (начало 1920-х гг. – середина 1930-х гг.). Так 1920-е гг. можно назвать временем дискуссий между представителями методических школ по вопросу содержания курсов истории и обществоведения, а также методов их преподавания («Московская методическая школа», представителями которой были Б. Жаворонков, С. Дзюбинский и С. Сингалевич, «Ленинградское направление» во главе с А. Е. Кудрявцевым и методическая секция Общества историков-марксистов)²².

Не случайно именно на первом этапе развития историографии существовала возможность обсуждения содержательной стороны историко-обществоведческих дисциплин, так как это было временем, когда в научном сообществе еще не довели идеологические стереотипы.

Анализ существующих учебных программ, разработанных сотрудниками Наркомпроса, представлен и в работах историков 40-х гг. XX в.²³. Фактически первым обобщающим трудом, посвященным вопросу содержания исторического образования в советской школе, является совместная работа В. Н. Вернадского и Н. В. Андреевской «Методика преподавания истории в семилетней школе».

---

²² Кудрявцев А. Е. Очередные вопросы методики обществоведения на второй ступени: Опыт методического исследования. М.-Л. : Гос. изд-во, 1925. 222 с.; Жаворонков Б. Н., Дзюбинский С. Н. Подвижная лаборатория по обществоведению. Л., 1926; Дзюбинский С. Д. Очерки методики обществоведения в школе II ступени / С. Д. Дзюбинский, Б. Н. Жаворонков, С. П. Сингалевич. – Казань : Татиздат, 1927; Иоаннисиани А. История в школе II ступени. (Из стенограммы доклада в методической секции Общества историков-марксистов) // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 153.

²³ Константинов Н. В., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы ...; Королев Ф. Ф. Очерки советской школы и педагогики ...

Особое внимание авторы уделили вопросу трансформации содержания историко-обществоведческих дисциплин, рассмотрели принципы отбора материала и возможности его усвоения школьниками. Авторы подвергли критике комплексные программы за их сложность и схематизм, который не позволил сформировать у учащихся необходимые представления об исторических процессах²⁴.

Аналогичные вопросы рассматривались и в методических работах М. А. Зиновьева. Он также отдельно изучил процесс изменения содержания школьных курсов истории в духе марксистско-ленинской концепции и проанализировал организацию системы их преподавания (отбор методов и форм обучения, подготовку соответствующей учебной литературы)²⁵.

Вопросы отбора содержания историко-обществоведческих дисциплин нашли отражение и в работах, посвященных становлению народного образования в общесоюзном масштабе. Ф. Ф. Королев в обобщающей работе об истории советской школы отдельное внимание уделил анализу не только общих нормативных документов, определивших в целом вектор развития народного образования после октября 1917 г., но и первым примерным предметным программам²⁶. З. И. Равкин расширил хронологические рамки исследования и в 1959 г. опубликовал работу «Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг.», где подробно описал ситуацию, существовавшую с разработкой, внедрением и реакцией учителей на учебные программы, изданные за четыре года (с 1921 г. по 1925 г.)²⁷.

В 1961 г. З. И. Равкин уже совместно с Ф. Ф. Королевым и Т. Д. Корнейчиком представили работу, в которой хронологические рамки

---

²⁴ Андреевская Н. В., Вернадский В. Н. Методика преподавания истории в семилетней школе ...

²⁵ Зиновьев М. А. Основные вопросы методики преподавания истории: руководство для преподавателей истории средней школы ...

²⁶ Королев Ф. Ф. Очерки советской школы и педагогики ...

²⁷ Равкин З. И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг. / под ред. П. Н. Шимбирева. М., 1959. 276 с.

исследования продлевали до 1931 г.²⁸ В качестве основных источников данной работы выступали материалы центральных архивов, труды государственных деятелей (А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, Н. К. Крупской), средства массовой информации, отражающие злободневные вопросы, связанные с системой образования. Стоит отметить, что даже фрагментарное рассмотрение вопросов формирования содержания исторического образования, позволило представить анализ тех трудностей, с которыми столкнулись учителя при внедрении новых программ в образовательный процесс.

В современных исследованиях вопросам отбора содержания уделяется отдельное внимание²⁹. Особенностью и значимостью этих работ становится всесторонний анализ исследуемой проблемы с позиции системного подхода и историзма³⁰, а также широкое привлечение региональных материалов.

Можно констатировать, что характеристике содержания уделялось внимание на протяжении всего времени изучения этого вопроса. Но если на первом этапе это происходило в рамках обсуждения того исторического и обществоведческого материала, который мог бы найти отражения в примерных программах 1920-х гг., то в середине XX в. исследователи уже анализировали измененное содержание программ, которое было реализовано в школах СССР в исследуемый период. При этом авторы пытались выйти на более высокий уровень обобщения и рассматривали этот вопрос в связи с особенностями организации учебного процесса. В настоящее время происходит территориальное расширение исследований, изучается изменение содержания историко-обществоведческих дисциплин в разных регионах страны с привлечением широкой базы местных источников.

---

²⁸ Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ...

²⁹ Вяземский Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования ...; Чемоданова Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования ... Петухова О. А. Историческое образование в российской школе ...

³⁰ Шулепникова Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю // <http://pish.ru/blog/archives/category/articles/articles2014>

Вопрос обеспечения учебной литературой историко-обществоведческих дисциплин был предметом исследования на протяжении всех периодов развития историографии общесоюзного уровня. В работах, посвященных развитию народного образования, авторы сходятся во мнение, что литературой школы были обеспечены слабо, или же она не отражала всей необходимой информации³¹.

Вопрос обеспечения северных школ учебной литературой поднимался в работах А. Г. Базанова и Н. Г. Казанского, Ф. Ф. Кронгауза³². Однако в этих исследованиях и в исследованиях, вышедших гораздо позже³³, основное внимание уделялось литературе, направленной на ликвидацию неграмотности среди коренного населения (буквари, азбуки, рабочие книги). Следует подчеркнуть, что вопрос, связанный с обеспечением учебно-методической литературой школ Севера Западной Сибири по историко-обществоведческому циклу, ни советскими, ни современными историками исследован не был.

Одним из основных аспектов изучения государственной политики в области образования вообще и историко-обществоведческого, в частности, является характеристика системы подготовки кадров. Для Севера Западной Сибири это вопрос не просто подготовки учителей, но учителей истории и обществоведения для национальных школ, в том числе из представителей коренного населения Севера³⁴.

---

³¹ Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ...; Бушик Л. П. Очерк развития школьного ...; Котомкина Е. А. Из истории народного образования в России в 1917-1932 гг. Тверь : Лилия Пронт, 2002. 244 с.; Вяземский Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования ...

³² Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере ...; Кронгауз Ф. Ф. К истории советской школы ...

³³ Кузнецова Е. В. Становление и развитие народного образования в Западной Сибири ...; Городенко Д. В. Просвещение народов Севера ...; Артёменко О. И. Культура и образование коренных малочисленных народов Севера. М. : ИНПО, 2007. 192 с.; Белич И. В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера-западной Сибири ...; Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов северо-западной Сибири в 1920 – 1950-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2008. 22 с.; Казакова Н. С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа в 1931-1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2009.

³⁴ Колокольникова З.У., Казанкова О.А. Краткосрочные курсы как форма подготовки учителей национальной школы в 20-30-е гг. XX века // http://www.rusnauka.com/32_PRNT_2013/Pedagogica/2_148186.doc.htm Мануилова А. Е. Повышение квалификации работников народного образования в Сибири в 20-30-е гг. XX в. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3166–3170. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54897.htm>.

М. М. Ишбаев, рассматривая становление системы школьного обучения в Ларьякском районе с 1917 г. до конца 1990-х гг., озвучил вывод о том, что, несмотря на значительные материальные затраты со стороны государства и определенную систему мероприятий, ликвидация неграмотности среди местного населения проходила медленными темпами. Причину такой ситуации он видел в отсутствии квалифицированных педагогических кадров³⁵.

Об этом писала и Л. В. Алексеева. Она пришла к выводу о том, что в школах Севера Западной Сибири профессиональных учителей не хватало, их выпуск был недостаточным³⁶. В 2000-х гг. вопросы становления и развития системы образования обско-угорских народов северо-западной Сибири были изучены Е. Г. Чумак. В своём диссертационном исследовании она отмечает, что «проблема подготовки педагогических кадров для национальных школ решалась целенаправленно и планомерно на государственном и местном уровнях»³⁷. Однако заниженные требования к условиям приема абитуриентов из числа коренных национальностей привели к низкому образовательному уровню выпускников педагогических учреждений, что в свою очередь отразилось на качестве преподавания в национальных школах. С этим соглашается и Н. С. Казакова³⁸, которая дополнительно отмечает, что и к началу 1940-х гг. в Ханты-Мансийском национальном округе ощущался недостаток педагогических кадров по отдельным предметам, при этом она не указывает, какие конкретно дисциплины нуждались в учителях.

В целом можно отметить, что уже в первых обобщающих трудах общесоюзного уровня, посвященных становлению и развитию историко-обществоведческого образования, отдельное внимание уделялось вопросу подготовки педагогических кадров. В региональных исследованиях существует

---

³⁵ Ишбаев М. М. Выход в свет ...

³⁶ Алексеева Л. В.: 1) Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг. ...; 2) Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ...; 3) Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ...

³⁷ Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов ... С. 20.

³⁸ Казакова Н. С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа ...

ряд работ, в которых современными исследователями на широкой источниковой базе представлен качественный и количественный анализ педагогического состава, работающего в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-х гг., но отдельного внимания государственной политике в области подготовки учителей истории и обществоведения для северных школ не уделяется.

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что отдельные аспекты государственной политики в области историко-обществоведческого образования – формулирование целей, вопросы содержания, методы обучения были наиболее полно рассмотрены в исследованиях общесоюзного уровня. На региональном уровне более подробно изучены вопросы партийно-государственного руководства культурным строительством на Севере, приведены данные о численности учителей и учащихся, количественном росте школьной сети, результатах ликвидации неграмотности. В меньшей степени изучены проблемы организации учебного и воспитательного процесса в национальных школах и школах-интернатах. К сожалению, отсутствуют работы, посвященные государственной политике в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири. Этот факт является бесспорным недостатком, поскольку именно в 20–30-е гг. XX в. происходили кардинальные преобразования в области содержания исторической науки, методов обучения, форм организации учебного процесса. При сохранении малоизученных вопросов, нельзя создать целостную картину системы образования, существовавшей в первые десятилетия советской власти. В настоящее время существует необходимость рассмотреть эволюцию государственной политики в области историко-обществоведческого образования на Севере Западной Сибири, установить особенности организации учебного процесса в сфере преподавания истории и обществоведения.

Объект исследования – государственная политика в области историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг.

Предмет исследования – государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг.

Важно уточнить содержание понятия «государственная политика в области историко-обществоведческого образования в 1920–1930-х гг.». Под ней мы будем понимать комплекс мероприятий, направленных на организацию содержания образования, определение целей, способов и средств формирования определенного мировоззрения молодого поколения, подготовку кадров, материально-техническое обеспечение и т.д., разрабатываемых и реализуемых органами управления в соответствии с определенными целями и принципами на основе господствующей марксистской идеологии.

Цель исследования – выявить цели, условия, способы и результаты реализации государственной политики в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг.

В соответствии с обозначенной целью необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить основные направления государственной политики в области школьного историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг.

2. Установить особенности трансформации содержания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг., исходя из целевых установок советской власти.

3. Выявить степень обеспечения учебно-методической литературой историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири, а также определить особенности организации учебного процесса как одного из направлений реализации государственной политики.

4. Определить специфику подготовки учительских кадров, особенности развития системы педагогического образования и повышения квалификации работников школ Севера Западной Сибири в области историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1920-го по конец 1930-х гг. Нижняя граница для исследования определяется началом 1920-х гг., когда на территории Севера Западной Сибири закончилась Гражданская война и первые программные документы, касающиеся системы образования³⁹, стали получать практическое применение в северных школах. Верхняя граница определяется результатами реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в школах Севера Западной Сибири. Эти проявления нашли отражения только к концу 30-х гг. XX в.

Территориальные рамки. В настоящем диссертационном исследовании реализация государственной политики в области историко-обществоведческого образования рассматривается как культурно-исторический процесс, происходивший на территории современной Северо-Западной Сибири в границах Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Север Западной Сибири в исследуемый период характеризовался несколькими специфическими условиями по сравнению с центральными районами России.

Во-первых, указанная территория многократно передавалась в подчинение различным административно-политическим центрам. В 1897–1919 гг. Северо-Западная Сибирь относилась к Тобольской губернии. В 1923 г. на территории уже бывшей Тюменской губернии было образовано три округа – Ишимский, Тюменский и Тобольский. К 1925 г. в Тобольском округе появилось 10 районов, в том числе Тобольский, Уватский, Кондинский, Самаровский, Сургутский, Обдорский, Березовский районы. 10 декабря 1930 г. постановлением ВЦИК

---

³⁹ Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : Утверждено на заседании ВЦИК 30 сент. 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов [и др.]. М., 1974. С. 133-137; Основные принципы единой трудовой школы РСФСР. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г.; Примерные программы для I и II ступни ступени Единой трудовой школы. М. : ГИЗ, 1920.

создаются Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) национальный округ с центром в с. Самарово (г. Ханты-Мансийск) и Ямальский (Ненецкий) национальный округ с центром в с. Обдорск. 7 января 1932 г. Тобольский округ был упразднен. В начале 1934 г. была создана Обско-Иртышская область, в состав которой вошли Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий) национальные округа. 7 декабря 1934 г. Обско-Иртышская область была ликвидирована, данная территория, в том числе и Остяко-Вогульский округ, вошла в состав Омской области, с 1944 г. – в состав Тюменской области⁴⁰.

Во-вторых, Север Западной Сибири имел определенные особенности в хозяйственном и экономическом развитии. Эти территории считались зоной рискованного земледелия, преобладало промысловое хозяйство и отсутствовало промышленное производство. Отмечается «разбросанность» и удаленность поселений друг от друга на большие расстояния. Коренное население (ханты, манси, ненцы и др.) вело полукочевой образ жизни.

В-третьих, на этой территории проживали несколько этнографических групп: коренное население, потомки первых русских переселенцев, а также спецпереселенцы – политические ссыльные, переселенные раскулаченные крестьяне из различных регионов СССР.

В-четвертых, следует отметить особый склад ментальных характеристик, присущих северным народам, которые были свойственны более традиционному обществу, это определило особые условия для реализации и в итоге результативности государственной политики в области образования.

Методологической основой работы послужила теория модернизации. Мы понимаем ее как процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу, который подтверждается процессами и тенденциями, наблюдавшимися в социально-экономической жизни СССР в 1920–1930-е гг. При этом мы согласны с тем, что возможно существование национальных проектов модернизации в

---

⁴⁰ Административно - территориальное деление Тюменской области (XVII - XX вв.). Тюмень, 2003. С.6-9

соответствии с историческими традициями и ценностями незападных обществ (А. Турен, Ш. Эйзенштадт)⁴¹. Опыт сталинской модернизации данного периода в значительной степени подтверждает этот тезис.

Исследование строилось на основополагающем принципе исторической науки – принципе историзма. Он определил подход к проблеме государственной политики в области историко-обществоведческого образования на Севере Западной Сибири с учетом конкретно исторической обстановки.

Поставленные задачи решались на основе комплексного использования исторических методов исследования: историко-сравнительного, структурно-системного, проблемно-хронологического. Историко-сравнительный метод использовался на протяжении всего исследования для выявления наиболее значимых исходных и итоговых позиций развития школьного образования на Севере Западной Сибири. Структурно-системный метод позволил определить элементы государственной политики в области историко-обществоведческого образования и рассмотреть их взаимосвязь и трансформацию в обозначенный период.

Проблемно-хронологический метод исследования обусловил общее построение исследования и дал возможность рассмотреть в динамике процесс изменения содержания государственной политики в области историко-обществоведческого образования на Севере Западной Сибири. Статистический метод использовался для определения количественных и качественных характеристик состава учеников и педагогов местных школ, а также позволил проследить динамику их изменений

Исследование также базировалось на междисциплинарном подходе, так как государственная школьная политика захватывает все основные сферы

---

⁴¹ Побережников И. В. Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации Проблемы теории и методологии // Экономическая история. Обозрение. Вып. 12. / под ред. Л. И. Бородкина. М. : зд-во МГУ, 2006. С. 148-165.; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации : монография / отв. ред. В. В. Алексеев. М. : РОССПЭН, 2006. С. 56-58.

жизнедеятельности общества, поэтому при ее анализе требуется комплексный подход с использованием современных достижений истории, социологии, экономики, политологии, этнопсихологии и педагогики. При анализе особенностей преподавания историко-обществоведческих дисциплин на Севере Западной Сибири мы учитывали особенности восприятия ее со стороны коренных народов Севера. Изучение исторических документов по истории педагогической мысли СССР потребовало также использования отдельных методов педагогического исследования, в частности метода изучения и обобщения педагогического опыта, позволяющего оценить значение историко-обществоведческого образования в учебно-воспитательном процессе местных школ.

Источниковая база исследования. Для воссоздания полной картины становления и развития историко-обществоведческого образования на территории Севера Западной Сибири требуется привлечение комплекса разнообразных источников, которые могут быть классифицированы по следующим группам: 1) законодательные акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) периодическая печать; 4) документы личного происхождения; 5) статистические материалы.

Первая группа источников – законодательные и нормативно-правовые акты, исходившие от государственной власти. С помощью их регулировалась деятельность образовательных учреждений страны. Изучение этой группы источников позволило выделить этапы развития образовательной системы в стране, дало возможность определить изменения в целевых установках, как всей системы образования, так и отдельных предметов, в частности историко-обществоведческого цикла.

К этой группе источников относятся официальные партийно-государственные документы: декреты и постановления съездов Советов и сессий ВЦИК, решения партийных съездов и пленумов, постановления Наркомпроса, постановления ЦК ВКП(б) о школе, постановления и директивы Уралобкома ВКП(б), Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б). Документы, относящиеся к

данной группе источников, в настоящее время могут быть опубликованы в различных сборниках⁴², либо находиться в центральных и областных архивах страны⁴³.

Декреты ВЦИК и СНК РСФСР 1918 г.⁴⁴ дают возможность проследить процесс формирования принципов построения советской школы и выработку основ образовательной политики в последующие годы.

Важное место для определения понимания государством роли истории как школьного предмета занимает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», положившее начало восстановлению преподавания истории как самостоятельного предмета в школах страны в середине 30-х гг. XX в. Постановлением от 9 июня 1934 г. «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» руководители народным образованием на длительное время определили структуру и содержание исторического образования в школе.

К числу наиболее информативных и значимых документов по проблеме исследования относятся документы центральных партийных органов, материалы партийных съездов и конференций⁴⁵, дающие информацию по значимым аспектам развития исторического и обществоведческого образования в школах страны. В них представлен основной содержательный материал о конкретной педагогической ситуации, существующей в советских школах. В частности в

⁴² Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов. 1917-1947. М., 1947; Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. А. М. Данев. М., 1948; КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций и постановлений ЦК. 1917-1958. М., 1958; КПСС о культуре, просвещении, науке : сб. док. М., 1963; Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост. А. А. Абакумов [и др.]. М., 1974 и др.; Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик 1919-1924 гг. М., 1985.

⁴³ Федеральное казенное учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ), Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории» (РГАСПИ), Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУСО ГАСО).

⁴⁴ Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» от 9 ноября 1917 г.; Декрет ВЦИК «Положение о единой трудовой школе»; Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

⁴⁵ Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 239; Задачи просвещения в системе советского строительства Доклад на I Всесоюзном учительском съезде (Впервые опубликован в «Учительской газете», 1925, 16 января).

постановлении ЦК ВКП(б) от 18 января 1927 г. «О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской молодежи» обнаружена критика ситуации, существовавшей в сфере преподавания обществоведения в указанный период⁴⁶.

Постановление XIII Всероссийского съезда Советов от 16 апреля 1927 г. «Об общем состоянии народного просвещения» констатировало успехи, достигнутые в деле образования, а также зафиксировало определенные решения в направлении социального воспитания, политико-просветительной работы, профессионального образования, науки, и что особо важно для диссертационного исследования, поставило отдельные задачи в области просвещения в автономных республиках и среди национальных меньшинств⁴⁷.

Постановления коллегии Наркомпроса позволяют определить разностороннюю деятельность государства по становлению и развитию системы историко-обществоведческого образования в рассматриваемый период. Постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. предоставило возможность национальным меньшинствам организовывать обучение на родных языках на обеих ступенях единой трудовой школы⁴⁸. Важным для понимания образовательной ситуации в регионе является постановление СНК РСФСР по докладу Наркомпроса «О просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР» от 18 июля 1926 г., в котором были намечены важнейшие шаги в деле развития народного образования: расширение школ I ступени, а также открытие необходимого количества педагогических национальных учебных заведений⁴⁹. Важным для исследования является вопрос,

---

⁴⁶ О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской молодежи : Постановление ЦК ВКП(б) от 18 янв. 1927 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 151-152.

⁴⁷ Об общем состоянии народного просвещения : Постановление XIII Всероссийского съезда Советов от 16 апр. 1927 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 37.

⁴⁸ О школах национальных меньшинств : Постановление Наркомпроса от 31 окт. 1918 г. // Общеобразовательная школа : сб. док. 1917-1973 гг. М., 1974. С. 145.

⁴⁹ О просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР : Постановления СНК РСФСР по докладу Наркомпроса от 18 июля 1926 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 32.

связанный с учебно-методическим обеспечением историко-обществоведческих дисциплин, особенно начиная с 30-х гг. XX в.⁵⁰

Документы Государственного ученого совета (ГУСа) Наркомпроса РСФСР и Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвоса) Наркомпроса позволяют выявить назревшие противоречия в образовательной политике 1920-х гг. и причины, обусловившие отход от экспериментальных идей этого периода и коренную перестройку всей системы школьного образования в начале 1930-х гг. Так «Основные принципы единой трудовой школы», изложенные народным комиссаром по просвещению А. В. Луначарским, определили те направления в образовательной сфере, которые подверглись кардинальной трансформации уже к концу 1918 г.⁵¹

Таким образом, использование законодательных материалов позволяет проанализировать комплекс мероприятий, направленных на реализацию государственной политики, в соответствии с определенными целями и принципами.

Важнейшей группой источников для данного исследования является делопроизводственная документация.

Особый интерес представляют отчеты и докладные записки Наркомпроса за отдельные учебные года о состоянии преподавания истории и обществоведения в школах страны, протоколы и стенограммы заседаний отдела реформы школы, его комиссий, переписка с районными и городскими отделами народного образования, а также отчеты и справки о результатах проверок школ и качестве преподавания в образовательных учреждениях истории и обществоведения.

Документы этой категории были обнаружены в центральных архивохранилищах. Обращение к документам Ф. А–296 Государственного архива

---

⁵⁰ Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы : Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 7 авг. 1935 г.; Об организации конкурса на лучший школьный учебник для начальной школы по элементарному курсу истории союза ССР с краткими сведениями по всеобщей истории : Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г.; О развертывании сети школьных библиотек и изданий литературы для них : Постановление СНК СССР от 16 нояб. 1936 г.

⁵¹ «Основные принципы единой трудовой школы» от Государственной комиссии по просвещению от 16 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 137-145.

Российской Федерации (ГА РФ): инструкции НКП РСФСР «О порядке приспособления программ ГУСа для школ нацмен», докладным запискам, справкам, заключениям инспекторов Наркомпроса РСФСР и Губернских отделов народного образования в НКП РСФСР о состоянии просвещения национальных меньшинств на Севере Западной Сибири позволило определить основные направления методической работы, требования к составлению программ для национальных школ, содержание программного материала школ-интернатов для детей туземцев северных окраин.

Значительный интерес представляют справки, докладные записки и отчеты о состоянии преподавания предметов, в том числе историко-обществоведческого цикла, об уровне знаний учащихся, а также документы, касающиеся проблем педагогического образования, относящихся к исходящим документам конкретного образовательного учреждения. Они позволяют значительно расширить представление о содержании реальной образовательной деятельности в конкретной северной школе.

Основная масса делопроизводственных документов по вопросу становления историко-обществоведческого образования на территории Севера Западной Сибири хранится в фондах региональных архивов: Государственном казенном учреждении Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУСО ГАСО)⁵², Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО ГАСПИТО)⁵³, Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»

---

⁵² Фонды: «Свердловский областной отдел народного образования» (Ф. Р-233); «Плановая комиссия исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся» (Ф. Р-241); «Свердловское областное бюро краеведения» (Ф. Р-677).

⁵³ Фонды: «Тобольский окружной комитет партии» (Ф. П-30); «Обско-Иртышский Обком ВКП (б)» (Ф. П-23); «Ханты-Мансийский окружной комитет ВКП (б). Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС Тюменской области. Культурно-пропагандистский отдел» (Ф. П-107); «Тюменский окружной профессиональный союз работников просвещения (1922 – 30 гг.)» (Ф. 3929).

(ГБУТО ГАТО)⁵⁴, Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»)⁵⁵, казенном учреждении Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (КУ «Государственный архив Югры»⁵⁶, Государственном казенном учреждении «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (ГКУ «ГА ЯНАО»)⁵⁷, архивном отделе Администрации г. Сургута (АОАГС)⁵⁸.

Так, например, фонд (Ф. Р–233) Государственного архива Свердловской области содержит отчеты о работе Тюменского губернского отдела народного образования, статистические сведения о количестве неграмотных среди национальных меньшинств, доклады и отчеты о деятельности Совета по просвещению национальностей нерусского языка Уральской области, протоколы заседаний педагогического совета, квалификационной комиссии, приемной комиссии, учебный план и программы, доклады и докладные записки заведующего о работе Тобольского педагогического техникума им. Ленина, протоколы заседаний президиума окружной методической комиссии, производственные планы методической работы, материалы о состоянии всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности в районах. В фондах (Ф. Р–80, Ф. Р–84) Государственного архива Тюменской области хранятся схемы примерных программ для семилетней школы, положения об уездной инспекции народного образования, отчеты о губернских курсах по переподготовке учителей, отчеты о работе школ округа.

---

⁵⁴ Фонды: «Тюменский губернский отдел народного образования» (Ф. Р–80); «Тюменский окружной отдел народного образования» (Ф. Р–84); «Тюменское педагогическое училище» (Ф. Р–689).

⁵⁵ Фонды: «Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО)» (Ф. Р–167); «Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского районного Совета народных депутатов, г. Тобольск Тюменской области (1924-1977 гг.)» (Ф. Р–495); «Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (Ф. Р–676).

⁵⁶ Фонд: «Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области» (Ф. Р–5).

⁵⁷ Фонды: «Обдорский районный Совет рабочих, крестьянских депутатов и его исполнительный комитет» (Ф. 2); «Ямало-Ненецкий окружной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» (Ф. 3).

⁵⁸ Фонд: «Сургутский отдел народного образования Сургутского района Тюменской области» (Ф. Р–12).

В диссертационной работе анализу были подвергнуты методические материалы: учебные планы и программы, объяснительные записки к ним, учебная литература по историко-обществоведческим дисциплинам, методические пособия для учителей по вопросам преподавания истории и обществоведения в школе и то, насколько полно и эффективно они внедрялись в образовательных учреждениях Севера Западной Сибири. Данная информация имеется в фондах (Ф. Р-167; Ф. Р-676) Государственного архива в г. Тобольске, в фонде Ф. Р-5 Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Большое значение для понимания процессов, происходивших в образовательной системе в 1920–1930-х гг., имеют материалы периодической печати. С одной стороны, они позволяют проследить эволюцию государственной политики по отношению к перестройке образования, с другой стороны, дают возможность оценить взгляды современников, увидеть различия во мнениях относительно проблем школьного образования и путей его реформирования. В эту группу источников важно включить материалы следующих центральных изданий:

1) Журнал «Народное просвещение», издававшийся в 1918–1930-м гг., в первые годы существования выходил в двух вариантах: как еженедельник в Петрограде (хотя, периодичность выхода часто нарушалась), как и ежемесячник в Москве, но, начиная с 1923 г., перешел только на ежемесячный порядок выхода. Поэтому, если в первые годы издания журнал преимущественно выполнял функции бюллетеня Наркомпроса, то позднее он больше внимания уделял вопросам школьной политики и её практическому преломлению, публиковал материалы, отражающие педагогический опыт работы.

2) Журнал «На путях к новой школе» являлся печатным органом научно-педагогической секции ГУСа в 1922–1932 гг. Главной целью редакции, которую возглавляла Н. К. Крупская, было показать абсолютно новый строй советской школы. В связи с этим журнал был адресован широким слоям населения, а не только педагогам. Его публикации касались вопросов преподавания и воспитания,

в них давались рекомендации практической направленности. Нередко редакция предоставляла страницы журнала провинциальным педагогам-практикам.

Среди местных периодических изданий стоит особо выделить газеты «Трудовой набат» (с 1926 г. «Красное знамя»), «Остяко-Вогульская правда» (Ханты-Манчи шоп) и «Омская правда»⁵⁹, на страницах, которых широко освещалась ситуация, существующая в системе образования региона. Газеты как официальный орган партии публиковали различные постановления всесоюзных и региональных органов власти, речи руководителей и другую официальную информацию. Фактически вопросам просвещения уделялось внимание наравне с вопросами хозяйственной жизни края. Особенностью этого источника было то, что авторами статей и заметок часто выступали работники органов образования, сами учителя и ученики, а также простые граждане. В статьях отражалась, во-первых, реальная ситуация, существующая в школах, например, в статье «Работа школы II ступени разворачивается» были представлены как достижения, так и пробелы, существующие в местной системе образования в середине 1920-х гг. Во-вторых, статьи, опубликованные в местных периодических изданиях, содержали взгляды учителей на те или иные методические шаги, например, в статье «Газета – лучшее учебное пособие в школе» обсуждались плюсы и минусы использования газеты как учебного пособия на уроках обществоведения.

В целом, большинство публикаций в местной периодической печати было посвящено общим вопросам организации образования, таким как материально-техническое обеспечение школ, нехватка учителей, отсутствие учебников и учебных пособий. Отдельное место занимают вопросы ликвидации

---

⁵⁹ Газета – лучшее учебное пособие в школе // Трудовой набат 1924. 8 окт. № 229 (1694). С. 4; Работа школы II ступени разворачивается // Трудовой набат 1924. 10 окт. № 231 (1696). С. 3; Учитель Чем и как можно помочь сельской школе // Трудовой набат 1924, 17 окт. № 237 (1702). С. 2; Васильев В. Важные решения по делу народного просвещения // Трудовой набат 1924. 24 окт. № 243 (1708). С. 2; Партиец. В нашей партии. Ячейки шефствуют над школами // Трудовой набат 1924. 25 окт. № 244 (1709). С. 3; Братилов. К открытию дома просвещения 7-го ноября // Трудовой набат. 1924. 30 окт. № 248 (1713). С. 4; Зыков Проводники культуры на севере // Омская правда. 1935. № 108 (118). С. 4; О выплате заработной плате учителям // Омская правда. 1935. № 106 (116). 10 мая. С. 2; Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы // Омская правда. 1935. № 183 (193). 10 авг. С. 1.

неграмотности, особенно среди коренных национальностей, подготовке учебников на национальных языках, разработке письменности.

Определенное значение для раскрытия темы имеют также источники личного происхождения, например, письма и воспоминания учителей и учеников. В своих воспоминаниях учителя рассказывают о работе, проблемах, с которыми они сталкивались в педагогической деятельности. Воспоминания учителей, работающих в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-х гг. опубликованы в сборнике «История школы в истории судеб», а также в периодических изданиях, например, в журнале «Югра». Помимо этого информацию можно найти на сайте администрации г. Ханты-Мансийска в разделе «Книга Почета города Ханты-Мансийска»⁶⁰, например, воспоминания Заслуженного деятеля культуры ХМАО – Югры Пухлёнкиной Хионии Петровны.

Крайне интересными и важными для исследования являются воспоминания Н. И. Терёшкина, Х. П. Пухлёнкиной, А. И. Силина. Поскольку они выступали и в роли учащихся школ Западной Сибири, и в роли студентов Остяко-Вогульского педагогического техникума, и в роли учителей, трудившихся в национальных северных школах. Их воспоминания дают представление о взаимоотношении учителей и учащихся, о трудностях, с которыми сталкивались участники учебного процесса в 30-е гг. XX в. на Севере Западной Сибири, о материальном положении учителей, об учебно-методическом обеспечении школ и т.д. Использование источников личного происхождения позволяет раскрыть тот пласт проблем, который входит в понятие повседневной истории – жизнь и быт педагогов.

Для всестороннего исследования проблемы необходимо опираться также и на материалы статистики, собранные и опубликованные в различных справочных изданиях. Этот вид источника необходим для понимания общих процессов, происходивших в системе образования в рассматриваемый период.

---

⁶⁰ Книга Почета города Ханты-Мансийска / Ханты-Мансийск : офиц. портал органов местного самоуправления. URL: http://admhmansy.ru/city/kniga-pocheta/kniga-khanty-mansiyska/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 12.03.2015).

Статистические данные дают информацию о сети школ, контингенте учащихся и педагогических кадрах.

Статистические сведения преимущественно собраны в архивах окружного и районного уровней, поскольку состояние и перспективы развития школ освещались в различного рода отчетах, обзорах, составленные к областным съездам по народному образованию⁶¹. Данные сведения позволяют проследить динамику численности школ, охват учащихся ликвидацией неграмотности, количество учителей. Отдельно можно определить материальное положение школ (расходы на содержание школ, обеспечение их необходимым оборудованием, учебниками и учебными пособиями).

Отдельный интерес представляет Ф. Р-42 «Ханты-Мансийское педагогическое училище (колледж) Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области»⁶² государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в котором представлена информация о количественном составе обучающихся, их успеваемости.

Статистические данные можно взять как в отдельных статьях, так и в общих работах по истории народного образования Тюменского края. Из числа коллективных трудов здесь могут быть названы работы: «Школа и учительство в Сибири 20-е – начало 30-х годов», «Тюменская школа в XX веке», «Народное образование, наука и культура в СССР»⁶³.

Следует отдельно отметить, что статистическим источникам по истории образования присущи определенные недостатки: не всегда необходимые статистические данные подавались в установленный срок. Исходя из этого, они

---

⁶¹ КУ «Государственный архив Югры». Ф.Р-5. Оп. 1. Д. 6, 15-19, 23-26, 29, 36-39, 47, 61, 62 и др.; ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-495. Оп. 1. Д. 3, 5-7; Вопросы руководства просвещением Урала (материалы ко II-му областному съезду по народному образованию). Свердловск, 1927. 224 с.

⁶² КУ «Государственный архив Югры» Ф Р-42. Оп. 1. Д. 1, 2, 4.

⁶³ Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М. : Статистика, 1977. 448 с.; Школа и учительство в Сибири 20-е – начало 30-х годов / редкол.: Т. Н. Осташко, Л. И. Пыстина, В. Л. Соскин (отв. ред.). Новосибирск, 1978. 191 с.; Партийные организации Советского Севера (1920-1959 гг.). Ч. I. Деятельность партийных организаций автономных округов народов Севера в период строительства, укрепления и развития социализма / В. И. Зибарев. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. 256 с.; Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю. П. Прибыльский. Тюмень : Вектор Бук, 2002. 336 с.

могут нести в себе разную информацию, иметь противоречия в показателях по количеству школ, учащихся и педагогов. Несмотря на это, они позволяют выявить общую динамику развития школьной сети, количество учеников и учителей в школах.

Следует выделить ряд сложностей, определяющих работу с имеющейся источниковой базой. Стоит отметить, что территория Севера Западной Сибири в современных административных границах (Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) в 20–30-х гг. XX в. неоднократно передавалась в подчинение различным административно-политическим центрам. Это затрудняет обобщение и сопоставление статистических данных.

Еще одна особенность – периферийность региона относительно основных административных и культурно-просветительских центров Сибири, из-за чего история школ, их повседневная деятельность лишь эпизодически отражалась в публицистике. Тем не менее, объем и многообразие рассмотренных выше групп источников в целом позволяют выделить особенности государственной политики в области историко-обществоведческого образования на Севере Западной Сибири в 1920–1930-е гг.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– осуществление комплексного анализ вопросов, связанных с государственной политикой в области школьного историко-обществоведческого образования на территории Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг.;

– представление анализа условий и способов реализации государственной политики в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг.;

– введение в научный оборот ранее не опубликованных источников, позволяющих раскрыть особенности организации учебного процесса, подготовки педагогических кадров, изменения содержания историко-обществоведческих дисциплин на региональном уровне;

– выявление недостаточно изученных аспектов государственной образовательной политики на Севере Западной Сибири и особенностей ее реализации: трансформация содержания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг.; обеспечение учебно-методической литературой историко-обществоведческих дисциплин; развитие системы педагогического образования и повышения квалификации работников северных школ в области историко-обществоведческих дисциплин в 20–30-е гг. XX в.

Теоретическая значимость. В результате осуществленного анализа был систематизирован региональный опыт становления и развития историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг., уточнено понятие «государственная политика в области историко-обществоведческого образования». Выделены сущностные характеристики этого понятия. Они были раскрыты на примере преподавания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири в 20–30-е гг. XX в., то есть был представлен определенный алгоритм, который может быть применим и на другом регионе, в случае изучения подобной проблемы.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что его результаты можно эффективно использовать при создании обобщающих трудов по истории России, Сибири, истории образования, социокультурной истории, при подготовке учебно-методических пособий, спецкурсов и семинаров, а также при организации краеведческой исследовательской работы школьников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основные направления государственной политики в области школьного историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг. определяются в области формулирования целевых установок с учётом идеологической, социально-экономической и политической ситуации в советском государстве.

Они нашли отражение в принципах отбора содержания, в поиске наиболее эффективных методов и форм организации обучения, в требованиях к уровню подготовки учителей.

2. В рамках содержания государственной политики в области становления и развития историко-обществоведческого образования с начала 1920-х гг. по конец 1930-х гг. выделяется два этапа. Первому этапу (с начала 1920-х гг. – до середины 1920-х гг.) присущ дискуссионный характер поиска путей развития исторического образования и становление обществоведения как школьной дисциплины. Второй этап (вторая половина 1920-х гг. – 1930-е гг.) – время усиления влияния государственной идеологии на все сферы жизни общества.

Специфические условия социального и экономического развития Обского Севера создали предпосылки для более медленной модернизации школьного исторического образования в регионе относительно центральных районов.

3. Трансформация содержания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири носила «догоняющий характер». В большинстве школ на Обском Севере в 1920-х гг. комплексные программы не были реализованы в сроки, установленные Наркомпросом. В 30-е гг. XX в., в период восстановления истории как отдельного предмета, многие школы в отдаленных северных районах были не готовы к работе в этом направлении (отсутствие квалифицированных учителей истории, специальной литературы и т.д.). Формирование определенных исторических и обществоведческих представлений у школьников часто осуществлялось через организацию воспитательной работы и включения исторической информации в отдельные занятия.

4. Степень обеспечения учебно-методической литературой историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась на низком уровне. Стабильной, пригодной для реализации в регионах с определёнными национально-культурными особенностями литературы по истории и обществоведению создано не было. Организация учебного процесса не соответствовала тем тенденциям,

которые имели место в центральных районах СССР – это внедрение исследовательского, лабораторного, экскурсионного методов. Следствием сложившейся ситуации являлся низкий уровень качества знаний учащихся по историко-обществоведческим дисциплинам.

5. Вопрос, связанный с обеспечением школ кадровым составом, стоял достаточно остро в течение всего исследуемого периода в связи с интенсивным строительством новых школ, а также открытием национальных учебных заведений, которые требовали соответствующих педагогов. Решение этого вопроса на первом этапе государство видело в организации краткосрочных курсов повышения квалификации и привлечении в качестве педагогов людей, владеющих грамотой, но не имеющих соответствующего педагогического образования. В 1930-х гг. государственная политика в области подготовки педагогических кадров становится системной, открываются специальные учебные заведения с целью подготовки учителей именно для национальных школ. Но вопрос, связанный с профессиональной подготовкой по историко-обществоведческим дисциплинам, остается открытым вплоть до конца 1930-х гг.

Апробация исследования. Содержание диссертационного исследования изложено в 10 основных публикациях. Пять статей изданы в журналах, входящих в перечень рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Основные выводы диссертационной работы нашли отражение в докладах на научных и научно-практических конференциях международного, всероссийского и межвузовского уровней.

Промежуточные результаты исследования были представлены на межвузовской конференции «Россия и мир: история и современность» (Сургут, 2007 г.), на всероссийских конференциях: научная конференция молодых историков «Диалог культур и цивилизаций» (Тобольск, 2007 г.), «Образование и культура как фактор развития региона» (Тобольск, 2007 г.) и международных конференциях: «Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и

юриспруденция: теория и практика» (Новосибирск, 2016 г.), «Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества» (Смоленск, 2016 г.).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. В каждой главе отражены определенные задачи, раскрывается объект и предмет исследования, достигается поставленная цель. Основные выводы работы представлены в заключении.

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ШКОЛАХ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

***

Прежде чем давать анализ государственной политики в области историко-обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг. нам видится необходимым раскрыть само содержание понятия «государственная политика в области историко-обществоведческого образования», которое пока еще не получило полного отражения в историографии. В диссертационных исследованиях и монографических работах, посвященных изменениям в системе образования, используются такие понятия как «государственная политика»⁶⁴ в какой-либо предметной области, «государственная образовательная политика»⁶⁵, «партийно-государственная политика»⁶⁶. На сегодняшний день в научном сообществе отсутствует единое мнение по вопросу определения данных понятий.

Поскольку в диссертационном исследовании хронологические рамки определяются 20–30-ми гг. XX в. – время, когда произошло слияние государственной власти и партийных органов, в первую очередь, есть необходимость рассмотреть понятие «государственная политика» с точки зрения

---

⁶⁴ Богданов В. И. Государственная политика СССР в области военного обучения студентов в 1926-1941 годах: На примере вузов Ленинграда : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 213 с.; Тимофеева Е. Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е гг. XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2004. 500 с.; Попова Е. В. Государственная политика по модернизации системы высшего образования в современной России : автореф. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2015. 27 с.

⁶⁵ Солдаткин В. И. Современная государственная образовательная политика: социальные императивы и приоритеты : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000; Гогин Д. Ю. Государственная образовательная политика Российской Федерации на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 218 с.; Насонкин В. В. Национальное и региональное измерение государственной образовательной политики в контексте глобализации (на примере ЕС) : автореф. ... д-ра полит. наук. СПб., 2015. 40 с.

⁶⁶ Иванчина А. Г. Партийно-государственная кадровая политика в области педагогического образования в Российской Федерации 1928-1941 годы : автореф. ... канд. ист. наук. М., 1993. 19 с.; Подцатова И. В. Исторический опыт партийно-государственной политики в сфере культурного строительства в 1985-1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 199 с.

деятельности партийных структур. На сегодняшний день историография представлена исследованиями, в которых разводятся понятия «государственная политика» и «партийно-государственная политика». Часть из них определяет основные изменения, произошедшие в системе историко-обществоведческого образования в исследуемый период, через деятельность государственных структур⁶⁷. Существуют обобщающие работы современных исследователей в области изучения народного образования в советский период, в которых не отделяются государственные структуры и партийные органы⁶⁸. Эти историки, как правило, рассматривают общие вопросы в области истории народного образования. Примером может выступать монография З. Г. Дайча «Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства; перспективы развития»⁶⁹, вышедшая в 1991 г. В постсоветский период к вопросу слияния государственных и партийных структур в области народного образования обращается Л. И. Анайкина в монографии «Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922-1991 гг.)»⁷⁰. Оба автора указывают на уместное употребление понятия «партийно-государственная политика», поскольку политика советского государства в сфере образования была подчинена политической и экономической доктринам правящей партии. Сегодня логично термин «партийная» отдельно не выделять, так как особая роль партийных органов в истории СССР общеизвестна, и словосочетание «государственная политика» в данном случае является самодостаточным.

На сегодняшний день отсутствует общая точка зрения в определении понятия «государственная политика в области образования» и «образовательная политика». И. Э. Кондакова рассматривает содержание понятия «образовательная

---

⁶⁷ Петухова О. А. Историческое образование в российской школе в первые годы советской власти, 1917-1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2004; Чемоданова Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования ...

⁶⁸ Абдулраб С. А. Партийно-государственная политика в области народного просвещения и ее реализация в центральном черноземье (1928 – 1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995.

⁶⁹ Дайч З. Г. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства; перспективы развития. М., 1991.

⁷⁰ Анайкина Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922-1991 гг.) : монография. М., 2001. 304 с.

политика» в контексте общего понимания политики как курса правительства, как деятельность и как сферу общественной жизни. Основой для авторского анализа послужили программы, проекты, стратегии правительства РФ в области развития образования. В результате проведенного исследования И. Э. Кондакова констатирует, что официальные документы не дают трактовки термина «образовательная политика», при этом она использует как синоним понятие «государственная политика в области образования»⁷¹.

А. А. Попов, П. П. Глухов, Г. М. Луппа в статье «Компетентностные практики и образовательная политика»⁷² разводят понятия «образовательная политика» и «государственная политика в области образования». Они отмечают, что термин «образовательная политика» гораздо шире, чем термин «государственная политика в области образования». По их мнению, это определяется тем, что субъектом «образовательной политики» выступает не только государство, но также семьи, дети, молодежь, корпорации, работодатели, предприниматели, педагогические команды и сообщества, коммерческие и некоммерческие организации, различные общественные объединения и т.д. Каждый из этих субъектов должен выступать заказчиком образовательного процесса и определять требования к результатам. В свою очередь «государственной политике в области образования», отмечают они, присуще нормирование, регулирование и структурирование сферы образования. Учитывая данный подход к определению понятия, можно согласиться, что в советское время с жесткой системой государственного регулирования и отсутствия общественного диалога между всеми субъектами образования, речь должна идти о «государственной политике в области образования».

Поскольку в диссертационном исследовании речь идет о школьном образовании, целесообразно рассмотреть вопрос, связанный с трактовкой термина

---

⁷¹ Кондакова И. Э. Образовательная политика: содержание понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2010. № 128. С. 119.

⁷² Попов А. А., Глухов П. П., Луппа Г. М. Компетентностные практики и образовательная политика // Вестник Московского городского педагогического университета. М., 2015. № 3 (33). С. 16.

«школьная политика». В середине 80-х гг. XX в. Э. Д. Днепровым, академиком Российской академии образования, было введено понятие «школьная политика». В своей статье «Школьная политика: содержание понятия и аспекты изучения» (на материалах дореволюционной России) автор определил это понятие как совокупность законодательных, идеологических, административных, педагогических и общественных акций в области образования, которые проводятся государством, различными профессиональными и общественными союзами, движениями, социальными институтами для достижения определенных социально-экономических, политических, культурных и педагогических целей⁷³.

В предложенном определении отмечены три основных элемента школьной политики – определение её целей и задач (с большей или меньшей идеологической мотивацией); выбор и обоснование средств и методов достижения этих целей и задач; их практическая реализация на уровнях законодательной практики, административно-управленческой практики и школьной практики⁷⁴. Подобный принцип выделения структурных элементов видится приемлемым для нашего исследования.

Обобщая вышесказанное, нам представляется, что анализ государственной политики в области образования, может строиться на основе следующих существенных признаков:

- цели и задачи государственной политики;
- принципы отбора содержания, закреплённого в программах и отражённого в школьных учебниках, а также структура образовательного процесса;
- научно-методическая организация учебного процесса (формы, методы, средства обучения);

---

⁷³ Днепров Э. Д. Школьная политика: содержание понятия и аспекты изучения (на материалах дореволюционной России) // Школа России накануне и в период революции 1905-1907 гг. : сб. науч. тр. М., 1985. С. 25-55.

⁷⁴ Кондакова И. Э. Образовательная политика: содержание понятия ... С. 119.

– возможности практической реализации на административном и школьном уровнях (социально-экономические условия, педагогический состав школ, материально-техническое оснащение).

Исходя из выделенных признаков, под государственной политикой в области историко-обществоведческого образования, как было уже отмечено во введении, мы будем понимать комплекс мероприятий, направленных на организацию содержания образования, определение целей, способов и средств формирования определенного мировоззрения молодого поколения, подготовку кадров, материально-техническое обеспечение и т.д., разрабатываемых и реализуемых органами управления в соответствии с определенными целями и принципами, на основе господствующей марксистской идеологии.

Изменение образовательной системы – это комплексный процесс. Он зависит от многих сфер общественной жизни: экономики, политики, культуры и др. При этом он сам оказывает на них влияние, то есть изменения в этих сферах взаимообусловлены и связаны между собой.

Соответственно для анализа государственной политики в области образования необходимо определить социально-экономические условия, существовавшие на Севере Западной Сибири в 20-30-е гг. XX в., уровень культурного развития региона, его геополитическое положение, этнопсихологические особенности коренного населения.

В начале XX в. в экономическом развитии Севера Западной Сибири значительную роль играло промысловое хозяйство: рыболовство, оленеводство, заготовка ценного пушного зверя и оленьих шкур, а также лесозаготовка. Единственным промышленным предприятием в Югре был мыловаренный завод, просуществовавший до 1921 г.

В декабре 1925 г. состоялся XIV съезд ВКП(б), на котором был взят курс на индустриализацию, как комплекс мероприятий по ускоренному развитию промышленности. Одними из источников средств для индустриализации стали «перекачка» средств из деревни в город, увеличение вывоза за границу леса,

пушнины. Это не могло не коснуться Севера Западной Сибири и в 1920–1930-х гг. хозяйственное развитие региона претерпело значительные изменения. Коренному населению Югры и Ямала пришлось столкнуться с индустриальными преобразованиями, проводимыми Советской властью без учета национальных традиций. Это в первую очередь можно отнести к процессу коллективизации, который был определен политико-экономическими факторами, а не национальными традициями. Как отмечает Л. В. Алексеева, коллективизация в Остяко-Вогульском округе фактически завершилась к концу 1930-х гг. Процент коллективизации составил 93,8%, всего было 347 колхозов⁷⁵. В Ямало-Ненецком округе коллективизация состоялась, но не завершилась к концу 30-х гг. XX в., всего было 116 колхозов, и значительная часть коренного населения Ямала оставалась вне колхозов, а там, где они были созданы, хозяйства носили форму простейших производственных объединений, что не означало обобществления средств производства⁷⁶.

Отдельное внимание со стороны руководства региона уделялось рыбному хозяйству и переводу его на социалистический путь. Рыбная отрасль была ведущей в промышленном развитии Остяко-Вогульского округа. Постепенно с приходом Советской власти вся рыбозаготовка была передана государственной организации – Рыбтресту и кооперации. С конца 20-х гг. XX в. рыбная отрасль была переведена на индустриальные рельсы: в 1928 г. в Сургуте открыта рыбоконсервная фабрика, со временем их количество увеличилось, к 1933 г. на территории Остяко-Вогульского национального округа было уже 6 рыбозаводов.

В Ямало-Ненецком округе в середине 1930-х гг. было четыре рыбозавода: Ново-Портовский, Пуйковский, Ныдинский и Аксарковский. В 1939 г. в Ямало-

---

⁷⁵ Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ... С. 48.

⁷⁶ Алексеева Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ... С. 94.

Ненецком округе работало 7 рыбозаводов, которые вели приемку рыбы у 76 колхозов⁷⁷.

До крестьянской ссылки заводы в Югре и на Ямале испытывали недостаток рабочей силы. После увеличения населения за счет спецпереселенцев вопрос «кадрового голода» по количественным показателям был решен, но их качественная подготовка была на низком уровне. Стояла острая необходимость обучения кадров для рыбной промышленности.

К середине 20-х гг. XX в. ситуация улучшилась и в охотничьем промысле. В связи с активизацией внешней торговли СССР возрос спрос на сибирскую пушнину, что превратило охотничий промысел в важную хозяйственно-политическую кампанию. Лидером среди заготовительных организаций в Ямальском округе в конце 1930-х гг. стала пушная контора «Комсеверпуть». В 1937 г. план по заготовкам пушнины был выполнен на 111%, а в 1938 г. – на 118,3%⁷⁸.

Преимущественно со второй половины 1920-х гг. на Севере Западной Сибири государство стало развивать лесную промышленность, хотя техническое оснащение леспромхозов было слабым и существовали сложности с транспортной инфраструктурой. Только к середине 1930-х гг. стали строиться зимние снежно-ледовые дороги для вывоза древесины. Транспортные коммуникации носили сезонный характер, были слабо развитыми, а в условиях значительной удаленности отдельных населенных пунктов от экономических и культурных центров это не обеспечивало устойчивого развития и взаимосвязи между территориями.

Следует особо отметить, что развитие промышленного производства, а также начавшаяся в конце 20-х гг. XX в. коллективизация не могли не нанести удар по традиционному укладу коренного населения, которое отказывалось вступать в колхозы, контрактировать оленей, выполнять задания по заготовкам.

---

⁷⁷ Там же. С. 101.

⁷⁸ Там же. С. 139.

Противостояние усиливалось разрушением духовного уклада жизни местного населения. Советская власть не только не учитывала менталитет местного населения, а наоборот, насильственными мерами (запрет традиционных верований, праздников, насильственное распределение детей в школы) стремилась изменить мировоззрение коренного населения.

И. В. Побережников отмечает, что переход от традиционного общества к современному влечет за собой не только развитие индустриальных технологий, но и политических, социальных, культурных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этих технологий⁷⁹.

Л. В. Алексеева отмечает: в политическом плане, советская власть в 1920-х гг. еще учитывала традиционный уклад жизни местного населения в регионе и пошла на уступки аборигенам, разрешив создавать родовые и туземные советы, но в 1930-х гг. в условиях укрепления в советском государстве тоталитарного режима, нужна была реальная демонстрация преимущества социализма. Именно поэтому с 1932 г. советизация пошла более жестко и более быстрыми темпами, а методы ее проведения характеризовались как авторитарные, не терпящие инакомыслия, не допускающие выбора. В итоге речи о национальном автономном характере советов уже не велось⁸⁰.

В 1930-х гг. социальная организация в регионе претерпела значительные изменения из-за попыток власти перевести на оседлость коренное население Севера Западной Сибири, а также в связи с переселением на Север раскулаченных крестьян (на 01 июля 1938 г. в Омской области на учете стояли 44 378 трудпоселенцев). Это не могло не оказать влияние на изменения численного и национального состава, а также на экономическое и культурное развитие региона.

Социокультурные преобразования со стороны государства исходили из убеждения о том, что коренные народы находились на крайне «отсталом» уровне

---

⁷⁹ Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 217.

⁸⁰ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 годах ... С. 219.

развития и требовали приобщения к более «высоким» формам культуры. В качестве образца выступал европеизированный (по сути индустриальный) образ жизни. Основными проводниками культуры на Ямале и в Югре выступали красные чумы, культбазы, дома народов Севера, а также увеличившаяся сеть образовательных учреждений. Однако в силу форсированных темпов ликвидации неграмотности среди коренного населения обучение осуществлялось на русском языке в школах-интернатах без учета национальных традиций и этнопсихологической специфики коренного населения.

Как отмечает Н. С. Казакова, за 1930-е гг. количество учащихся увеличилось в 2,5 раза и, несмотря на все «перегибы» в проведении культурных преобразований, были заложены основы социокультурной модернизации края. Таким образом, модернизационные процессы, происходившие на Севере Западной Сибири в 1920-1930-е гг. хотя и имели свою специфику, определявшуюся экономическими и этническими особенностями региона, в вопросах идеологической составляющей были такими же, как и в центральной части СССР. Индустриализация могла быть осуществлена только при наличии грамотного населения, способного быть включенным в кооперацию, трудовые отношения и т.д., квалифицированной рабочей силы, имевшей профессиональное образование в конкретной отрасли. При этом первостепенное значение в области образования и воспитания приобретали идеологические установки. Население страны должно было иметь четкую гражданскую позицию, способно воплощать в жизнь «революционные идеалы». Все это не могло не сказаться на государственной политике в области историко-обществоведческого образования.

***

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. вся система просвещения перешла под контроль нового руководства государством. Были подвергнуты изменениям принципы и формы организации обучения, модель образования, содержательное насыщение предметов. Все это нашло отражение в

конкретных нормативно-правовых материалах, стратегических программах, комплексе мероприятий, направленных на трансформацию образовательной системы.

Примером можно считать обращение Наркомпроса к гражданам России «О народном просвещении», вышедшем уже 29 октября 1917 г.⁸¹, в котором был взят курс на утверждение демократических начал в развитии образования (всеобщая грамотность населения, приоритет местным органам самоуправления в организации школьного обучения, улучшение положения учителей и т.д.).

Под особым вниманием государства в первые годы советской власти находилось развитие системы гуманитарного образования. Это было связано с тем, что именно на историко-обществоведческие предметы возлагались задачи по формированию у молодежи коммунистического мировоззрения, общественной сознательности. Что в свою очередь не могло не оказать влияние на политику государства в области отбора содержания исторических дисциплин.

Под содержанием образования обычно понимается система знаний, умений и навыков, направленная на выработку определенного мировоззрения и готовящая молодое поколение к участию в жизни данного общества⁸².

Содержание образования в советской школе на отдельных этапах ее развития не раз менялось в зависимости от конкретных задач, которые ставились перед нею. Основной идеей в содержании образования было изучение экономической жизни страны и преломление полученных знаний в практическую плоскость. Главное понятие, вокруг которого строилось обучение – «трудовая деятельность». При этом изучаться должна была не только трудовая деятельность сама по себе, но ее компоненты: природа, техника и человек.

В начале 20-х гг. XX в. В. И. Ленин говорил о том, что необходимы люди,

---

⁸¹ История культурного строительства в СССР : документы и материалы, 1917-1977. Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы, 1917-1920 / сост. Л. И Давыдов [и др.]. ; ред. В. А. Куманев. М. : Сов. Россия, 1983. С. 7-9.

⁸² Студенцов Н. Н. Система народного образования СССР. Содержание образования в советской школе. Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1967. С. 28.

владеющие конкретной прикладной специальностью, у которых обязательно должен быть определенный уровень общеобразовательной подготовки⁸³. Через десять лет постановлениями ЦК ВКП(б) от 25 августа⁸⁴ 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» перед советской средней школой была выдвинута «задача подготовки для техникумов и вузов вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук». Основой обучения оставался политехнический принцип и трудовое воспитание⁸⁵.

Цели обучения менялись, но надо отметить, что вся образовательная система в 1920–1930-е гг. выстраивалась на единых принципах: во-первых, в содержание образования должна была отражаться идея необходимости борьбы за построение коммунистического общества; во-вторых, оно должно было быть направлено на воспитание коммунистической морали.

Законодательной основой начавшейся реформы образования стали:

1) декрет ВЦИК от 30 сентября 1918 г., утвердивший «Положение о единой трудовой школе РСФСР»⁸⁶;

2) опубликованные 16 октября 1918 г. «Основные принципы единой трудовой школы»⁸⁷. Законодательно был введен новый тип образовательного учреждения – «Единая трудовая школа» с разделением на две ступени: I ступень – пятилетний курс, обучение детей от 8 до 13 лет; II ступень – четырехлетний курс, обучение детей от 13 до 17 лет⁸⁸;

3) 20 января 1918 г. был издан декрет СНК РСФСР «О свободе совести,

---

⁸³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 2. С. 440.

⁸⁴ Во многих изданиях данное постановление датировалось временем опубликования – 5 сентября.

⁸⁵ О начальной и средней школе : Постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг. 1931 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 157.

⁸⁶ Положение о единой трудовой школе РСФСР от 30 сентября 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 133-137.

⁸⁷ Основные принципы единой трудовой школы РСФСР // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 137-145.

⁸⁸ Там же. С. 138

церковных и религиозных обществах»⁸⁹ (*прим.*: указанный декрет публиковался во многих изданиях под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Вводился запрет на преподавание религиозных вероучений во всех учебных заведениях.

В этих нормативных документах были сформулированы основные принципы государственной политики относительно новой советской системы обучения. Во-первых, декларировался принцип демократизации образования, его общедоступность для всех слоев населения; во-вторых, пропагандировалось гуманное отношение к ребенку, всестороннее и гармоничное развитие личности; в-третьих, вводился светский характер содержания образования; в-четвертых, вводился принцип трудового воспитания, политехнический характер обучения, то есть пропагандировалась тесная связь образования с практикой. Такие составляющие учебного процесса, существовавшие ранее, как урочная система, отметки и экзамены, задания на дом, раздельное обучение мальчиков и девочек отменялись как устаревшие и ненужные атрибуты.

На государственную политику в области отбора содержания историко-обществоведческих дисциплин оказала влияние формирующаяся новая историческая наука. Целевые установки в выборе тематики исторических исследований в первой половине 20-х гг. XX в. были представлены следующим образом: профессиональные историки небольшевистского направления продолжали развивать традиционную для них тематику исследований, опираясь на соответствующую методологическую основу (С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Ю. Виппер, Л. П. Карсавин и др.). Параллельно происходило зарождение марксистского направления, представленного работами М. Н. Покровского, М. С. Ольминского, разрабатывающих вопросы классовой борьбы и пропаганды революционных событий.

---

⁸⁹ О свободе совести, церковных и религиозных обществах : Декрет СНК от 20 янв.1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 12-13.

В. Н. Данилов в своей монографии «Власть и формирование исторического сознания советского общества» выделяет четыре научных направления, в рамках которых работали небольшеви́стские историки. К первому направлению он относит проблематику, связанную с осмыслением предшествующих революции событий (С. Ф. Платонов, Ю. В. Готье, А. Е. Пресняков и др.), но отмечает, что в силу целого ряда причин эта проблематика не получила ведущего места в научной деятельности этой группы историков. Второе направление объединяет вопросы философии истории и теории исторического процесса (А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Ю. Виппер, В. М. Хвостов, Л. П. Карсавин). Третье направление исследований историков, трудившихся еще в дореволюционной России, касалось их традиционных тематик, которые были сформулированы ранее: освещение жизни и деятельности выдающихся исторических личностей – Иван Грозный, Петр Великий, Борис Годунов (Р. Ю. Виппер, С. Ф. Платонов, Ю. Г. Готье и др.). К четвертому направлению В. Н. Данилов отнес изучение местной истории. Причины активности историков в области разработки краеведческой проблематики В. Н. Данилов видит в стремлении преподавателей провинциальных вузов сохранить культурное местное наследие, которое могло погибнуть в ходе революционной борьбы, и в развитии краеведения. В этом было заинтересовано советское партийно-государственное руководство, так как, по его мнению, через изучение местной истории можно было познать историю народа⁹⁰.

Параллельно с деятельностью «старой школы» историков в начале 20-х гг. XX в. стало складываться марксистское направление в исторической науке. В нем еще не существовало единого взгляда, в исследованиях присутствовали разнообразные трактовки марксизма. Первое осмысление и преломление его на российскую действительность отразилось в трудах В. И. Ленина⁹¹. Несмотря на

---

⁹⁰ Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания ... С. 37-40.

⁹¹ Ленин В. И.: 1) Государство и революция. Опыт 1848-1851 годов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 1-120; 2) К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Под знаменем марксизма. 1922. № 3.

то, что он не являлся профессиональным историком, во многом его труды определили вектор для исследований марксистских историков и обществоведов.

Одним из разработчиков собственной теории развития истории России в начале 20-х гг. XX в. являлся Л. Д. Троцкий. Противопоставление дореволюционной и советской России легло в основу его исторической концепции⁹², которая была подвергнута критике. Можно согласиться с мнением Н. Н. Маслова о том, что уже к середине 20-х годов начинается процесс политизации истории, что было связано, прежде всего, с борьбой против Троцкого и троцкизма⁹³.

Свою интерпретацию истории России с марксистской точки зрения предложил историк М. Н. Покровский. В концентрированном виде его концепция была представлена в учебнике «Русская история в самом сжатом очерке», получившем со стороны В. И. Ленина достаточно высокую оценку. Попытки критики концепции М. Н. Покровского предпринимались на протяжении 20-х гг. XX в., но в условиях его непоколебимого авторитета они не получали своего развития. Фраза М. Н. Покровского: «История – это политика, опрокинутая в прошлое»⁹⁴, – определила особое отношение советской власти к исторической науке. В этой фразе был заложен призыв к прямому подчинению исторических исследований требованиям партийной идеологии.

В соответствии с идеями лидеров партии и марксистских историков были сформулированы основные тезисы, повлиявшие на отбор содержания историко-обществоведческих дисциплин в 1917 г. – середине 1920-х гг.:

– о скором переходе российской революции в мировую. Эта идея способствовала тому, что в изучении национальной истории не было необходимости;

---

⁹² Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. 447 с.

⁹³ Маслов Н. Н. Историческая наука в 20 – 30-е годы // История и историки. М., 1990. С. 77.

⁹⁴ Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. М., 1928.

- о классовой борьбе, которая представлялась учащимся как движущая сила исторического процесса;
- об отвержении реформистского пути и определении революции как «локомотива истории».

В результате этого все содержание истории было подчинено изучению борьбы классов, хозяйственной жизни общества и отказу от изучения исторических личностей, вопросов культуры и традиций государства. Данные идеи определили также свойственный времени набор тем в общем содержании школьных предметов, например: «Классы и классовая борьба», «Жизнь общества в эпоху зарождения мирового рынка и капитализма» и т.п.

Эти идеи нашли отражение в конкретных действиях государства по разработке учебных программ для школ. В конце 1918 – начале 1919 гг. сотрудниками Отдела реформы школы Наркомпроса РСФСР были разработаны «Материалы по образовательной работе в трудовой школе», в которых раскрывалось содержание и методы работы на I ступени обучения. Для школ II ступени Отделом реформ школы были подготовлены «Тезисы о преподавании основных учебных предметов» и примерные программы по некоторым предметам, в том числе по обществоведению или культуроведению⁹⁵. Хотя «Материалы» и «Тезисы» не являлись обязательными, а предлагались лишь для «испытания одного из путей работы и поисков»⁹⁶, в целом же они определяли принципы отбора содержания образования.

«Материалы по образовательной работе в трудовой школе» включали в себя четыре цикла. Один из них назывался «Родиноведение», именно в нем содержалась определенная историческая информация, тесно связанная с историей края. Ребенок, обучающийся в школе I ступени, должен был знакомиться с

---

⁹⁵ Тезисы о преподавании основных учебных предметов. М. : ГИЗ, 1919.

⁹⁶ Материалы по образовательной работе в трудовой школе. М. : Лит.-Изд. Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919. Вып. 1. 47 с.

национальным составом своего края, историей населенного пункта, в котором он проживал, экономическими и культурными особенностями данной местности.

Во введении к «Тезисам о преподавании основных учебных предметов» для II ступени обучения отмечалось, что «не систематическое изучение, а уяснение некоторых вопросов обществоведения по мере того, как появилась потребность в таковых для решения практических задач или удовлетворения любознательности школьников, – вот что должно найти себе место в школе. Учителю можно рекомендовать отбросить всякую заботу о том, чтобы «пройти» обществоведение по этой или какой-либо иной программе. Он должен только внимательно присматриваться к детям и помогать им решать все вопросы, которые в данный момент встали перед ними»⁹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что уже к началу 1920-х гг. начался постепенный переход к новому содержанию образования. Это отразилось и в изменении сложившихся прежде часовых пропорций предметного преподавания в школах. Отмена закона божия и латинского языка позволила расширить программы по общественно-историческим предметам.

К началу 1920–1921 уч. г. Наркомпрос РСФСР опубликовал учебные планы единой трудовой школы I и II ступени. В объяснительной записке говорилось, что при составлении учебного плана сотрудники отдела единой трудовой школы Наркомпроса учитывали различные «умственные и физические силы детей и школьных работников», зависящие от условий функционирования учебного заведения. При этом имелся ввиду уровень оснащенности школьных зданий, наличие или отсутствие учебного оборудования.

На общественно-исторические предметы в школе I ступени выделялось 11 часов в неделю (2 класс – 2 часа, 3 класс – 3 часа, 4 класс – 2 часа, 5 класс – 4 часа). В школе II ступени этому блоку предметов отводилось уже 20 часов (в 6, 7 и 8 классах – по 4 часа, а в 9 классе – 8 часов)⁹⁸.

---

⁹⁷ Тезисы о преподавании основных учебных предметов. М. : ГИЗ. 1919. С. 6.

⁹⁸ Учебные планы Наркомпроса. М. : ГИЗ, 1920. С. 11.

Стоит отметить, что, несмотря на понимание особой роли исторических дисциплин в деле формирования марксистского мировоззрения у школьников, предметы естественно-научного цикла занимали ведущее место в учебных планах. Как это выглядело, можно увидеть в сравнительной таблице, составленной М. О. Веселовым⁹⁹ (Таблица 1). Вот некоторые из приведенных им данных:

Таблица 1

**Учебные планы начальной и средней школы за 1914 г. и 1920-1921 уч.г.
в Российской империи и РСФСР (сравнительный анализ)**

Годы и учебные заведения	Недельная нагрузка по отдельным предметам, %				
	Религия	Язык (родной, иностранный)	Общественно-исторические предметы и география	Математика, физика, химия, естествознание	Прочие предметы
1914 г. Гимназия мужская восьмилетка	8,1	47,3	10,9	28,3	5,4
1920-1921 гг. Школы I и II ступени	—	22,8	14,7	44,9	17,6

Цифры весьма выразительны. Очевидно, что был сделан акцент на естественно-научное образование, это в свою очередь со временем дало положительный результат в виде подготовки инженерно-технических работников, сумевших в определенной степени решить задачи технической модернизации страны.

На первый взгляд, не совсем понятными представляются данные о преподавании общественных дисциплин, тем более в условиях реализации широких задач коммунистического воспитания. Объяснить это можно, прежде всего тем, что в начале 20-х гг. XX в. не было еще ни преподавателей-марксистов, ни соответствующей литературы, что могло бы способствовать эффективной

---

⁹⁹ Веселов М. О. Учебные планы начальной и средней школы: сравнительный анализ. М., 1939. С. 52.

реализации большого количества учебных часов. В это время только шел поиск содержательного насыщения дисциплин гуманитарного блока.

Само содержание общественно-исторических дисциплин было представлено в опубликованных в 1920 г. примерных программах, в них подчеркивался именно их рекомендательный характер. Учителя должны были самостоятельно распределять содержание и часовую нагрузку между четырьмя программами общественно-исторического блока: 1) программа по истории культуры, 2) программа по новой и новейшей истории, 3) программа по экономической истории и 4) программа по истории социализма¹⁰⁰.

Следует отметить, что учебные программы, разработанные в 1920 г., были построены еще по предметному принципу, но в них уже просматривалась тенденция к их объединению. История России освещалась лишь попутно с изложением отдельного материала в четырех программах. Учителям рекомендовалось отойти от преподавания фактов. Основной акцент необходимо было сделать на освещение вопросов, связанных с социальной историей и классовой борьбой¹⁰¹.

Всё это привело к неудовлетворительным последствиям формирования исторических знаний у школьников. Особенно сложная ситуация была в отдельных районах, в частности на Севере Западной Сибири. Это было связано с тем, что школы на местах в начале 20-х гг. XX в. должны были составлять образовательные программы самостоятельно. Предполагалось, что местные органы власти и руководство образовательных учреждений лучше ориентируются в условиях, существовавших в конкретных регионах. Руководящие работники должны были их учесть при трансформации содержания исторических дисциплин. В обращении Наркомпроса от 29 октября 1917 г. имелся специальный

---

¹⁰⁰ Примерная программа единой трудовой школы I и II ступени. М. : Госиздат, 1920. С. 4.

¹⁰¹ Там же.

раздел «Децентрализация». В нем А. В. Луначарский отмечал: «Цель власти – передать школьное дело органам местного самоуправления»¹⁰².

В силу того, что руководители образовательных структур и непосредственно учителя Тюменской губернии не обладали достаточной квалификацией, элементарная историческая информация давалась школьникам бессистемно и фрагментарно. Об этом свидетельствуют результаты исследования знаний школьников. Из доклада Обдорского волостного отдела народного образования от 23 ноября 1920 г. следует, что знаний у детей по важнейшим событиям истории страны недостаточно. Проверка школ проводилась сразу после празднования 7 ноября, однако школьники не смогли ответить на вопросы, связанные с этой датой, у них отсутствовали элементарные знания о революционных событиях¹⁰³. Недостаток знаний был и по вопросам, связанным с пониманием Конституции РСФСР. Большинство школьников Тюменской губернии были не знакомы с основной информацией в данной области¹⁰⁴.

Именно о подобной ситуации в январе 1921 г. в газете «Правда» и писал Н. Н. Батулин. В статье «Педагогический футуризм и задачи советской школы» им был представлен ряд критических замечаний относительно отсутствия четкого объема содержания учебных дисциплин, который должен был быть усвоен школьниками в процессе учебной деятельности. Автор статьи дал неодобрительную оценку программ за их примерный статус¹⁰⁵. В этой статье были изложены требования к методике построения программ. О них говорили и учителя, выступавшие за четкое определение содержательного объема и умений по каждой дисциплине; за обязательность и стабильность программ; за сохранение самостоятельности отдельных учебных предметов¹⁰⁶.

---

¹⁰² Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Документы и материалы. 1917-1920. М., 1983. Т. 1. Ч. 1. С. 25.

¹⁰³ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 23. Л. 93.

¹⁰⁴ Там же. Д. 187. Л. 139.

¹⁰⁵ Батулин Н. Н. Педагогический футуризм и задачи советской школы // Правда. 1921. № 2. 4 янв.

¹⁰⁶ Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ... С. 64.

Однако, эти идеи не нашли отражение в программных материалах, поскольку основной тенденцией было стремление объединить содержание многих дисциплин. В 1921 г. руководством Наркомпроса по материально-экономическим причинам вместо девятилетней школы в качестве основного образовательного учреждения вводилась семилетняя школа с двумя ступенями: первая ступень – четыре года обучения - включала четыре возрастных группы учащихся, вторая ступень – три года (I концентр). Старшие группы (*прим.*: так в исследуемый период назвались классы) существовавших к тому времени школ II ступени подлежали преобразованию в техникумы (II концентр)¹⁰⁷.

В связи с реформой школы появилась необходимость пересмотра учебного плана. Руководство Наркомпроса РСФСР к осени 1921 г. подготовило и издало «Программы семилетней единой трудовой школы». Предполагалось, что они выступят в качестве ориентиров, которых школы будут придерживаться при составлении своих местных программ.

В программах 1921 г. отдельные отрасли историко-обществоведческого знания (политическая экономия, право, история) были объединены в целостную единую систему – обществоведение. Это говорило о стремлении руководства системой образования перейти к комплексному методу группировки материала. Однако еще существовала необходимость изложить большой объем информации, рассчитанный ранее на девять лет обучения, в семилетние сроки, то есть представить его в более сжатом и концентрированном варианте.

Например, на четвертом году обучения учащиеся 11-12 лет при изучении истории Древнего Рима должны были усваивать одни лишь общие социологические формулировки, без конкретных имён и конкретных исторических фактов или событий. Содержанием курса становились темы: «Натуральное хозяйство древнего Рима», «Разрастание населения и территории Римского государства», «Неизбежность войн, рост торговли и промышленности,

---

¹⁰⁷ Устав единой трудовой школы : утв. СНК РСФСР 18 дек. 1923 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 146.

образование крупных капиталов и начало империализма как системы эксплуатации средиземноморского мира в интересах господствующего государства», «Приложение крупного капитала к скотоводческому и земледельческому хозяйству» и др.¹⁰⁸

Вышеупомянутые программы вызвали многочисленные споры среди педагогической общественности тогда и по-прежнему продолжают вызывать неоднозначные оценки в научном сообществе. Г. А. Топчиева, анализируя программы 1921 г., выделяет их положительные стороны, говорит о том, что история России излагалась не оторванной от всеобщей истории, а в тесной связи с ней¹⁰⁹. С другой стороны, ряд историков отмечает, что программа, составившая основу школьного исторического курса, внесла в него абстрактно-социологический схематизм, с которым в последующие годы, вплоть до опубликования постановления партии о преподавании гражданской истории от 16 мая 1934 г., боролись учителя. Она фактически положила начало исчезновению школьного курса отечественной истории¹¹⁰.

Поскольку статус у этих программ был «примерный», в 1921 г. Тюменскому губернскому Отделу народного образования, а именно Учебно-программной комиссии, было поручено составить примерные программы на новый учебный год. Учитывая срочность такого поручения, комиссия приняла решение о составлении только схем программ. Предполагалось, что уже в текущем 1921–1922 уч. г. эти программы будут введены в школы всей Тюменской губернии независимо от территориальной отдаленности уездов от центра. В целях привлечения к составлению постоянных программ педагогической общественности Комиссия предложила учителям высказать свои идеи по поводу

---

¹⁰⁸ Равкин З. И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг. ... С. 40

¹⁰⁹ Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. / В. А. Ищенко [и др.]. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. С. 121.

¹¹⁰ Кудрявцев А. Е. Этапы исторического образования в трудовой школе // Преподавание истории в школе. 1990. № 2. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Историография, источниковедение, методы исследования. 1994. № 3. С. 143-158.

предлагаемых схем и тем самым принять непосредственное участие в отборе содержания предметов и изменении его структуры¹¹¹.

В итоге в 1922 г. Тюменская учебно-программная комиссия предоставила «Схемы примерных программ для семилетней трудовой школы». Важно отметить, что, несмотря на рекомендации центра, принципиальных изменений, по сравнению с существующими ранее программами, в данных схемах предложено не было. Местное руководство не брало на себя инициативу системного изменения структуры образования в губернии. Особенностью рассматриваемых программ являлся сохраненный предметный принцип построения обучения (Таблица 2). История как отдельный предмет сохраняла свою самостоятельность, также отдельно были выделены такие предметы как «Политическая грамота» и «Сибиреведение».

Таблица 2

Недельная таблица уроков в семилетней трудовой школе Тюменской губернии в 1922 г.¹¹²

Предметы	Количество часов по отделениям							
	I концентр				II концентр			Всего
	1	2	3	4	5	6	7	
Русский яз. и литература	В I полугодии 18 часов, во II – 24 часа	8	8	7	7	6	6	42
Арифметика		6	6	4	4	2	-	22
Геометрия		-	-	2	2	2	3	9
Алгебра		-	-	-	-	2	2	4
История		-	2	3	3	3	3	14
Политическая грамота		-	-	-	-	-	2	2
География		-	2	2	3	2	2	11
Сибиреведение		-	-	-	-	-	2	2
Естествознание		2	2	3	4	3	3	17
Физика		-	-	-	-	3	3	6
Рисование и лепка		3	2	2	2	2	2	13
Пение		2	2	2	2	2	-	10
Гимнастика и подв. игры		3	3	3	3	3	3	18
ВСЕГО	18 (24)	24	27	28	30	30	31	188 (194)
Новый язык (факультативно)	-	-	-	-	6	6	5	17

¹¹¹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 193. Л. 11.

¹¹² Там же. Л. 11 об.

Из приведенной недельной таблицы уроков можно сделать вывод, что на изучение истории отводилось в общем 14 часов, при этом сам предмет начинался только в III отделении (учащиеся 10–11 лет). Помимо истории к комплексу общественно-исторических дисциплин можно отнести политическую грамоту и сибиреведение, на изучение которых отводилось по 2 часа в последнем VII отделении. Общее количество часов, отводимое на изучение историко-обществоведческих дисциплин, составляло 18 часов. Наибольшее количество часов (7) в неделю, отведенных на цикл общественно-исторических дисциплин, приходилось на VII отделение, где обучались школьники 16-17 лет, это создавало возможность доступного усвоения наиболее сложного материала. Следует отметить, что, по сравнению с другими предметами, на изучение наук об обществе отводилось в два раза меньше времени, чем на русский язык и литературу, а также предметы математического цикла.

В Объяснительных замечаниях к схеме программы по истории, составленных в 1922 г. Тюменской учебно-программной комиссией, были представлены задачи курса истории: ознакомить школьников на конкретном, по возможности наиболее красочном материале, с ходом развития европейской культуры и ввести учащихся хотя бы в некоторое элементарное понимание явлений современной жизни. I концентр (III и IV год) имел пропедевтическое значение и изучение истории начиналось с Западной Сибири, при этом рекомендовалось начать его даже с истории той местности, где находится школа¹¹³.

На IV году обучения предполагалось вводить элементарный курс русской истории (с древнейших времен до современности). Учитывая возрастные особенности, авторы схем призывали учителей обращать внимание школьников на «... живые конкретные образы типичных деятелей прошлого. Для понимания

---

¹¹³ Там же. Л. 20 об.

деятельности этих личностей необходимо некоторое представление о состоянии той общественной среды, в которой протекала их деятельность»¹¹⁴.

С IV группы предполагалось вводить в курс изучение сведений о Советской Конституции, поскольку авторы предполагали, что многие учащиеся после IV года обучения уйдут из школы. С V по VII год обучения школьники должны были изучать всеобщую историю параллельно с историей России¹¹⁵.

На преподавание истории в девятилетней школе на II ступени отводилось по 3 часа с первого по четвертый год обучения (Таблица 3). Содержательно предмет был представлен следующим образом: 1 год – Древняя история; 2 год – Средняя и русская история до начала XVI века; 3 год – XVI, XVII, XVIII вв. Европейская история и история России; 4 год – XIX в. в Европе и России¹¹⁶. Учащиеся пятого года обучения должны были вместо истории 3 часа в неделю изучать политэкономия и историю социализма.

Таблица 3

Таблица уроков для пятилетней школы II ступени (при четырехлетнем курсе школы I ступени) Тюменской губернии в 1922 г.¹¹⁷

Предметы	Количество часов в неделю					
	I	II	III	IV	V	Всего
История	3	3	3	3	–	12
Политэконом. и история социализма	–	–	–	–	3	3

Опираясь на приведённые данные, можно сделать вывод о том, что в школах Тюменской губернии в учебном процессе предмет «История» в 1922 г. еще сохранил свою самостоятельность, хотя, как было отмечено ранее, в примерных программах от 1921 г. вводился новый интегрированный курс «Обществоведение».

¹¹⁴ Там же. Л. 45

¹¹⁵ Там же. Л. 21.

¹¹⁶ Там же. Л. 46.

¹¹⁷ Там же. Л. 45.

В 1922 г. в Тюменскую губернию поступило методическое письмо от научно-педагогической секции ГУСа «Как применять программы единой трудовой школы в школах I и II ступени»¹¹⁸. Были выделены те условия, при учете которых можно было бы выполнить программные цели. Отмечалось, что содержание учебных программ 1921 г. может быть реализовано только при нормальных условиях, то есть при полном числе учебных часов и трех преподавателей на школу. В противном случае, программные требования должны были быть сокращены, главным образом по истории, географии и естествознанию¹¹⁹.

К числу необходимых условий для полного и целесообразного выполнения названных программ относилось также снабжение школ учебными пособиями и умелое пользование этими пособиями, а также владение учителями необходимыми методами преподавания¹²⁰. Учитывая это, работники отдела образования Тюменской губернии, курирующие северные школы, сформулировали следующие требования для полноценного образовательного процесса: плановое снабжение школ учебными пособиями и поднятие уровня подготовки учителей путем устройства совещаний, съездов и курсов¹²¹. В данном отчете акцент был сделан на основные трудности, которые возникали в местных школах в учебном году – нехватка педагогических кадров, слабое учебно-методическое оснащение.

Таким образом, проанализировав все вышесказанное, можно констатировать: полноценно реализовать программы, разработанные в 1921 г. для семилетней школы на Севере Западной Сибири, не удалось. По большому счету эти программы так и не были внедрены в 1921–1922 уч. г. в систему школьного обучения. В 1922 г. руководство Тюменского губсоцвоса в центр сообщало о ситуации, возникшей при реализации учебного плана и программ для школ I и II

---

¹¹⁸ Там же. Д. 142. ЛЛ. 146-151.

¹¹⁹ Там же. Л. 150.

¹²⁰ Там же. Л. 151.

¹²¹ Там же. Д. 193. Л. 45

ступени, речи о реализации разработанных программ для семилетней школы не велось¹²².

В 1923 г. с целью тщательного контроля за деятельностью образовательных учреждений одиннадцать административных районов Тобольского округа были разделены на три инспекторских района по территориальному признаку. В первый входили территории Дальнего Севера, во второй – северный район, в третий – юго-восточный. В состав первого инспекторского района – Дальнего Севера вошли Березовский, Обдорский, Сургутский, Александровский районы. К северному инспекторскому району были отнесены Кондинский, Демьянский, Самаровский районы.

В Тобольском архиве сохранился информационный отчет о работе инспектора Северного района Тобольского округа. В период с 28 ноября 1923 г. по 1 февраля 1924 г. обследование производилось в 29 образовательных учреждениях разного типа в 15-ти волостях: двухлетки (два отделения) – 7; двухлетки (1 отделение) – 4; трехлетки – 7; четырехлетки – 10; пятилетки – 1¹²³.

Инспектор отдельно отметил, что к концу 1923 г. в большинстве школ Северного района Тобольского округа (в 55%) учителя вели занятия по старым школьным программам, проводя определенную корректировку. Следует обратить внимание на тот факт, что на уроках имело место изучение основ христианской веры (катехизация)¹²⁴. В некоторых школах в письменных работах учащихся встречались краткие изречения о духовно-нравственной морали и учителя не исправляли подобного рода «ошибки». В двух инспектируемых школах в коридорах висели иконы, также у двух учителей был красный угол в домах. Руководство школы не обращало на это внимание и не считало, что в этом есть что-то предосудительное. Подобная ситуация отмечается повсеместно. Так, с октября 1922 г. по октябрь 1923 г. Совету по просвещению народов нерусского

---

¹²² Там же.

¹²³ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

¹²⁴ Там же. Л. 44 об.

языка Уральской области «пришлось иметь дело с многочисленными петициями, с требованиями обучения детей вероучениям»¹²⁵. Подводя итог, можно сказать о том, что к 1923 г. сложно реализовывалась не только практика изменения содержания исторического и обществоведческого образования в школах Севера Западной Сибири, но в отдельных районах Тобольского округа так и не закончился процесс отделения школы от церкви¹²⁶.

Представляется необходимым отметить, что содержание предмета «Обществоведение» было не совсем понятно и самому инспектору, проверяющему школы Северного района Тобольского округа. В своих отчетах, характеризуя обществоведение, он в скобках указывал «История», видимо исходил из того, как это было зафиксировано в учебных планах школ. В 3-х, 4-х и 5-х группах в 55% из обследованных образовательных учреждений обществоведение не велось. В 15% школ была отмечена попытка преподавания истории в духе материалистического понимания, но она в большинстве школ не была полноценно реализована и постепенно сошла на нет. В качестве основных причин такой ситуации можно назвать отсутствие учебных программ, это отмечалось большинством образовательных учреждений¹²⁷, нехватка подготовленных учителей, способных переработать содержание историко-обществоведческих дисциплин на основе марксистской теории, и недостаточная работа руководства школ по подбору кадров¹²⁸. Хотя было отмечено, что в одной из школ дополнительно в 4-х и 5-х группах велось преподавание политграмоты представителями ячейки РКП(б). То есть из 29 школ инспектируемого Северного района Тобольского округа только одно образовательное учреждение в 1923–1924 уч. г. смогло наладить взаимодействие с партийными структурами, как было рекомендовано в свое время руководством Наркомпроса. Это могло быть

---

¹²⁵ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 68. Л. 52.

¹²⁶ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р–676. Оп. 1. Д. 6. Л. 45 об.

¹²⁷ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 146. Л. 11 об.

¹²⁸ Там же. Л. 44 об.

связано с территориальной удаленностью отдельных школ от губернских и уездных центров, в которых была сосредоточена политическая жизнь.

Ситуацию с недостаточным уровнем преподавания обществоведения частично могла компенсировать воспитательная работа, поскольку 20% учителей северных школ организовывали воспитательную работу с учетом содержания обществоведения. Она происходила посредством организации бесед, проведения праздников, приуроченных к датам революционных событий, кружковой работы. Так, например, в 1925 г. на места были отправлены циркуляры, связанные с юбилеем празднования революционных событий 1905 г. В обязательном порядке на уроках обществоведения предписывалось проработать основной материал по теме «Октябрьская революция» посредством подготовки докладов с учетом возраста учащихся (организация полит-судов, например, суд над Гапоном, предлагался даже готовый текст для чтения доклада)¹²⁹.

Однако и в этом направлении деятельности существовали определенные трудности. Для организации полноценных и эффективных бесед необходимы были все те же педагогические кадры, которые ориентировались бы в подобного рода информации. Частично данную ситуацию могло бы улучшить наличие новой учебной литературы в школьных библиотеках, однако на местах обновление учебников и поступление дополнительной литературы происходило крайне медленно¹³⁰.

Ошибочно было бы утверждать, что местные органы управления образованием полностью дистанцировались от изменений, которые были рекомендованы центром относительно дисциплин гуманитарного цикла. Была проделана определенная работа по мотивированию учителей к деятельности в соответствии с новыми требованиями, через организацию обсуждений проблемных тем, обмена опытом и т.д. В августе 1923 г. в г. Тюмени была проведена окружная конференция учителей, на которой рассматривались

---

¹²⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

¹³⁰ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 6. Л. 45 об.

вопросы, связанные с преподаванием обществоведения. Докладчик Никитин, учитель одной из школ, в своем выступлении полностью повторял основные положения, озвученные еще в 1920 г. представителями Наркомпроса. Он утверждал, что «... старая история сама по себе ничего не дает, изучали царей, потому что они перед ними преклонялись, раньше воспитывали только индивидуализм, а сейчас задача состоит в том, чтоб изучить общество, показать учащимся к чему они должны стремиться, развивать коллективизм»¹³¹.

Подобные изменения в сознании учителей сибирских школ можно связать и с работой местных органов власти с педагогическими кадрами. На Обском Севере с учителями проводились производственные конференции, на которых обсуждались пути перехода на новые программы. В периодической печати широко обсуждался вопрос, связанный с ролью обществоведения в формировании мировоззрения подрастающего поколения относительно других дисциплин¹³².

Следует отметить, что переход на новые программы в центре также осуществлялся с большим трудом и вызывал много вопросов.

В 1922 г. Н. К. Крупская выступила со статьей «К вопросу о программах», в которой, подвергая критике примерные программы 1920 г. и программы семилетней школы 1921 г., она указывала на необходимость составления программ нового образца. Основой для них Н. К. Крупская считала изучение трудовой деятельности людей. В понятие «изучение трудовой деятельности» она вложила достаточно широкое содержание: объект этой деятельности – природу и ее силы, способы воздействия человека на природу (технику) и субъекта этой деятельности – человека¹³³.

---

¹³¹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 3. Д. 5. Л. 107.

¹³² Старый комсомолец. Не только политграмоту, но и общеобразовательные предметы // Трудовой набат. 1924. № 211. 5 сент. С. 3; Партиец. В нашей партии. Ячейки шефствуют над школами // Трудовой набат. 1924. № 244. 25 окт. С. 3.

¹³³ Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ... С. 68.

На основе этих идей в 1924 г. Научно-педагогическая секция ГУСа подготовила новые программы, схемы которых были опубликованы еще в 1923 г. С 1924–1925 уч. г. программы ГУСа вводились как обязательные в 1 – 2 группах, а с 1925–1926 уч. г. по этим программам должны были работать 3 – 4 и 5 группы¹³⁴.

В программах, подготовленных Научно-педагогической секцией ГУСа в 1924 г., произошел отказ от предметного преподавания, комплексная модель программ заключалась в группировке по трем разделам: «природа», «труд» и «общество». Наиболее ярко это проявилось в программе для 5 группы. Так, в 5 группе для изучения комплексной темы «Сельское хозяйство» предлагалось совершать экскурсию в ближайшую деревню. Здесь по естествознанию школьники изучали животноводство и растениеводство, по физике – орудия сельскохозяйственного труда, по обществоведению – социально-экономическую жизнь деревни, и на основе этого должны были получить отдельные сведения из истории крестьянства: об отмене крепостного права в 1861 г., о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, о роли крестьянства в революции 1905 – 1907 гг. и т.д.¹³⁵

В 6 группе комплексными были темы «Фабрика» и «Завод». Под руководством учителя учащиеся должны были изучать формы промышленной деятельности, и в то же время обществоведение давало возможность им кратко познакомиться с историей капитализма и борьбой рабочего класса.

Путем введения комплексных программ в Наркомпросе пытались реализовать ряд основных задач, стоявших перед новой советской школой: ликвидировать разрыв между учебными школьными предметами и оторванность обучения от жизни. Из программ, изданных в 1925 г., систематический курс истории был полностью изъят, а перед учителями стояла задача: опираясь на современный материал, на уроках обществоведения знакомить школьников с

---

¹³⁴ Равкин З. И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг. ... С. 71.

¹³⁵ Новые программы единой трудовой школы I ступени. М. : ГИЗ, 1925.

задачами социалистического строительства, совершать «социологические экскурсии в прошлое» рекомендовано было только по необходимости¹³⁶.

Одновременно с отказом от преподавания истории с ее дореволюционным содержанием и введением курса обществоведения с учётом современных реалий решалась и еще одна задача: в школах упразднялась русская национальная история.

Дело в том, что «русский вопрос» с самого начала находился в центре внимания большевиков. Особо остро стоял вопрос о великодержавности и шовинизме русского народа. Это было отмечено в докладе «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве» на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г., определившем национальную политику на длительное время¹³⁷.

И. В. Сталиным было заявлено о необходимости бороться «с великорусским шовинизмом» и стремиться к тому, чтобы Советская власть и для «инонационального крестьянства стала родной»¹³⁸. Отдельно И. В. Сталин указывал: «Я останавливался специально на великорусском шовинизме, как силе укрепляющейся. Эта сила есть основная опасность, могущая подорвать доверие ранее угнетенных народов к русскому пролетариату. Это – наш опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на $\frac{9}{10}$ свалим и тот национализм, который сохранился и который развивается в отдельных республиках»¹³⁹.

Показательным примером замены русской истории историей СССР, являлась организация Всесоюзной конференции историков-марксистов. Еще в августе 1928 г. в информационном письме о созыве Всесоюзной конференции сообщалось о работе секции «Истории России». На конференции же,

---

¹³⁶ Луначарский А. В. Значение новых программ // Народное просвещение. 1923. № 4–5. С. 74

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 190. Л. 93.

¹³⁸ Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) // Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 261.

¹³⁹ Там же. С. 262.

открывшейся в декабре 1928 г., эта секция уже называлась «История народов СССР»¹⁴⁰.

Одним из результатов этой конференции стала ликвидация в 1929 г. Института истории при РАНИОН и создание института при Комакадемии. В речи на открытии этого института М. Н. Покровский отдельно уделил внимание расстановке новых акцентов в изучении истории. «Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей истории – ничего нет! Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных крупнейших исторических проблем» (история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР)¹⁴¹.

Середина 1920-х годов стала началом второго этапа развития советской исторической науки, конечную границу которого можно датировать первой половиной 1930-х годов. Этот этап характеризуется исследователями как время окончательного «утверждения советской марксистской исторической науки и крахом буржуазно-дворянской историографии»¹⁴². В это время сформировались новые «научные силы»: И. Ф. Гиндин, С. М. Дубровский, М. В. Нечкина, А. М. Панкратов, А. Л. Сидоров и др. Шла активная публикация исследований, написанных в рамках марксизма-ленинизма, издавались исторические документы, проводились дискуссии по актуальным историческим проблемам уже с учетом новых методологических позиций.

Начиная, с середины 1920-х гг. до середины 1930-х гг. развивалась и организационная структура, в которой важное место занимали:

- 1) Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, который в 1931 г. был объединен с Институтом Ленина в одно учреждение – Институт Маркса-Энгельса-Ленина;
- 2) Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт);

---

¹⁴⁰ Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 231.

¹⁴¹ Покровский М. Н. Институт истории и задача историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5.

¹⁴² Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. / гл. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1966. Т. 4. С. 16.

3) Коммунистическая академия, по новому уставу которой вменялось изучение вопросов обществоведения и естествознания на основе идей марксизма-ленинизма и их разработка;

4) Институт Красной профессуры, на базе которого в 1927 г. было открыто историко-партийное отделение.

В самой системе историко-обществоведческого образования происходит пересмотр содержания предмета, отказ от изучения отдельных событий и личностей, замена преподавания истории обществоведением. Основными идеями, оказавшими влияние на государственную политику в рамках отбора содержания историко-обществоведческих дисциплин на данном этапе, выступали: идея безальтернативности принятого партийным руководством страны курса на «построение социализма в отдельно взятой стране»; мысль о легитимности и закономерности установленного режима, исходя из тысячелетней глубинной истории; вместо идеи интернационализма наметился переход к государственному патриотизму.

Развитие советской исторической науки во второй половине 1920-х гг. открыло возможность для написания учебников по истории с марксистских позиций, но как самостоятельный предмет историю в школе необходимо было еще отстоять. В методическом сообществе шло обсуждение места истории и обществоведения в общеобразовательной подготовке школьников, а также содержательное наполнение этих дисциплин¹⁴³.

В 20-е гг. XX в. в стране образовалось несколько методических школ, между которыми происходила дискуссия по вопросам задач и содержания курсов истории и обществоведения и методах их преподавания. Так называемая «Московская методическая школа», представителями которой были Б. Жаворонков, С. Дзюбинский и С. Сингалевич, разрабатывала идею о том, что

---

¹⁴³ Волобуев О. В., Кузина А. С. Методическая секция общества историков-марксистов в борьбе за преподавание истории в школе (1926 – 1931 гг.) // Развитие исторического образования в СССР : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1986. С. 61-63.

история является ненужным предметом для трудовой школы. Школьники 12 – 15 лет, по их мнению, не обладают достаточным уровнем интеллектуального развития, чтобы усвоить систематический курс истории. Главным в содержании образования для представителей «московской школы» было изучение учащимися окружающей жизни посредством проведения экскурсий, наблюдений, а также чтения газет. Активное воздействие на молодёжь должна была оказывать трудовая и общественно полезная деятельность. Школа, по мнению этих методистов, нужна была не для получения знаний, а для воспитания¹⁴⁴.

Вторым направлением развития методической мысли являлось «ленинградское направление» во главе с А. Е. Кудрявцевым. Здесь преобладало компромиссное соотношение истории и обществоведения. Но вместо систематического курса гражданской истории А. Е. Кудрявцев предлагал ввести курс истории культуры, основным стержнем которого являлась бы эволюция хозяйственных форм. На этой основе была составлена программа для ленинградских школ¹⁴⁵.

Еще одно направление было представлено методической секцией Общества историков-марксистов, которая выступала за введение в школе научного, самостоятельного, систематического курса истории¹⁴⁶.

В середине 1920-х гг. подобные дискуссии были еще возможны, поскольку комплексные программы по-прежнему предоставляли определенную самостоятельность для учителей. Но на местах все острее стала ощущаться потребность учителей в стабильных и обязательных программах, которые внесли бы в учебный процесс большую четкость и определенность¹⁴⁷.

В 1924 г. в тюменской газете «Трудовой набат» появилась заметка, в которой автор с яркой положительной оценкой обрисовывал ситуацию в школах,

---

¹⁴⁴ Жаворонков Б. Н., Дзюбинский С. Н. Подвижная лаборатория по обществоведению. Л., 1926; Дзюбинский С. Д., Жаворонков Б. Н., Сингалевич С. П. Очерки методики обществоведения в школе II ступени. Казань : Татиздат, 1927.

¹⁴⁵ Кудрявцев А. Е. Очередные вопросы методики обществоведения на второй ступени ...

¹⁴⁶ Иоаннисиани А. История в школе II ступени ... С. 153.

¹⁴⁷ Равкин З. И. Творцы и новаторы школы, рожденной Октябрем. М., 1990. С. 122.

отмечая, что программа, составленная по схеме ГУСа, позволяет глубоко и разносторонне погрузить школьника в изучение процессов, происходивших и происходящих в обществе. Автор особо обращал внимание на тот факт, что в основу программы положено обществоведение, вокруг которого строятся программы других дисциплин. Первые ученические группы должны были изучать деревни и сельское хозяйство, вторые – изучать заводы, фабрики, кустарные производства; третьи – сущность и развитие капитализма; четвертые – этапы развития человеческого общества; пятые – историю социализма. По мнению автора, в таком случае происходило бы комплексное изучение советского общества¹⁴⁸.

Представленная точка зрения не была повсеместно распространена. Часть учителей считала, что в основе программ не должно лежать изучение политграмоты, при котором общеобразовательные предметы (естествознание, физика, математика и др.) отходят на второй план. Основным аргументом было утверждение о необходимости формирования у молодежи элементарных знаний из различных наук, поскольку знание общеобразовательных предметов дает возможность лучше уяснить, осознать, разобраться в окружающей действительности, а стало быть, и усвоить политграмоту. И если придерживаться данной цели, считали они, то программы должны строиться по-иному принципу, а именно в основе обучения должны лежать общеобразовательные предметы, а изучение политграмоты проходить попутно¹⁴⁹.

Вопросы, связанные с преподаванием обществоведения, также достаточно активно обсуждались на специальных собраниях в Тобольском округе и Уральской области. Ежемесячно при УралОНО собиралось научно-методическое бюро по обществоведению, в которое входили учителя разных школ и преподаватели техникумов. Основными вопросами, подлежавшими обсуждению,

---

¹⁴⁸ Работа школы II ступени разворачивается // Трудовой набат. 1924. 10 окт. № 231 (1696). С. 3.

¹⁴⁹ Старый комсомолец. Не только политграмоту, но и общеобразовательные предметы // Трудовой набат. – 1924. №211 5 сент. С. 3

являлись содержательная сторона предмета, организация учебных занятий в разных возрастных группах, методы преподавания данной дисциплины и т.д.¹⁵⁰ На заседаниях бюро заслушивались доклады представителей разных школ по вопросу преподавания обществоведения.

Следует отметить, что предоставленные отчеты о деятельности школ Севера Западной Сибири часто носили противоположный характер. С одной стороны, в отдельных учебных заведениях существовали серьезные перегибы, связанные с внедрением новых программ, с другой стороны, поступали доклады, из которых следовало, что новые программы вообще не находили своего отражения в учебном процессе¹⁵¹. Так, на заседании методической комиссии Тобольского ОкрОНО в 1925 г. был рассмотрен примерный учебный план для единой трудовой школы I ступени (сельский вариант). В процессе обсуждения представленного плана отмечалось, что «материалы для первых двух лет обучения взяты из ГУС-ких программ фактически без изменений. На первом году обучения введены темы «23 февраля – День Красной армии», «21 января – смерть В. И. Ленина», «8 марта – день работницы»¹⁵². На втором году предлагались темы: «Октябрьская революция», «Крестьяне и рабочие», «Что делают темные люди в Троицу»¹⁵³. В конце обсуждения было заявлено, что «план родился, но, к сожалению, на практике в школе не работает», поскольку в округе фактически отсутствуют школы, организующие учебный процесс по программам ГУСа¹⁵⁴. Хотя в отчете одной из школ Тобольского округа в 1925 г. отмечалось: «программа для первой ступени очень широка и неправильна. Она не укладывается в рамки одного года»¹⁵⁵. Это говорит о том, что несмотря на отрицательный результат в отдельных школах округа все-таки были представлены попытки выстроить процесс обучения на основе новых программ.

---

¹⁵⁰ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 146. ЛЛ. 1, 3, 11, 13.

¹⁵¹ Там же. Л. 11 об.

¹⁵² ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 456. Л. 4.

¹⁵³ Там же. Л. 7.

¹⁵⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵⁵ Там же. Д. 225. Л. 69.

В результате на комплексные программы удалось перейти только в школах крупных городов и в опорных школах в уездах. В отчете Тобольского окружного отдела народного образования в апреле 1924 г. отмечалось, что переход на программы ГУСа был осуществлен только в 15 – 20% школ. В отдельных школах занятия проводились по дореволюционным программам, но без использования «устаревшего материала»¹⁵⁶. Руководители Тюменского ОкрОНО также отмечали, что комплексные программы, даже введенные в образовательный процесс, используются лишь частично. В 1925–1926 уч. гг. отдельные школы все еще работали по учебным планам, составленным по предметному принципу¹⁵⁷. Обществоведение, как правило, в образовательные учебные планы не вводилось.

В середине 1920-х гг. руководство Тобольского ОкрОНО взяло ситуацию перестройки содержания образования в рамках программ ГУСа под особый контроль и речь шла, прежде всего, об обществоведческом цикле. Перед местными руководством народным образованием был поднят вопрос о выделении специально подготовленного работника для занятий по политграмоте и политэкономии¹⁵⁸, а также о необходимости сближения школы с жизнью на основе краеведческого материала.

Педагогическая конференция учителей Тобольского округа в феврале 1923 г. приняла рекомендации о том, чтобы сделать краеведение основной базой при преподавании всех предметов. В выпускных группах школ предполагалось выделить краеведение в качестве самостоятельного отдельного предмета, предоставив на его изучение не менее одного часа в неделю¹⁵⁹. В процессе обследования школ в начале 1924 г. были отмечены следующие моменты в рамках преподавания краеведения и обществоведения: «Краеведение и обществоведение в школах пока еще не проводится. Кое-где, правда, были

---

¹⁵⁶ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп 1. Д. 6. Л. 5.

¹⁵⁷ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп 1. Д. 35. Л. 220.

¹⁵⁸ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 91. Л. 214.

¹⁵⁹ Прибыльский Ю. П. Традиции сибирского учительства // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв.: мат-лы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф. посвящ. памяти П. П. Чукомина. Тобольск, 1998. С. 10.

намекы на изучение краеведения, но эти намеки слишком слабы и не могут полностью собою заменить этого необходимого раздела работы. Учительство еще не достаточно определило всю важность этих предметов и само не подошло вплотную к их изучению...»¹⁶⁰. При этом подавляющее большинство учителей не владели национальными языками. Так, в 1924 г. на Ямале лишь два учителя знали ненецкий язык¹⁶¹. Это, безусловно, являлось недостатком, поскольку комплексные программы должны были строиться именно на краеведческом материале.

Инспекторское обследование школ Тюменской области в 1925 г., выявило весьма поверхностный, а порой совсем недопустимый подход учителей к работе по программам ГУСа. Ряд учителей принял изданные Тюменским ОкрОНО локальные планы за «непреложную истину» и приступил к их полной реализации, не учитывая познавательные возможности учащихся, местные условия, перегрузку планов формальными навыками¹⁶².

Для исправления ситуации в Наркомросе посчитали необходимым разъяснить, что работа по программам ГУСа и разработанным локальным планам требует учета ряда условий, особенно для школ отдаленных регионов и национальных школ. Поэтому к середине 20-х гг. XX в. была предложена инструкция по составлению программ для национальных школ. Для изменения содержания предлагалось использовать реальный материал окружающей жизни в соответствии с местными условиями. Был разработан порядок составления программ для школ национальных меньшинств, который включал в себя три этапа.

На первом этапе работа должна была осуществляться методическим органом каждой из национальных областей автономных республик РСФСР. На втором этапе происходила «локализации» программы, в работу включались

---

¹⁶⁰ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 91. Л. 40.

¹⁶¹ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 190.

¹⁶² ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84 Оп. 1 Д. 33. Л. 87.

методические организации районов, предлагая обобщённый вариант программы для своей территории. Третий этап осуществлялся уже на местах объединениями учителей или педагогическими коллективами отдельных школ. Программа наполнялась не только конкретным содержанием, но по возможности учитывался и уровень развития учащихся¹⁶³.

При описании порядка составления программ для национальных школ указывалось, что ни одна национальная школа не может руководствоваться программой ГУСа в том виде, в каком она была составлена для русских школ. Во-первых, реализовываться комплексные программы должны были с учетом местных условий. Другими словами, школа могла не использовать то содержание, которое было представлено в программах ГУСа, или использовать его лишь частично. Образовательное учреждение имело право изменять содержание, варьировать его в зависимости от уровня развития детской среды, познавательных возможностей учащихся, природных и бытовых условий региона. Еще одним условием определялось, что «локализованная» и спланированная во времени программа должна обсуждаться и утверждаться Школьным Советом. Кроме того, необходимо было обязательное обсуждение программы с детьми, в том числе с целью формирования у них интереса к изучаемым темам и т.д.¹⁶⁴

С учетом данных рекомендаций в 1925 г. был разработан программный материал школы-интерната для детей-сирот коренного населения Томского Севера. В его основу была положена программа ГУСа для школ I ступени. Преподавание предполагалось вести на русском языке. Это объяснялось тем, что учителя не владели языками, на которых говорили школьники¹⁶⁵.

Совет по просвещению народов нерусского языка предложил следующие принципы построения программного материала по обществоведению и краеведению. В 1-й год обучения предполагалось изучить темы: «Для чего нужен

---

¹⁶³ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 72. Л. 131.

¹⁶⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 33. Л. 87.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1 Д. 123. Л. 9.

порядок», «Дисциплина», «Начало школьных организаций», «Правила внутреннего распорядка». Предполагалось краткое знакомство со своим районом, его топографией, реками, озерами, организацией управления районом. Изучались темы: «Значение коллективного труда», «Первобытный труд. Огонь, как мощный двигатель культуры человека», «Исторический обзор края и история туземных племен»¹⁶⁶.

Во 2-й год обучения в рамках обществоведения и краеведения акцент был сделан на изучение следующих тем: «Что такое кооперация. Ее значение и роль в экономике края», «Спекуляция и вред от нее туземцам», «Положения туземца до Октябрьской революции и после», «Что такое коммунистическая партия и чего она хочет», «Комсомол и его значение», «Деление на районы. Управление округом. Народонаселение»¹⁶⁷. В 3-й год обучения ключевыми вопросами являлись: «Административное деление Сибири», «Реки, озера, границы. Острова и полуострова. Пути сообщения», «Внешняя территория СССР», «Разница в торговле (внешней) империалистических держав и СССР», «Внутренние рынки Сибири», «Промышленность добывающая и промышленность перерабатывающая»¹⁶⁸. И в заключительный 4-й год происходило повторение пройденного по расширенной программе: административное и политическое устройство СССР, мировое значение Коминтерна, краткая история России, география СССР¹⁶⁹.

В 1927 г. на территории Севера Западной Сибири насчитывалось 12 школ – интернатов¹⁷⁰. Естественно, что в реальной ситуации школы–интерната выполнение данной программы было практически невозможно. Это можно объяснить отсутствием специальной квалификации у педагогических кадров. Специфическое содержание комплексного подхода требовало специальной

---

¹⁶⁶ Там же. Л. 3.

¹⁶⁷ Там же. Л. 5.

¹⁶⁸ Там же. Л. 7.

¹⁶⁹ Там же. Л. 9.

¹⁷⁰ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 188

философской, исторической и географической подготовки учителей, чего не было в действительности. Необходимо было также учесть, что комплексные программы предполагали тесную связь с производственным трудом, а на Севере Западной Сибири в этот период существовали особенные социально-экономические условия – развитие промыслового хозяйства, специфика которого была непонятна самим учителям. Содержание обучения не всегда соотносилось с психолого-возрастными особенностями детей коренных национальностей и уровнем их подготовки.

По результатам экспертизы производственных планов школ на 1 триместр, произведенной в 1926 г. окружной методической комиссией Тобольского округа, в образовательном процессе школ были выделены следующие недочеты: во-первых, встречались планы, которые не соответствовали идее комплексности, но при этом существовали отдельные школы, предоставившие комиссии не переработанные программы, а точную копию программ ГУСа, без локализации и учета местных условий; во-вторых, в большинстве планов отсутствовали задачи, соединявшие основные явления жизни (природа, труд, общество) и не было конкретных указаний на то, каким образом предполагалось прорабатывать учебный материал; в-третьих, отсутствовали указания об участии детей в планировании¹⁷¹. Можно сделать вывод о том, что и указания, и рекомендации, полученные ранее школами по составлению новых учебных планов, в процессе их разработки учтены не были.

В 1926 г. были изданы первые программы для северных школ. И. В. Белич отмечает, что «программы были построены комплексно на северном географическом и этнографическом материале применительно к главным типам туземного хозяйства: охотничьему, рыболовецкому оленеводческому»¹⁷².

---

¹⁷¹ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1 Д. 314. Л. 65.

¹⁷² Белич И. В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера-западной Сибири ... С. 91-92.

Содержательный план программы для I центра выглядел следующим образом (Таблица 4):

Таблица 4

Схема программы 1926 г. для туземных школ Северной зоны I центра¹⁷³

	Природа	Трудовая деятельность людей (Труд)	Общественная жизнь (Общество)
I Туземный ребенок в базе	Первое знакомство с природой, окружающей базу (погода, растительность, животные)	Труд в базе взрослых и детей (врачебные и ветеринарные пункты, школа, детский сад др.)	Организация база. База как коллектив.
II База и туземцы	Ближайшие окрестности базы	Занятия туземного населения (оленоводство, промыслы, ремесло)	Взаимоотношения базы с туземцами (торговля, медицинская помощь и др.)
III Хозяйственная жизнь Северной зоны	Природа Северной зоны (климат, растительность и др.)	Туземное хозяйство Северной зоны (борьбы человека с природой и его связь с народным хозяйством СССР)	Организация туземцев Северной зоны (в целях поднятия хозяйства улучшения быта)

В пояснительной записке к программам указывалось, что «туземная школа должна давать только такого рода образование, которое не оторвет туземца от его хозяйственной обстановки, не отлучит от обычной его трудовой, промысловой деятельности»¹⁷⁴. Исходя из этого, материал был разделен на четыре периода, по времени его проработки: осенний, зимний, весенний и летний.

Проработка блока «Общественная жизнь (Общество)» выглядела примерно следующим образом. На первом году обучения в зависимости от временного периода поднимались такие вопросы как «Жизнь в базе. Трудовая коммуна. Элементы коммунизма в быте туземцев», «Празднование Октябрьской

¹⁷³ ГА РФ Ф. А–296. Оп. 1. Д. 205. ЛЛ. 5 об – 6.

¹⁷⁴ Там же. Л. 3.

революции», «Для чего нужны налоги», «Дань память Ленина», «Беседа о коммуне и коммунизме», «Необходимость и значение кооператива для туземной жизни» и др. Во второй год в рамках блока «Общественная жизнь (Общество)» должны были быть проработаны темы: «Что дала Октябрьская революция народам Севера», «Рассказы об Октябрьской революции, о рабочих и крестьянах СССР, о Ленине. Параллель с прошлым», «Трудовая коммуна и коммунизм. Кооперация», «Ленин, как вождь угнетенных народностей в их борьбе за освобождение. Чествование его памяти», «Праздник свержения самодержавия и День работницы» и др. темы¹⁷⁵. Можно согласиться с И. В. Белич, которая отмечает, что в таком объеме усвоение содержание наталкивалось на препятствия, обусловленные, прежде всего, интеллектуальным уровнем учащихся. Дети располагали ограниченным запасом понятий, способность к отвлечённому мышлению была развита слабо¹⁷⁶. Хотя можно отметить, что при определенной доработке программы, адаптации ее к местным условиям и познавательному уровню учащихся подобные содержательные ориентиры могли бы дать определенные результаты с точки зрения подготовки детей коренных национальностей к жизни в советском обществе.

Что касается реализации программ для школ Севера 1926 г. в методическом письме в УралОНО от 1927 г. руководство народным образованием Тобольского округа указывало, что в большинстве школ округа строят обучение по программам ГУСа, но лишь у некоторых из них можно встретить комплексную систему преподавания. Почти во всех без исключения школах Тобольского округа, работающих по программам ГУСа, присутствует предметная система преподавания. Как правило, совершенно отдельно изучался материал «природоведческий, трудоведческий и обществоведческий» и связь между трудовыми, природными и общественными явлениями не устанавливается. Как

---

¹⁷⁵ Там же. ЛЛ. 11-16.

¹⁷⁶ Белич И. В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера-западной Сибири ... С. 92.

итог указывалось, что «значение комплексности в деле выработки основ марксистского мировоззрения у учащихся массовым учительством не осознано»¹⁷⁷.

В целом, необходимо отметить общие низкие образовательные результаты у обучающихся по Северу Западной Сибири. Общая грамотность по данным приполярной переписи на Ямале в 1926–1927 гг. выглядела следующим образом: среди русского населения – 54,7%, среди ханты – 0,6%, среди ненцев – 0,3%¹⁷⁸. С такими низкими количественными показателями достаточно сложно говорить о каком-либо качественном изучении содержания отдельных предметов.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что в большинстве школ Севера Западной Сибири во второй половине 1920-х гг. содержание историко-обществоведческого образования не соответствовало тем требованиям, которые были определены в нормативных документах по организации обучения, разработанных центральными органами управления образованием. Это не способствовало реализации общих целей образования в области формирования марксистского мировоззрения. Несмотря на то, что Наркомпрос в директивном порядке требовал изменения содержания и структуры образовательных программ, на Севере Западной Сибири не существовало для этого условий.

В итоге программы переработаны не были. Содержание образования включало, как и прежде, конкретную историю, за исключением тем, связанных с историей царей, известных личностей и т.д. В рамках обществоведения основные вопросы не рассматривались в силу психолого-возрастных особенностей школьников, уровня их подготовки и возможностей воспринимать сложный социологический и экономический материал.

Потребность в стабилизации программ постепенно стало сознавать и руководство Наркомпроса. В постановлении от 18 января 1927 г. «О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской

---

¹⁷⁷ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 823. Л. 22.

¹⁷⁸ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 190.

молодежи» ЦК ВКП(б) отмечалось, что, несмотря на значительную работу, развернутую Наркомпросом РСФСР по распространению программ и материалов преподавания в школах II ступени, в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школах крестьянской молодежи (ШКМ) преподавание обществоведения в них «фактически... остается одним из наиболее слабых участков народного просвещения»¹⁷⁹.

ЦК ВКП(б) указал, что «основными моментами, определяющими слабость постановки обществоведения, являются недостаточная приспособленность программ I центра школ II ступени к возрасту учащихся и незаконченность их разработки для обоих центров этих школ; отсутствие приспособленных к программам и к возрасту учащихся учебников и рабочих книг; слабая подготовка преподавателей и значительное преобладание среди них педагогов-немарксистов»¹⁸⁰.

Новые программы Наркомпрос разрабатывал как стабильные. В итоге принятые в 1927 г. учебные планы и программы для школ I и II ступени впервые были объявлены не «примерными» и «ориентировочными», а обязательными для местных органов народного образования¹⁸¹. По существу это были первые государственные программы, обязательные для всех школ РСФСР. В них закреплялся тот минимум знаний и навыков, за выполнение которого директора школ несли ответственность перед государством.

В новом тексте программ материал был изложен не по блокам, а в определенной системе¹⁸². В программах для школ I ступени отрицалось механическое соединение учебного материала в комплексы без явной на это потребности. Это фактически был первый поворот от комплексной системы преподавания к отдельным предметам. Однако знания по обществоведению в

---

¹⁷⁹ О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской молодежи : Постановление ЦК ВКП(б) от 18 янв. 1927 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 151-152.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Программы и методические записки единой трудовой школы. Вып. 1: Городские и сельские школы I ступени. М.-Л. : ГИЗ, 1927.

¹⁸² Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ... С. 83.

программах для I ступени не выделялись в отдельный учебный предмет. Возможно, это нельзя считать недостатком программ, поскольку дети 8 – 13 лет и с психологической, и с дидактической точек зрения не были готовы усваивать большой объем информации по данной предметной области.

Отступая от комплексности в ее первоначальном толковании и подчеркивая самостоятельность учебных предметов в школе II ступени, авторы программ сохранили стержневые темы по годам обучения, которые, по их мнению, должны были обеспечить самостоятельность отдельных предметов, «не допустить их обособленности»¹⁸³.

Эти стержневые или комплексные темы по годам обучения были сформулированы следующим образом:

Пятый год обучения:

1. Крестьянское хозяйство, формы сельского хозяйства.
2. Обрабатывающая промышленность: город как производственный центр.
3. Связь города с деревней.

Шестой год обучения:

1. Народное хозяйство.
2. Наши задачи в деревне.

Седьмой год обучения:

1. Мировое хозяйство.
2. Советский строй как переходный от капитализма к коммунизму¹⁸⁴.

Программа по обществоведению включала изучение современности и истории, причем роль истории в первом концентре школ II ступени рассматривалась как вспомогательная.

Программа по обществоведению для школ второго концентра состояла из четырех частей: а) истории Западной Европы; б) русской истории; в) современности и г) политической экономии. В программе по обществоведению

---

¹⁸³ Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы ... С. 135.

¹⁸⁴ Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ... С. 86.

для 8–9 групп история была выделена уже в самостоятельные разделы¹⁸⁵. Основным недостатком этих программ продолжало оставаться отрицание необходимости систематического курса истории в школе. По-прежнему не изучался большой объем материала более ранних исторических периодов. Изучение истории начиналось с XVIII в. и вместо истории продолжал практиковаться социологический обзор отдельных эпох¹⁸⁶.

В целом, можно отметить, что в программах по обществоведению 1927 г. была увеличена историческая часть, но обществоведение сохранялось. Исторический же экскурс был бессистемным.

1928 г. и 1929 г. явились переломными в деятельности методической секции Общества историков-марксистов. В Коммунистической академии издается книга «Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени». Опубликованные в ней статьи были направлены против позиции «Московской методической школы». Сквозная мысль этих статей, сводилась к следующему: нужен систематический курс истории в школе, отдельный от обществоведения. В нем изложение событий должно даваться в хронологической последовательности. Исторические события и эпохи не должны формироваться у учащегося в виде «голых отвлеченных схем и абстракций, а должны быть наполнены живым содержанием»¹⁸⁷. Учащиеся должны научиться выделять главные движущие силы эпохи, давать цельную картину их развития, т.е. уметь трактовать исторический процесс как закономерность¹⁸⁸.

Кроме статей теоретического и полемического плана, в сборник вошли статьи, раскрывающие конкретные вопросы методики преподавания истории, а именно: о методах работы по истории, об использовании художественной литературы в преподавании истории, об исторической карте и работе кабинета истории.

---

¹⁸⁵ Программа по обществоведению. История // На путях к новой школе. 1927. № 4.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени. М., 1928. С. 10.

¹⁸⁸ Там же. С. 11.

Впервые методологическое обоснование важности преподавания истории как отдельного предмета было дано на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, проходившей в конце 1928 – начале 1929 гг., на которой было организовано обсуждение вопросов методики и методологии обучения истории, организации обучения истории в вузах (докладчик – С. С. Кривцов), организации учебного процесса преподавания истории в школах (докладчик А. З. Иоаннисиани), места учебников и учебных пособий (докладчик А. Слуцкий)¹⁸⁹. На конференции обосновывалось превращение школьного курса истории в мощнейший фактор формирования марксистско-ленинского мировоззрения молодежи.

В 1929 г. было созвано расширенное заседание редколлегии журнала «Обществоведение в трудовой школе», в котором участвовали представители московского, ленинградского направлений, а также представители Общества историков-марксистов. В полемике историкам-марксистам удалось склонить на свою сторону редакцию журнала, в которую входили представители Наркомпроса. В совместной резолюции расширенного заседания редколлегии было отмечено: позицию «Московской школы» считать неправильной¹⁹⁰.

В итоге противники преподавания истории в школе отступили и с заявлениями о признании своих ошибок в течение 1929–1931 гг. выступили С. Дзюбинский, А. Кудрявцев, С. Сингалевич. Их поддержали и работники Наркомпроса РСФСР. Так д.п.н., сотрудник Наркомпроса и руководитель Московской опытно-показательной школы коммуны им. П. Н. Лепешинского М. М. Пистрак в начале 1930 г. заявил: «Правы были товарищи из методической секции общества историков-марксистов, которые шли дальше и настаивали на выделении курса истории из общего курса обществоведения»¹⁹¹.

---

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

¹⁹⁰ Обществоведение в трудовой школе. 1929. № 2. С. 65.

¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

К началу 1930-х гг. у руководства страны сложилось четкое понимание того, что историю в школе преподавать необходимо с целью «формирования у подрастающего поколения научных знаний о развитии общества», которые, в свою очередь, могли возникнуть только на основе прочных знаний об исторических явлениях и процессах. Принцип историзма был признан определяющим в преподавании, а история и современность отныне должны были составлять неразрывное единство¹⁹².

25 августа 1931 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» были сформулированы требования к школе. В документе говорилось о том, что «...коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно решает задачи подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук»¹⁹³ и Наркомпросу необходимо «немедленно организовать научно-марксистскую проработку программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний»¹⁹⁴. После подобной установки Наркомпрос пересмотрел учебные программы для начальной и средней школы. Но этого было недостаточно. В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» отмечалось: «недостаточность исторического подхода к программам по общественным предметам, выражающаяся в том, что в них крайне слабо дается представление об историческом прошлом народов и страны, о развитии человеческого общества и т.д.»¹⁹⁵. Кроме того, констатировалось, что существенным недостатком являлось отсутствие программы по истории¹⁹⁶.

---

¹⁹² Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики ... С. 173.

¹⁹³ О начальной и средней школе : Постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг. 1931 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 157.

¹⁹⁴ Там же. С. 158.

¹⁹⁵ Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе : Постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг. 1932 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 161.

¹⁹⁶ Там же.

Проведенное в 1933–1934 уч. г. Наркомпросом РСФСР обследование 120 школ в 14 краях и областях обнаружило серьезные недостатки в усвоении исторического материала. Во-первых, был выявлен низкий уровень знаний исторических фактов; во-вторых, отмечалось незнание школьниками хронологии и неумение работать с картографическими пособиями; в-третьих, комиссия пришла к выводу, что школьники системно не понимают причинно-следственные связи исторических событий и т.д.¹⁹⁷

Изменение государственной политики в области историко-обществоведческого образования нашло отражение в конкретных мероприятиях. 3 апреля 1934 г. был издан приказ Наркомпроса РСФСР А. С. Бубнова №260 «Об открытии исторических факультетов в университетах». Согласно приказу исторические факультеты в вузах страны восстанавливались «в целях подготовки высококвалифицированных специалистов для научно-исследовательской и педагогической работы по истории»¹⁹⁸.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавание гражданской истории в школах СССР» восстановило историю как отдельный предмет в средних образовательных учреждениях страны. Это было вызвано неудовлетворительными знаниями школьников по данному предмету. В статье «За высокое качество советской школы» отмечалось, что школьникам дают социологические схемы без знакомства с конкретными событиями, временем, местом и личностями. Особо подчеркивалось, что «... знание отдельных исторических личностей имеет исключительное значение для будущего строителя социализма»¹⁹⁹.

В качестве примера приводилось высказывание И. В. Сталина о том, как понимают подлинные марксисты роль личности в истории. «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников,

---

¹⁹⁷ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

¹⁹⁸ Об открытии исторических факультетов в университетах // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1934. № 12. 12 апр. С. 5.

¹⁹⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Люди делают историю, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить»²⁰⁰.

Постановлением «О преподавании гражданской истории в школах СССР» предполагалось коренным образом изменить характер преподавания истории. В нем отмечалось, что решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат²⁰¹.

На места были разосланы указания Наркомпроса СССР «Как преподавать историю в средней школе в 1934 – 1935-х учебных годах»²⁰². В предложенных указаниях произошло перераспределение программного материала по годам обучения:

1. В 5 классе сокращался раздел «Первобытное общество» и в 6 класс переносилась «История Рима».

2. В 6 классе курс начинался с «Истории Рима» и заканчивался «Крестовыми походами».

3. В 7 классе продолжалась история средних веков во времени после крестовых походов и заканчивалась Английской революцией. Темы «Промышленный переворот» и «Великая Французская революция» переносились в 8 класс.

4. Из курса 6 и 7 классов исключалась история России и народов СССР.

---

²⁰⁰ За высокое качество советской школы // Правда. № 133. 1934. 16 мая. С. 1

²⁰¹ О преподавании гражданской истории в школах СССР : Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1934. № 133. 16 мая. С. 1.

²⁰² ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.

5. В 8 и 9 классе курсы новой истории и СССР продолжались изучаться на основе пройденного в прошлом году материала. Оба курса изучались раздельно²⁰³.

6. На изучение всеобщей истории с 5 по 9 класс ежегодно выделялось по 80 часов²⁰⁴.

Следует отметить, что во всех классах, особенно в младших, намечалась значительная разгрузка учебного материала, что позволило использовать резервные часы для повторения. Следовательно, преподаватель получал возможность более основательно изучать программный материал.

Особенностью программы выступала и содержательная сторона преподавания истории СССР в 8 и 9 классах. История России начиналась в 8 классе с темы «Внешняя политика последней четверти XVIII первой половина XIX в.» и заканчивалась темой «Земская оппозиция». В 9 классе изучение истории открывалось темой «Внешняя политика 90-х и начала 1900-х гг.» и курс заканчивался изучением Гражданской войны и интервенции²⁰⁵. Таким образом, можно констатировать, что история России с древнейших времен и почти до XVIII в. не нашла своего отражения. В методических указаниях была сноска о том, что в основу работы кладется старая программа, поскольку еще не была выработана новая²⁰⁶.

В 1935 г. в регионы были распространены «Указания по преподаванию истории в начальной школе». Вводился курс истории в начальной школе, начиная с 3 класса. Безусловно, предложенные указания были насущной необходимостью, поскольку этот курс представлял для преподавателей определенные трудности. Они были связаны, прежде всего, с новизной этого курса для учителей начальной школы.

---

²⁰³ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.

²⁰⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 13. Л. 25 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 41 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 42.

Начальный курс истории должен был показать, как возникала «великая страна советов». Авторы «Указаний ...» определили основное содержание первой части курса – «тяжелые картины гнета и нищеты, невежества и беспомощности, отсталости и картин напряженной, неплохо организованной борьбы крестьянства»²⁰⁷.

Во второй части курса (со второй половины XIX века) центральное место занимала «борьба развивающегося рабочего класса и его великой партии». Особое место в курсе отводилось двум «важнейшим классовым боям» – революции 1905 года и Октябрьской революции. В «Указаниях...» особо отмечалось, что борьба трудящихся должна быть показана не только на русском материале, предполагалось изучить и народы, входящие в СССР²⁰⁸.

Иное назначение имело включение в курс сведений из всеобщей истории. Их основная задача определялась как подсобная. Они вводились в курс в связи с материалом истории СССР, чтобы дать некоторое представление о том внешнем окружении, которое повлияло на историю России, речь идёт об идеях Маркса и истории Парижской коммуны.

Помимо распоряжений, связанных с преподаванием истории в разных возрастных группах, в 1935 г. вышли «Указания к преподаванию обществоведения в начальной и неполной средней школе во втором полугодии 1934 – 35 учебного года». Они были вызваны необходимостью разгрузки школьных программ по обществоведению в связи с постановлением «О преподавании гражданской истории в школах СССР»²⁰⁹.

Для школ Севера Западной Сибири указания по преподаванию истории в начальной школе и указания к преподаванию обществоведения в начальной и неполной средней школе были крайне актуальными. Поскольку в Остяко-

---

²⁰⁷ Там же. Д. 12. Л. 108.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. Д. 3. ЛЛ. 87-96.

Вогульском и Ямальском (Ненецком) национальных округах на протяжении 1930-х гг. значительный перевес был в пользу начальных школ.

В отчетном докладе Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) представлена таблица роста сети школ на протяжении всего десятилетия (Таблица 5).

Таблица 5

Сводная таблица роста сети школ Остяко-Вогульского национального округа в 30-е гг. XX в.²¹⁰

Уч. годы	Всего школ	В том числе национальных	Начальных		Неполных средних		Средних	
			Всего	В том числе национальных	Всего	В том числе национальных	Всего	В том числе национальных
1930/31	84	24	80	24	4	–	–	–
1934/35	160	49	129	47	30	2	1	–
1936/37	150	47	115	44	32	3	3	–
1939/40	186	58	144	53	35	5	7	–

Такой большой перевес в пользу открытия школ I степени связан с политикой государства по ликвидации неграмотности. В одном из отчетов образовательного учреждения указывалось, что детей 8 – 12 лет в школе I степени на уроках обществоведения «заставляют отвечать на вопросы, совершенно недоступные их пониманию, крайне отвлеченные и отбивающие у них всякий интерес даже к доступным для понимания детей явлениям общественной жизни...»²¹¹.

Поскольку курс обществоведение был насыщен социологическими понятиями, абстрактными категориями, изучение его в 1 и 2 классе было не

²¹⁰ Из отчетного доклада Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) VII окружной партконференции – о состоянии культуры в округе. От 5 марта 1940 г. // Из истории культурного строительства в Тюменской области : сб. док. 1918-1975 гг. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 183.

²¹¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 87-96.

рационально из-за познавательных возможностей школьников. Соответственно в учебном плане не было предусмотрено отдельных часов. Однако со школьниками учителя должны были пройти материал, касающийся таких дат, как Октябрьская революция, день Красной армии и 1 мая. В 3 и 4 классах круг знаний по обществоведению должен был включать в себя правила общественного и личного поведения школьника и пионера.

В 5 классе в содержание были включены следующие темы: «Советы», «СССР – братский союз трудящихся всех национальностей», «Всесоюзная коммунистическая партия большевиков ВКП(б)». В 6 классе предполагалось рассмотреть темы, связанные с понятием «государство», его типами и понятием «коммунизм». В 7 классе рекомендовалось особое внимание обратить на изучение таких личностей как К. Маркс и Ф. Энгельс, а также В. И. Ленин и И. В. Сталин²¹².

В годовых отчетах Сургутского района за 1934–1935 уч. г. есть данные о реализации новых программ школами Севера Западной Сибири. Так, в отчете Тундринской школы представлена информация о полном выполнении программного материала²¹³. Эта же информация представлена и в отчете Сосновской школы: «программный материал, предназначенный для проработки, выполнен полностью»²¹⁴.

Однако подобным утверждениям в отчетах не следует доверять. В одной из школ Самаровского района в третьем классе за первое полугодие была пройдена программа по истории, хотя преподавание истории должно было начаться только со второго полугодия²¹⁵. Часто учебные программы представляли собой перечень крупных содержательных блоков без разбивки материала на отдельные темы и количество часов, возможное для их отработки. В результате этого не вся часовая нагрузка реализовывалась за учебный год.

---

²¹² Там же.

²¹³ АОАГС Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²¹⁴ Там же. Л. 11.

²¹⁵ КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-5. Оп.1. Д. 117. Л. 96.

В докладной записке о состоянии работы школ Самаровского района от 1939 г. было указание на то, что в Нялинской школе работают по старым программам, хотя в школе к этому времени уже имелись новые»²¹⁶.

В целом, принятое руководством государства решение о восстановлении истории как учебного предмета не могло в полной мере и в столь короткий срок реализоваться в отдаленных районах. Это было связано с тем, что на Севере Западной Сибири не были созданы необходимые условия для внедрения изменений в области образования.

Таким образом, в первые годы Советской власти на государственном уровне были определены основные принципы и задачи в области народного образования: всеобщее обязательное начальное обучение, общедоступность школы всех ступеней, светское образование, учёт местных и национальных особенностей, привлечение педагогов к обсуждению всех вопросов строительства новой школы. Основные направления государственной политики в области школьного историко-обществоведческого образования в 1920–1930-е гг. определялись политической, экономической и идеологической ситуацией в исследуемый период. Именно через историко-обществоведческие дисциплины предполагалось воспитать в подрастающем поколении понимание коммунистической морали, убежденности в правоте выдвинутых задач социалистического строительства. Эти идеи не могли не повлиять на трансформацию содержательного аспекта предмета. На протяжении первой половины 1920-х гг. происходил постепенный отказ от изучения истории как самостоятельной дисциплины и замена ее обществоведением. Однако воспитательные и образовательные цели, которые ставило государство, не могли быть реализованы в полной мере через обществоведение и в 1934 г. история как отдельная дисциплина вновь стала преподаваться в образовательных учреждениях страны.

---

²¹⁶ Там же.

Относительно изменения содержания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири можно отметить ряд особенностей. Содержание предметов «История» и «Обществоведение» не отличалось полнотой, информационная наполняемость программ не соответствовала требованиям. Часто отсутствовал комплексный подход в преподавании этих дисциплин, изучению краеведческого материала не уделялось должного внимания. Учебные планы не всегда выполнялись в необходимом объеме, либо часовая нагрузка необоснованно переносилась с одного полугодия в другое.

Также реализовать содержание историко-обществоведческих дисциплин в 1920–1930-х гг. в школах Севера Западной Сибири было трудно из-за низкой общеобразовательной подготовки учащихся. Для национальных школ первоочередная задача стояла в ликвидации неграмотности, а уже потом в исправлении предметного содержания отдельных дисциплин.

В целом, особенностью осуществления государственной политики в области отбора содержания историко-обществоведческих дисциплин в школах Севера Западной Сибири в 1920–1930-х гг. был догоняющий характер. В середине 1920-х годов, когда в целом в СССР отменялся предметный принцип обучения, на Севере Западной Сибири сохранялось обучение по предметам, обществоведение в качестве комплексной дисциплины в школах на Обском Севере своего внедрения не получило. Такая ситуация сохранялась и в середине 1930-х гг. В центральных регионах СССР восстанавливался основной курс истории, в северных регионах вплоть до конца 1930-х гг. история в качестве отдельного предмета восстанавливалась с трудом, преподавание в северных школах было организовано на низком теоретическом и методическом уровнях.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛАХ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

После установления советской власти в 1917 г. была предпринята попытка создания абсолютно новой школьной системы. Историческое образование стало формироваться на совершенно иных принципах, методах и задачах. До настоящего времени остается открытым вопрос: смогло ли руководство страны в 20–30-е гг. XX в. достичь поставленных целей в реализации исторического и обществоведческого образования на Севере Западной Сибири? Этот вопрос можно задавать относительно разных аспектов образования – определение содержания историко-обществоведческого образования, соответствие его целям подготовки строителя коммунизма, обеспечение образовательного процесса соответствующими кадрами, наличие обновлённой учебной литературы на местах и др. Обеспечение школ учебной литературой не зависимо от исторического периода играет ведущую роль в образовательном процессе. Особенно это было актуально в первые десятилетия советской власти. Связано это и с недостаточной квалификацией педагогических работников в плане обеспечения специальным содержанием историко-обществоведческого образования, и с отсутствием других источников информации на местах (исторических исследований, выполненных в новом методологическом подходе, монографий, специальных периодических изданий по истории и обществоведению).

Учебник должен был стать для учителей и для школьников источником знаний в новой парадигме изучения истории. Именно поэтому вопрос, связанный с процессом обновления учебной литературы, важен для понимания развития историко-обществоведческого образования вообще и на Севере Западной Сибири в частности.

Для оценки процесса обновления учебной литературы по историко-обществоведческим дисциплинам следует обратить внимание на следующие моменты:

– во-первых, насколько литература, поступавшая в школы в тот период, соответствовала целевым установкам и задачам, стоявшим перед системой образования;

– во-вторых, каким образом происходило обеспечение учебной литературой школ, находившихся в центральных и периферийных районах страны. Насколько в количественном и качественном плане были укомплектованы учебниками по истории и обществоведению школы Западной Сибири, особенно национальные северные школы;

– в-третьих, каковы были основные трудности, с которыми сталкивались учителя при работе с новыми учебниками и учебными пособиями по историко-обществоведческому циклу.

Немедленное издание учебной литературы, разработанной на новых идеологических, содержательных и методических принципах, в первые годы советской власти было невозможно. Это было связано с тем, что в условиях кардинальных изменений содержания образования требовалось не просто обновление существующих учебников и учебно-методических пособий. Необходимо было создавать совершенно новую учебную литературу, что было достаточно проблематично. К началу 1920-х гг. принципы единой трудовой школы, программные ориентиры, целевые установки советской образовательной системы только формировались и требовали специального методического и содержательного оформления.

Разработать учебно-методическую литературу должны были ученые и педагоги, принимающие новые идеологические и методические принципы, готовые к реализации целей, стоявших перед советской школой. Однако в этот период таких специалистов было недостаточно. В начале 20-х гг. XX в. только формировался коллектив профессиональных советских историков, готовых к

проведению исследований с позиции марксистской методологии. Подготовку необходимых кадров осуществляли новые организационные структуры: Социалистическая академия, Институт красной профессуры и ФОНы. Существенную роль в развитии и распространении марксистско-ленинской теории сыграл Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

Представленные учебные и научно-исследовательские заведения проделали значительную работу по внедрению марксизма в историческое образование. Учебные программы и планы стали принципиально отличаться от дореволюционных. Среди преподавателей появилась значительная группа марксистов. В Московском университете преподавали Н. Н. Батулин, В. В. Адоратский, В. П. Волгин, И. Д. Удадьцов, Ю. М. Мархлевский, И. И. Скворцов-Степанов и др. Были введены курсы по истории крестьянского рабочего движения, Французской революции конца XVIII в. и 1848 г., по истории Парижской коммуны, по истории колониальной политики западноевропейских стран²¹⁷.

По решению XIII партконференции с 1924 г. во всех вузах страны было введено изучение истории партии и ленинизма, что значительной степени повлияло на распространение идей марксистско-ленинской теории в преподавание общественных дисциплин.

В программе РКП(б) подчеркивалось, что одной из важнейших функций всей системы народного образования от начального до высшего являлось развитие широкой пропаганды коммунистических идей и «использование для этой цели аппарата и средств государственной власти»²¹⁸. Именно эти положения проводили границу между учеными-историками буржуазной историографии и сторонниками советской власти. При этом отношение власти к специалистам гуманитарных наук «старой школы» было противоречивым. С одной стороны, руководители государства склонны были признавать достижения ученых в

---

²¹⁷ Историческое образование в России ... С. 237.

²¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Изд. 9, Т. 2. С. 63.

разработке конкретных проблем. С другой, общепринятым среди большевиков было представление о старой профессуре как о «казенных» преподавателях и «верных слугах» свергнутого режима²¹⁹.

Как отмечают В. А. Ищенко, Г. А. Перковская, В. И. Топчиева, К. А. Ушмаева, для этого были определенные основания. Большинство членов Российской академии наук было настроено консервативно, поддерживало в той или иной степени самодержавие и не признавало новой власти. И лишь незначительная часть молодых ученых: П. В. Волгин, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле и другие начали сотрудничать с новой властью. Ценности и приоритеты, интересы историков «старой школы» во многом расходились с приоритетами в области исторических исследований, проводимых лидерами большевиков²²⁰.

Профессиональные историки, проводившие исследования еще в дореволюционной России, стремились развивать традиционные темы «русской исторической школы». В то же время Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и Институт Ленина, как головные учреждения в системе общественно-политических наук, выдвигали задачи по разработке и преподаванию таких проблем, как история социалистических учений, освободительное движение, экономическая история, история революций 1905-1907 гг. и 1917 г.²²¹. Примером первых исторических трудов по такой тематике можно считать работы М. Н. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX – XX вв.»; Н. В. Нечкиной «Общество соединенных славян», «Петрашевы»; М. Н. Васильева-Южина «В огне первой революции»; В. А. Быстрянского «Рабоче-крестьянская революция в России»; В. И. Невского «Как образовывалась советская власть и что ею сделано за три года», «Гражданская война 1918-1921 гг.»; В. А. Антонова-Овсеенко «Записки о гражданской войне» и др.

Вместе с тем в 20-е гг. XX в., когда шел постепенный процесс замены

---

²¹⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений ... Т. 18. С. 364.

²²⁰ Историческое образование в России ... С. 238.

²²¹ Преподавание отечественной истории в университетах России: прошлое и настоящее / под общ. ред. проф. А.И. Уткина. - Уфа: Восточный ун-т, 1999. С. 107.

«старой», буржуазной науки «новой», марксистской, большинство профессоров продолжали занимать свои кафедры, и поэтому преподавание истории по-прежнему строилось на работах Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, печатались работы П. Н. Милюкова, написанные уже в эмиграции²²².

Относительно позиции школьных учителей можно констатировать: реакция на установление советской власти и на изменения, происходящие в народном образовании, была неоднозначной. Значительная часть педагогов не поддерживала большевиков, в лучшем случае она оставалась нейтральной. Председатель Тюменского окрпроса Чазов отмечал: «межклассовое положение учителей оставляло их долгое время в состоянии нерешительности; а приемы и методы социалистического переворота в бурную эпоху созидания диктатуры пролетариата были непонятны еще учительству, как и всей вообще интеллигентской массе того времени»²²³.

Таким образом, вопрос профессиональной подготовки и «политического воспитания» учительских кадров, способных не только дать школьникам первичные знания и умения, но и донести до них социалистические идеи в начале 20-х гг. XX в. стоял особенно остро. Значительную помощь в реализации новых образовательных задач практикующим учителям, особенно тем педагогам, чья профессиональная подготовка была еще не на достаточном уровне, могло оказать соответствующее учебно-методическое обеспечение учебного процесса. Прежде всего, это относилось к учебникам и учебным пособиям, в которых могло найти отражение основное предметное содержание, предназначенное для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных и иных особенностей. Сюда же были отнесены конкретные рекомендации по организации учебного процесса.

В первой половине 1920-х гг. шел поиск образовательных ресурсов и

---

²²² Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). М., 1968. С. 45.

²²³ Из справки председателя Тюменского окрпроса Чазова – об истории Тюменского окружного отдела Союза работников просвещения (1919 –1924 гг.) // Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. Ю. П. Прибыльский. Тюмень, 2002. С. 41.

литературы, которая могла бы способствовать достижению поставленных целей в историко-обществоведческом образовании. Первоначально вся дореволюционная литература подлежала пересмотру и должна была быть отправлена на склад, либо в архив. Однако, учитывая острую нехватку учебников и методических пособий, в качестве дополнительной литературы учителям было разрешено опираться на отдельные дореволюционные издания²²⁴.

Так, в дореволюционной России школа пользовалась учебниками Д. И. Иловайского, К. В. Елпатьевского, Р. Ю. Виппера, Н. И. Кареева, П. Виноградова, С. Ф. Платонова и др. Они строились на «охранительной», «монархической» основе и не отвечали требованиям новой школы. Поскольку новые учебники не были еще разработаны, Наркомпрос РСФСР счел возможным разрешить пользоваться в качестве пособий для учителей книгами следующих авторов: Д. А. Жаринова и Н. М. Никольского – «Былое вокруг нас» (1912 г.), Е. А. Звягинцева «История в народной школе» (1913 г.), В. Я. Уланова «Опыт методики истории в начальной школе» (1914 г.). При этом необходимо было изъять из обращения учебники Д. И. Иловайского, В. Рождественского, И. Беллярминова, В. Пузицкого, К. В. Елпатьевского²²⁵.

Неудовлетворительное положение со школьными учебниками поставило вопрос о создании новых учебных пособий по истории России. Уже в 1918 г.

Н. А. Рожковым была предпринята попытка написания нового пособия²²⁶. Оно было достаточно кратким, в нем на историю Древнего мира отводилось 134 страницы, Средних веков – 112, Нового времени – 91, Новейшего периода (у Н.А. Рожкова этот период охватил XIX – начало XX в.) – 125 страниц, причем в указанное число страниц по каждому периоду входила также и история России²²⁷. Как отмечал Л. П. Бузык, учебник не отвечал элементарным методическим

²²⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

²²⁵ Беллярминов И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории. 32 изд-е. М., 1916; Пузицкий В. Отечественная история в рассказах. М. : Думнов, 1902; Рождественский С. Е. Отечественная история в рассказах. 18-е изд. Пг., 1903 и др.

²²⁶ Рожков Н. А. Учебник истории всеобщей и русской. М. : ГИЗ, 1918. Вып. I – IV.

²²⁷ Историческое образование в России ... С. 126.

требованиям: отсутствовали дополнительный и пояснительный текст, иллюстративные материалы и аппарат ориентировки. Материал излагался конспективно, что снижало ценность пособия²²⁸.

К осени 1920 г. историк-марксист М. Н. Покровский опубликовал два тома «Русской истории в самом сжатом очерке». От В. И. Ленина М. Н. Покровскому принесли записку, которая начиналась так: «Тов. Покровскому. Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки. Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологическим указателем...»²²⁹. В 1921 г. выходит второе издание «сжатого очерка» с хронологической таблицей и направляется в школы как единственный учебник для II ступени обучения.

В 1922 г. вышла книга Е. Замысловской «Рассказы по истории», которая впоследствии будет несколько раз переиздана²³⁰. Она состояла из небольших рассказов по истории России, которые начинались с древнейших времен и заканчивались концом 1917 г. Рассказы были написаны понятным языком, были снабжены иллюстрациями, что очень важно с методической точки зрения, в конце учебника имелись методические указания для учителя. В своем содержании учебник еще во многом сохранял дореволюционный понятийный аппарат: «призвание князей», «вотчинный порядок», «смутное время», однако уже были элементы «классового подхода». Так, описывая смуту, автор разъясняет, что это «Гражданская война, как теперь мы бы сказали, вызвана обостренной борьбой тогдашнего общества»²³¹. Этим же автором была составлена и издана в

---

²²⁸ Бушник Л. П. Очерк развития школьного ... С. 112.

²²⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 24.

²³⁰ Замысловская Е. Рассказы по истории. М.-Пг., 1923.

²³¹ Вольнец А. Учебник русской истории от Петра до Иосифа // Русская планета// <http://rusplt.ru/society/uchebnik-russkoy-istorii-ot-petra-do-iosifa.html>

Петрограде хрестоматия по русской истории²³².

В 1922 г. публикуется учебная книга по истории и обществоведению «Вчера и завтра: Как и откуда взялась новая Красная Россия» М. Н. Коваленского. Отличительной особенностью учебника М. Н. Ковалевского являлось то, что в нем отечественная история излагалась в историко-хронологической последовательности и в тесной связи с всеобщей историей. Эта учебная книга стала достаточно распространенной: с 1923 г. по 1930 г. она была переиздана 17 раз общим тиражом 1315 тыс. экземпляров. Но следует отметить, что эта учебная литература не всегда доходила до отдалённых районов России. Сложная ситуация с обеспечением школ учебной литературой по предметам историко-обществоведческого цикла сложилась на Севере Западной Сибири.

После распоряжения Наркомпроса РСФСР одной из неотложных задач для Тюменского ГубОНО стало «взятие на учет» всего оставшегося после смены власти школьного имущества, в том числе и учебников²³³. При пересмотре имеющейся школьной литературы Тюменским ГубОНО был составлен список руководств и учебных пособий для учащихся Тюменских начальных городских школ на 1919–1920 уч. г. Этот список включал в себя следующую дореволюционную литературу по истории: Е. А. Звягинцев и А. Бернашевский «Века и труд людей» и «Века и люди» (1912 г.), П. М. Шестков и Н. В. Тулупов «Очерки и рассказы для первоначального знакомства с историей», изданные в 1911 г.; И. С. Абрамов «Что говорят забытые могилы» 1912 г. и другие книги, каждая из которых насчитывала по 50 экземпляров²³⁴. Необходимо отметить, что это была не полноценная учебная литература, а скорее занимательные рассказы по истории, книги для чтения.

Наличие определенной дореволюционной литературы было характерно в основном для школ Западной Сибири, располагающихся в административных

---

²³² Замысловская Е. Хрестоматия по русской истории. М., 1923.

²³³ ГБУТО ГАТО. Ф. Р–80. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

²³⁴ Там же. Л. 40.

центрах: г. Тюмени и г. Тобольске. В школах отдаленных районов Севера отмечалось полное отсутствие учебников, тем более на национальных языках коренных народов²³⁵.

Вопросы, связанные с обеспечением северных школ учебной литературой, не раз поднимались на учебных конференциях разного уровня. В 1922 г. на «Неделе помощи школе», организованной Тюменским ГубОНО, был представлен минимум сведений по политграмоте для школ I и II ступеней, а также минимальный набор пособий, рекомендованных к использованию для теоретической подготовки учителей. При рассмотрении на I ступени вопросов, касающихся капиталистического строя (основные черты капитализма, противоречия, классовая борьба и др.), истории Октябрьской революции, Советской Конституции педагогам следовало использовать следующие пособия:

1) П. И. Стучка «Советская конституция в вопросах и ответах» (1920 г.);

2) П. Коваленко «Книжка политической грамоты», которая имела огромную популярность, несмотря на сухой язык изложения, и к 1924 г. была уже 11 раз переиздана, а впоследствии переведена на отдельные национальные языки;

3) Н. И. Бухарин и Е. А. Преображенский «Азбука коммунизма» (1919 г.), написанная по второй программе партии, авторы попытались донести до читателя любого уровня образованности основы коммунистической грамотности. Н. И. Бухарин взял на себя освещение теоретических аспектов программы, Е. А. Преображенский написал главы по организации сельского хозяйства, распределения, банков, денежного обращения и финансов в пролетарском государстве²³⁶. На II ступени минимальные сведения по политграмоте дополнялись темами: «Типы экономических структур», «Капиталистическое общество», «Материалистическое понимание истории», «История революционных движений» (Великая Французская революция, интернационал,

---

²³⁵ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 68. Л. 42.

²³⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп.1. Д. 183. Л. 82.

меньшевики и большевики и др.)²³⁷; Империализм: мировая война 1914 г., Февральская и Октябрьская революции, хозяйственное строительство Советской власти и период Гражданской войны, переход к новой экономической политике; Советская конституция.

Таким образом, на II ступени содержательное наполнение изучения политграмоты значительно расширилось, поэтому использовать лишь рекомендованную литературу для I ступени не представлялось возможным. Предложенный ранее список был расширен еще двумя изданиями: «Введение в политическую экономию» А. А. Богданова (1914 г.), которое принесло автору известность и стало одним из самых популярных учебников политической экономики в России, а также «Теория исторического материализма» Н. И. Бухарина, хотя данную работу критиковали за излишне упрощенный подход к рассмотрению вопросов²³⁸.

Следует отметить, что новой литературы, рекомендованной к использованию, местные школы не получили. В докладной записке заведующего ГубОНО «О положении народного образования в северных уездах Тюменской губернии» от 1923 г. по Березовскому и Сургутскому районам представлена информация о «катастрофическом положении с учебной литературой», «в сельских школах занятия производятся по старым учебникам»²³⁹. Подобные формулировки присутствуют и в информационном отчете за первый квартал 1923–1924 уч. гг. Уральского областного совета национальных меньшинств по Тобольскому округу, в котором отмечается «острый недостаток в учебных пособиях и учебниках»²⁴⁰. В докладе Обдорского волостного ОНО также четко представлены основные проблемы, с которыми столкнулись новые школы в отдаленных северных районах: «... Хэнская и Норэнская нуждаются во всем, так

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. Л. 83.

²³⁹ Из докладной записки заведующего ГубОНО – о положении народного образования в северных уездах Тюменской губернии от 1 июня 1923 года в Березовском и Сургутском // Тюменская школа в XX веке ... С. 35.

²⁴⁰ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 68. Л. 42.

как ... ничего нет – ни помещения, ни пособий, ни книг, ни педагогической литературы, ни бумаги, ни чернил...»²⁴¹.

В информационном письме Тобольского ОкрОНО отдельно указывается, что «руководящей литературой школы были снабжены крайне слабо. Учебные пособия отсутствовали»²⁴². Описание подобной ситуации нашло свое отражение и в статьях местных периодических изданий. Так, в статье «В нашей партии ячейки шефствуют над школами», было заявлено, что ячейка РКП(б) Тюменского округа вследствие отсутствия необходимых учебников в школах, должна постараться оказать помощь в снабжении образовательных учреждений литературой и газетами, а также в целях ликвидации политической безграмотности среди педагогов регулярно приглашать учителей на свои собрания²⁴³.

В 1923 г. на Тюменской губернской и уездной конференции учителей, проходившей с 26 августа по 6 сентября, обсуждались разнообразные педагогические темы (методы преподавания, переход на новые программы и т.д.), в том числе были представлены доклады, касающиеся вопросов преподавания историко-обществоведческих дисциплин. Например, докладчик Ларионов в своем выступлении пытался определить место краеведческой работы в школе I ступени²⁴⁴, докладчик Никитин подготовил сообщение о преподавании обществоведения.

Один из вопросов в выступлении Никитина касался определения места учебной литературы на уроках обществоведения. Автор высказал мнение о необходимости изучения на уроках обществоведения хозяйственной деятельности, экономики, налогов, политики с целью использования школьниками полученных знаний в жизни. Для этого, по его мнению, следовало использовать, прежде всего, не учебники, а газеты, которые «явятся проводником

---

²⁴¹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 23. Л. 27.

²⁴² Из информационного письма Тобольского окружного отдела народного образования – о работе учебно-воспитательных учреждений округа от 9 мая 1926 г. // Тюменская школа в XX веке ... С. 51

²⁴³ Партиец. В нашей партии. Ячейки шефствуют над школами // Трудовой набат 1924. 25 окт. № 244 (1709). С. 3

²⁴⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 3. Д. 5. Л. 100.

в современное общество»²⁴⁵. Однако, несмотря на пропаганду «безкнижного» обучения, докладчик предложил учителям список литературы по обществоведению, которая могла бы помочь педагогам в процессе подготовки к учебным занятиям. Предложенный список включал издания: «Русская история в самом сжатом очерке» и «Борьба классов и русская историческая литература» М. Н. Покровского. Последняя была выпущена к 1923 г. в количестве 10 тыс. экземпляров. Ещё в свет вышел сборник статей по обществоведению Н. Г. Тарасова, являющегося специалистом в области методики преподавания истории и обществоведения²⁴⁶.

Еще один проблемный вопрос заключался в том, что многие учебники к моменту издания уже не соответствовали содержанию учебных программ, рекомендованных Наркомпросом. В 1923–1924 уч. г. Наркомпрос РСФСР ввел новые обязательные учебные программы, составленные по комплексному принципу. Весь объем материала (о природе, обществе и человеке) распределялся по блокам. Учебники, изданные до этих программ, были написаны с учетом принципа линейности. Кроме того, новая программа предусматривала наряду с занятиями в классе проведение экскурсий и наблюдений для познания родного края. Естественно, что подобная тематика не была представлена в имеющейся учебной литературе.

На местах учителям приходилось в рамках проведения подобных уроков использовать материалы краеведения для обеспечения необходимого содержания. В это время краеведение определялось как основа содержания для большинства предметов. На это указывали делегаты Тобольской окружной учебно-практической конференции (1923 г.). В решении этой конференции предлагалось в помощь учителям использовать литературу, изданную членами Общества изучения края при Тобольском музее:

- 1) брошюра, вышедшая к 100-летию юбилею восстания 1825 г.

---

²⁴⁵ Там же. Л. 107.

²⁴⁶ Обществоведение : сб. ст. / под ред. Н. Г. Тарасова. Пг. : Сеятель, 1924-1926. Т. 1-5.

«Декабристы в Тобольском крае» М. П. Копотилова;

2) «Календарь Тобольской природы» М. П. Тарунина;

3) брошюра «Опыты и наблюдения Тобольской сельскохозяйственной школы» И. В. Скрипова и другие²⁴⁷.

Дополнительно в г. Тобольске с сентября 1924 г. начал издаваться ежемесячный журнал «Наш край», который рассылался по школам бесплатно, но из-за нехватки средств в ноябре 1925 г. издание журнала было прекращено²⁴⁸. Отдельно необходимо отметить, что в г. Тобольске в середине 1920-х гг. краеведческая работа была организована на достаточно высоком уровне. Так, в 1924 г. при Обществе изучения края была создана педагогическая секция, в школах работали краеведческие кружки, была проведена реорганизация музея с целью приспособления его к школьной программе. Члены Общества изучения края приняли активное участие в работе окружного съезда по народному образованию, краеведческого совещания, летних окружных педагогических курсах и курсах повышения квалификации учителей²⁴⁹.

Следует отметить, что в силу финансовых затруднений методические наработки, созданные в г. Тобольске, в отдаленные районы Севера Западной Сибири поступали крайне редко. Если же они пополняли библиотечные фонды школ, учителя отмечали: «Материал в журнале «Наш край», не соответствует познавательным возможностям младших школьников и для первых трех групп он слишком сложен, в большей степени его можно использовать для организации обучения в старших группах²⁵⁰. Однако большинство школ на Севере Западной Сибири реализовывали программу I ступени. Учителя, столкнувшиеся с тяжелыми условиями работы в северных школах, краеведению уделяли второстепенное внимание. Соответственно предлагаемая местная литература не нашла должного применения в школах Севера Западной Сибири.

²⁴⁷ Прибыльский Ю. П. Школа тюменского края в XVIII – XX вв. Тобольск, 1998. С. 52.

²⁴⁸ Улыбина Л. Г. Школьное краеведение // Тюменская школа в XX веке ... С. 65.

²⁴⁹ Там же. С. 64-65.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1 Д. 236. Л. 2 об.

Отдельно следует отметить проблемы, связанные и с финансированием библиотек Тобольского округа. Вопрос приобретения литературы стоял очень остро. В 1924 г. инспектором Уральского ОкрОНО А. Бенкиным было проведено обследование, в результате которого он отметил, что в среднем книжные запасы районных библиотек, в том числе Обдорского, Самаровского и Сургутского районов состояли из 500 – 1000 книг и расходы на пополнение литературой окружной сметой не предусматривались²⁵¹. Снабжение районных библиотек было случайным и ситуативным, как правило, деньги выделялись местными ячейками РКП(б), либо отдельными частными лицами.

В сентябре 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР опубликовал циркуляр «Об избах-читальнях», по которому финансовая ответственность распределялась между губернскими, уездными и волостными бюджетами. Так, выделение средств для снабжения изб-читален необходимой литературой происходило из губернского и районного бюджетов, а на хозяйственные расходы (отопление, освещение, обследование) – из волостного бюджета²⁵². Так же приветствовались добровольные отчисления населения, но отдельно указывалось, что «ни в коем случае нельзя для пополнения средств вводить плату за право пользования книгами в избах-читальнях»²⁵³.

Источники финансирования школ на протяжении исследуемого периода менялись. В начале 1920-х гг. из-за системного экономического упадка государство не могло обеспечить увеличивающуюся школьную сеть. В итоге содержание школ в 1921–1924 гг. преимущественно осуществлялось за счет населения и хозяйственных организаций и только частично из бюджета округа²⁵⁴.

В отчете о состоянии дела народного образования Тобольского округа весной 1924 г. отмечается: «Все хозяйственные нужды школ в сельских

---

²⁵¹ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 91. Л. 211.

²⁵² Об избах-читальнях циркуляр ВЦИК и СНК РСФСР // Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / сост.: И. Ф. Заколоткин, А. А. Подземский ; под общ. ред. В. Н. Касаткина. М.-Л. : Гос. изд-во, 1929. С. 497.

²⁵³ Там же. С. 501.

²⁵⁴ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р–676. Оп. 1. Д. 6. Л. 54 об.

местностях бывших Тобольского, Сургутского, Березовского уездах несло само население на договорных началах»²⁵⁵. В бывшем Березовом уезде по договору находилось 18 школ с 23 учителями, а одна школа в городе и одна в уезде содержались за счет местного бюджета. В бывшем Сургутском уезде на договорных началах находилось 8 школ с 9 учителями, а 1 городская школа с 8 учителями финансировалась из средств местного бюджета²⁵⁶.

Со второй половины 1920-х гг. финансирование школ шло в основном из местного и центрального бюджетов. Для того чтобы обеспечить образовательные учреждения необходимой литературой, в Тобольском ОкрОНО было принято решение: на 1925–1926 уч. г. все расходы на приобретение учебников должны были быть включены в смету райбюджета с обязательством по передаче этой суммы в ОкрОНО²⁵⁷.

Таким образом, в первые годы советской власти в школах на Севере Западной Сибири отмечаются серьезные трудности с обеспечением учебной литературой вообще, и по истории и обществоведению в частности. Особенно этот вопрос остро стоял для периферийных районов, куда фактически не поступала новая литература, а дореволюционной литературы было слишком мало, в отдаленных же районах Севера и она отсутствовала. В методических указаниях к программам учителям рекомендовалось на уроках историко-обществоведческого цикла использовать газетные статьи, журналы по краеведению. Педагогам, прошедшим курсы повышения квалификации либо переподготовки, следовало опираться при разработке уроков на конспекты прослушанных лекций. Однако представленные источники информации не могли заменить полноценную учебную литературу, так как не соответствовали психолого-возрастным и познавательным особенностям школьников, а педагоги не всегда в силу своей квалификации могли их адаптировать к учебному

---

²⁵⁵ Там же. Л. 54.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. Л. 55.

процессу.

Об этом писали и говорили на самом высоком уровне. А. В. Луначарский в докладе на I Всесоюзном учительском съезде в 1925 г. отмечал: «Прочитайте отчет Госиздата: до 23 млн. экземпляров учебников есть, в общем и целом приблизительно столько, сколько нужно. Мы могли бы дать эти учебники почти всем ученикам, которые их жаждут, но они лежат на складах у нас и в губернии. Они не продвигаются или туго продвигаются. Это новые учебники, рассмотренные ГУСом, а на местах царит старый учебник и, как говорят наши учителя, действительно царствует. Учитель не может от него отойти»²⁵⁸.

Еще об одной причине существующего положения писала Н. К. Крупская в статье «О культурной работе в деревне: «Учебные пособия и учебники должны покупать крестьяне. Какие же результаты этого? А вот собрали крестьяне 50 пудов ржи. Учитель поехал в город, ткнулся в государственный магазин – купить ничего не смог: цены совершенно неподходящие. Пошел на базар – и на 50 пудов купил «громадные богатства»: двадцать старых учебников Галахова, Пуцыковича, Смирновского и тому подобные «сокровища». Увидели эти учебники крестьяне, собравшие хлеб, плюнули и больше ни на учебные пособия, ни на учебники денег не собирали. Карандаш стоит десять фунтов хлеба, букварь стоит один пуд хлеба, «История» Покровского – три пуда хлеба. Все это недоступно крестьянину. У нас Госиздат издает массу учебников для всех ступеней школ. [...] Но по этим издаваемым книжкам вы совершенно не составите себе никакого представления о том, какими крохами из этого богатства пользуется деревня. До нее не доходят все эти учебники. Она живет старыми учебниками, оставшимися от дореволюционного времени. Остальные учебники по цене совершенно недоступны»²⁵⁹.

---

²⁵⁸ Луначарский А. В. Задачи просвещения в системе советского строительства. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде // Народное просвещение. 1925. № 2. С. 85-112.

²⁵⁹ Крупская Н. К. О культурной работе в деревне (тезисы содоклада и содоклад на XIII съезде РКП (б) по вопросу о работе в деревне) // Педагогические сочинения : в 10 т. Т. 7: Основы политико-просветительной работы / под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. М. : Изд-во АПН, 1959.

А. В. Луначарский считал, что необходимо контролировать цены на учебники и всячески способствовать понижению их стоимости. В своем докладе на I Всесоюзном учительском съезде, он высказал предложение Центральному комитету профсоюза работников просвещения о расширении книгоиздательства, при опоре на губернские и уездные Отделы народного образования²⁶⁰.

Несмотря на все рекомендации и высказывания представителей государственной власти в деле народного образования, можно утверждать, что на местах к середине 1920-х гг. школы так и не были обеспечены необходимыми учебными пособиями. Исходя из отчета об учебно-методической работе в советских партийных школах I и II ступеней Уральской области за 1924–1925 уч. г.²⁶¹, из 978 экземпляров книг, приобретенных в данном учебном году и распределенных по школам области, 464 учебника относились к исторической литературе, 458 учебников имели экономическую тематику, 56 учебников представляли естественно-научный цикл²⁶².

Таким образом, значительный перевес в обновлении литературы принадлежал историко-обществоведческим дисциплинам. Но стоит отметить, что 922 учебника по историко-обществоведческому циклу для школ всей Уральской области было явно недостаточно, если учесть, что в 1925 г. в Уральской области насчитывалось 416 только национальных школ I ступени. На 1925–1926 уч. гг. на покупку учебников и учебных пособий Тобольскому округу было выделено 10 тыс. рублей, фактически же заказ был выполнен на 7622 руб. 78 коп. В итоге детской литературой школы были обеспечены до 30 – 35%, т.е. на 3 – 4 школы приходилось по одной детской библиотеке с количеством от 40 до 80 книг²⁶³.

Можно констатировать, что в 1926 г. в учебных заведениях Севера Западной Сибири продолжала существовать острая нехватка литературы,

---

²⁶⁰ Луначарский А. В. Задачи просвещения в системе советского строительства ... С. 85-112.

²⁶¹ В состав Уральской области в данный период времени входил Тобольский округ, имеющий в составе такие районы, относящиеся к Северу Западной Сибири, как Обдорский, Самаровский, Сургутский, Березовский, Александровский.

²⁶² ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 225. Л. 5 об.

²⁶³ Из информационного письма Тобольского окружного отдела народного образования – о работе учебно-воспитательных учреждений округа от 9 мая 1926 г. // Тюменская школа в XX веке ... С. 51.

раскрывающей природные, хозяйственные и культурные особенности Сибири, как это требовалось в учебных программах того времени²⁶⁴.

Сами учителя не могли себе позволить выписывать необходимую им педагогическую литературу. Во-первых, это было достаточно дорого. В качестве примера можно привести заработную плату учителей Тобольского округа в середине 1920-х гг., которая составляла в среднем 15 рублей²⁶⁵, а подписка и доставка журнала, посвященного вопросам теории и практики педагогики, издаваемого научно-педагогической секцией ГУСа «На путях к новой школе» в 1925 г. составляла 6 рублей²⁶⁶. Стоимость литературы, в которой раскрывались общие вопросы просвещения, варьировалась в среднем от 50 коп. до 2, 5 руб. Так, «Школа-коммуна Наркомпроса» под редакцией М. М. Пистрака стоила 2 руб. 50 коп., а «Школа и сельское хозяйство» А. Морозова – 65 коп²⁶⁷. Методическая литература по обществоведению в среднем обошлась бы учителям до 1 руб. Например, «История и обществоведение в школе» Б. Жаворонкова стоила 80 коп., его же «Методы занятий по обществоведению» – 70 коп²⁶⁸.

Во-вторых, педагоги отмечали частые перебои в работе почты и сложности с транспортом и дорогами. Так, П. И. Кучков, заведующий музыкальной школой в Сургуте в 1920–1921 гг., вспоминает, что «застрял» на неделю в Тюмени из-за распутицы²⁶⁹. В докладной записке заведующего ГубОНО Тюменской губернии от 1923 г. отмечалось, что с Березовским и Сургутским районами «отсутствует за весь зимний период не только живая, но и почти письменная связь. Последнее, в свою очередь, обусловлено неимением средств на почтовые расходы»²⁷⁰.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в первой половине 1920-х гг. государство не смогло обеспечить школы Севера Западной Сибири

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 247. Л. 4.

²⁶⁵ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 66. Л. 88.

²⁶⁶ ГБУТО ГАТО Ф. Р–80. Оп. 1. Д. 142. Л. 146.

²⁶⁷ Крупская Н. К. Советская школа. Доклад на I Всесоюзном учительском Съезде. М. : Работник просвещения, 1925. С. 21.

²⁶⁸ Там же. С. 22.

²⁶⁹ Там же. С. 21.

²⁷⁰ Из докладной записки заведующего ГубОНО – о положении народного образования в северных уездах Тюменской губернии ... // Тюменская школа в XX веке ... С. 34.

необходимой учебной литературой по истории и обществоведению. Имеющиеся в распоряжении учителей учебные материалы (дореволюционные учебники, статьи методического характера, лекции с курсов повышения квалификации, педагогические журналы, краеведческие издания и др.) не соответствовали требованиям, предъявляемым к содержанию образования, целевым установкам, возрастным особенностям учащихся и методике организации учебного процесса.

Во второй половине 1920-х гг. вести обучение по историко-обществоведческому циклу с использованием литературы, изданной еще в царской России, было уже совершенно невозможно, поскольку история как учебный предмет, была ликвидирована. В соответствии с требованиями, предъявляемыми к новым программам, изданным в 1925 г., было введено обществоведение. В пояснительной записке к программе, составленной А. И. Стражевым, были сформулированы задачи курса, заключающиеся в необходимости дать учащимся основы «общеобразовательного мировоззрения, умение ориентироваться в окружающей среде и бороться во имя своей общественной идеологии»²⁷¹.

В новых программах основное место заняли такие сложные обществоведческие термины социологического порядка, как «классовая борьба», «империализм», «мировое разделение труда и производственных сил», «капиталистическое хозяйство», «империалистические войны» и др. Изучение капиталистического строя осуществлялось не в хронологической, а в проблемно-тематической последовательности: рассматривались отдельные общественные явления, не связанные между собой. Таким образом, из программ 1925 г. исчез систематический курс истории, его заменили социологические экскурсии в прошлое. Естественно, что подобное изложение материала отсутствовало в учебной литературе, изданной до 1917 года.

Активное издание учебной литературы по обществоведению пришлось на

---

²⁷¹ Объяснительная записка к программе по обществоведению первого концентрa II ступени // На путях к новой школе. 1925. № 3. С. 94.

середину 20-х гг. XX в. Однако на организацию обучения в школе она принципиального влияния не оказала. Так, «Подвижная лаборатория по обществоведению» под редакцией Б. Н. Жаворонкова и С. Н. Дзюбинского (1926 г.) представляла собой не более чем простой сборник статей и материалов из различных источников. Например, в нем были представлены выдержки из работ В. И. Ленина, из декретов новой власти, писем. Но это не был учебник в традиционном понимании. Для использования данного пособия требовалась специальная подготовка учителей.

Следует отметить, что в целом учебная литература по обществоведению была насыщена теоретическими рекомендациями о необходимости экскурсионного дела в школе, применения метода реконструирования, но не давала учителям четкого объяснения, что и как преподавать²⁷². В отдельных статьях, опубликованных в «Подвижной лаборатории по обществоведению» было указание на то, каким образом должен быть организован процесс изучения истории текстильного производства, самой техники, условий труда рабочих. Учителям рекомендовали организовать экскурсию школьников на фабрику, где они приступали к изучению плана деятельности, схемы организации работы, техники производства и т.д., а в заключении создавали модель фабрики²⁷³. Если учесть уровень квалификации учителей (отсутствие у большинства специального образования, методической подготовки и т.д.), данные рекомендации представляются сжатыми, не имеющими конкретных примеров и пояснений.

Этими рекомендациями невозможно было воспользоваться в условиях социально-экономической ситуации на Севере Западной Сибири, поскольку на данной территории отсутствовали крупные фабрики и заводы (кроме г. Тюмени), в большинстве поселений были только мелкие производства, артели, сельское хозяйство было неразвитым, аборигенное население занималось промыслами.

---

²⁷² Жаворонков Б. Н., Дзюбинский С. Н. Подвижная лаборатория по обществоведению. Л., 1926; Трахтенберг О. В., Гуковский А. И. Фазы общественного развития. М., 1928.

²⁷³ Жаворонков Б. Н., Дзюбинский С. Н. Подвижная лаборатория по обществоведению. Л., 1926.

Такая же ситуация была и с рекомендациями по применению на уроках обществоведения выдержек из документов. Авторы говорили о необходимости работы с первоисточниками, предлагали в своих работах их фрагменты, но четкого алгоритма и методики работы представлено не было. Это создавало определенные сложности для учителей, работающих в отдаленных школах с местным национальным населением, для которого отдельные термины были просто непонятны. Так, на седьмом году обучения изучались темы «Развитие мирового хозяйства» и «Империализм и борьба рабочего класса». Пятнадцатилетние учащиеся, обучающиеся в национальных школах, должны были усвоить такие понятия как «концентрация промышленного и банковского капитала», «образование финансового капитала». Следует отметить, что осмысленное усвоение учащимися основных признаков империализма в 13-летнем возрасте представляется затруднительным, не говоря уже о детях – представителях коренных народов Севера, у которых были трудности с общеучебной подготовкой.

Эта работа была мало понятна самим учителям, детям и их родителям. Родители не всегда могли оценить ее значение в обучении своего ребенка. А. В. Луначарский в докладе на I Всесоюзном учительском съезде 16 января 1925 г. приводил следующий пример: «На одном совещании с учителями мне говорили, что крестьяне недовольны новой школой. Крестьянин говорит: «Старая школа давала грамоту, а теперь приходит парнишка, его спрашивают: «Ты чему научился – писать, считать, читать?» А парнишка не очень научился грамоте. И на вопрос, чему же вас учат, отвечает: «Мы участвуем в экскурсиях, лепим и рисуем». И крестьянин этим недоволен»²⁷⁴.

Несмотря на представленные недостатки, имевшиеся в новой учебной литературе по обществоведению, она все-таки была рекомендована для школ. На Тобольских окружных курсах повышения квалификации для работников

---

²⁷⁴ Луначарский А. В. Задачи просвещения в системе советского строительства ... С. 85-112.

просвещения (29 марта – 20 июня 1928 г.) в рамках программы по курсу «Методика обществоведения и краеведческой работы в школах I ступени» была организована дискуссия со слушателями по вопросу оценки рабочих книг по обществоведению. В итоге был составлен список литературы, который следовало использовать учителям при подготовке к учебным занятиям. В него вошли следующие пособия: «Вопрос преподавания обществоведения» И. М. Катаева, «Обществоведение в трудовой школе» С. П. Сингалевича, «Как работать по обществоведению на I ступени» и «Работа обществоведа» Б.Н. Жаворонкова и другая литература, изданная в 20-х гг. XX в.²⁷⁵

Сложности с существующей учебной литературой по обществоведению осознавали руководители народного образования. А. В. Луначарский в докладе на конференции по книге в 1926 г. выразил свое отношение к существующим учебным изданиям в следующей фразе: «Жутко становится, когда мы подходим к нашим учебникам по обществоведению. [...] Когда неуклюжий подход к воспитанию и выработке мировоззрения превращает его в такую политграмму, которая имеет вкус опилок, сдобренных вазелином, само собой разумеется, от этого становится мрачно на душе²⁷⁶. Необходимость качественного учебника А. В. Луначарский сравнил с необходимым винтиком в работе машин: «Нам нужно много машин, но нужно еще, чтобы эти машины работали... Иногда огромные машины останавливаются из-за недостатка маленького винтика, а народное образование – очень большая машина. Учебник же не маленький винтик, а очень важный подшипник, и нужно, чтобы здесь прошло все гладко»²⁷⁷.

Несмотря на важную роль, которую руководство народным образованием страны отводило учебной литературе, во второй половине 1920-х гг. на местах школы так и не были ей обеспечены. В обзоре о состоянии преподавания обществоведения в школах II ступени, составленного на основании выборочного

---

²⁷⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 170. Л. 131.

²⁷⁶ Луначарский А. В. О детской литературе, детском и юношеском чтении. М. : Дет. лит-ра, 1985. С. 126.

²⁷⁷ Там же.

обследования, произведенного в Тобольском округе в 1927–1928 уч. г., отмечалось разнообразие учебных пособий, имеющих в целом в северных школах. В список вошли следующие издания: «Очерки обществоведения», «Экономические формы СССР», «Политграмота» (М. Б. Вольфсона); «Фазы общественного развития» (О. В. Трахтенберга); «Азбука политэкономии» (И. Е. Любимова); «История классово-борьбы» (М. М. Ковалевского); «История труда» (А. И. Тюменева); «Начальный курс политэкономии» (Ф. И. Михалевского); «Политграмота» (А. П. Станчинского); «История ВКП(б)» (Н. Н. Попова); «Русская история в самом сжатом очерке» (М.Н. Покровского) и др.²⁷⁸

В обзоре указывалось, что в каждой школе, как правило, в наличии был только один «комплект» пособий по обществоведению, могло быть так, что отдельные учебники в штучном варианте имелись лишь в школьных библиотеках, а у учащихся учебные пособия отсутствовали²⁷⁹.

Основную роль в снабжении местных школ учебниками и педагогов учебно-методическими пособиями с 1924 г. взяло на себя «Сибирское краевое издательство и книготорговля» (Сибкрайиздат). Оно отвечало за распределение литературы и ставило перед собой задачу «довести литературу до каждой школы, до каждого ученика и педагога»²⁸⁰.

Подготовка и распространение учебников происходила следующим образом: летом каждого года СибкрайОНО рассылало по окружным отделам народного образования списки рекомендованных к приобретению учебников. Выявив потребности своего округа, ОкрОНО вместе с окружными и районными исполкомами, заключали договор с соответствующим окружным отделом Сибкрайиздата на покупку литературы. В Сибкрайиздате суммировали заказ и определяли тираж собственных и закупаемых в столице учебников. Последние

---

²⁷⁸ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 146. Л. 8.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3: 1917–1930 гг. / отв. ред. А. Л. Посадков. Новосибирск, 2002. С. 269.

закупались на средства Сибкрайиздата и в кредит рассылались на места. В конце года расходы Сибкрайиздата оплачивались из бюджетов края, округов и районов²⁸¹.

Однако следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. сотрудничество Сибкрайиздата с СибОНО и ГубОНО в направлении снабжения школ учебниками было налажено плохо. Основной причиной было отсутствие у отделов народного образования средств для закупки у Сибкрайиздата (и через него у московских издательств) учебной литературы²⁸². Нехватка средств у местных и краевых бюджетов не позволяла отпускать необходимые суммы в распоряжение органов народного образования на закупку учебников. Приобретение их велось с помощью средств, выделенных кооперацией, на средства самих родителей, через школьные кооперативы, на деньги заработанные учениками на общественных работах.

К концу 1920-х гг. в связи с изданием новых стабильных программ начинается разработка учебной литературы, соответствующей программам, изданным в 1927 г. Предполагалось, что школы начнут работать по данным учебникам уже в 1928–1929 уч. г. К этому времени изменилась суть учебной литературы. Преобладающее значение получает учебно-рабочая книга, в которой было представлено и основное содержание, расположенное по трем блокам, и фрагменты отдельных произведений, статей из хрестоматий, газет, журналов. Наряду с этим в учебник подобного типа входили задания и вопросы, предназначенные для групповой работы учащихся. В содержании учебника «современность» превалировала над историей.

Однако к указанному сроку учителя, работающие во II концентре II ступени, в силу указанных ранее причин, на уроках обществоведения продолжали использовать учебники М. Н. Покровского, М. Н. Коваленского и др., изданные в первой половине 1920-х гг.

---

²⁸¹ Там же. С. 271.

²⁸² Там же. С. 269.

Городские школы получили новые учебники, написанные по «стабильным» программам 1927 г., только в середине 1929–1930 уч. гг. В 1929 г. выходит «Рабочая книга по обществоведению. Политическая экономия» (авторы Р. М. Кабо, Р. Я. Брегель). Надо признать, что данный факт не облегчил учителям работу. В мае 1929 г. участники Всероссийской конференции по краевой книге констатировали, что школьная программа всё еще будет изменяться, поскольку предстоял коренной пересмотр программ в отношении политехнизма. И изменения должны были быть осуществлены не раньше чем через два года. Соответственно возникал резонный вопрос: как учителям работать по уже изданным учебникам? Поскольку через год они могли быть признаны устаревшими и не соответствующими измененной программе²⁸³.

Вопрос работы с большинством учебников, написанных и изданных в 1920-е гг., решался весной 1930 г. 28 марта 1930 г. выходит постановление коллегии Наркомпроса, признававшее «невозможным в настоящий момент придерживаться принципа стабилизации учебников», а 16 мая 1930 г. на Всероссийской конференции в резолюции по учебной книге, одобренной и рекомендованной округам коллегией Наркомпроса, указывается: «...Учебник ни в коем случае не должен быть стабильным... Конференция решительно отвергает принцип стабилизации учебников»²⁸⁴. Эта же идея нашла свое отражение и в решении Президиума ЦК профсоюза работников просвещения от 3 марта 1932 г., признавшее решение о стандартизации учебников на три года «неправильным и политически вредным»²⁸⁵.

Дискуссия о необходимости единого стабильного учебника, развернувшаяся в начале 1930-х гг., закончилась постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы» от 13 февраля 1933 г., в котором говорилось о необходимости «признать

---

²⁸³ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 98. Л. 5.

²⁸⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

²⁸⁵ Там же.

линию Наркомпроса по созданию учебников неправильной»²⁸⁶. Постановление отменяло издание «рабочих книг» и рассыпных пособий, «подменяющих действительные учебники и не дающих систематических знаний по проходимым в школе предметам», а также запрещало издание учебников «самостоятельно каждой областью, краем, автономной республикой». По каждому предмету должен быть разработан «единый обязательный учебник, утвержденный Наркомпросом и издаваемый Учпедгизом». В Решении Президиума ЦК профсоюза работников просвещения от 3 марта 1930 г. Наркомпросу и Объединению государственных книжно-журнальных издательств поручалось организовать издательство стабильных учебников до 15 июля 1933 г., чтобы ввести их в учебный процесс с начала учебного года – 1 сентября 1933 года. Эти учебники должны были использоваться в школе в течение большого ряда лет²⁸⁷.

Вопрос, связанный с обеспечением учебниками школ на Севере Западной Сибири, оставался нерешенным и в первой половине 1930-х гг. К 1933 г. УралОНО не выполнило распоряжение Уралобкома ВКП(б) по обеспечению школ учебной литературой и методическими пособиями. Школы Остяко-Вогульского округа в 1933 г. не были обеспечены учебниками, от общего количества заявок на учебный год реализовали только 35%; программ для школ I ступени недоставало в количестве 200 экземпляров, рабочими тетрадями были обеспечены только на 2, 8%²⁸⁸.

16 августа 1933 г. перед началом учебного года газета Остяко-Вогульского национального округа «Остяко-Вогульская правда» (Ханты-Манчи шоп) писала об обеспечении школ необходимыми учебными средствами: «...Из 433 тыс. нужных тетрадей для школ заготовлено только 14 тыс., и на 250 рублей учебников, тогда как заявка на последние дана в сумме 35 тыс. рублей»²⁸⁹.

Подобного рода информация содержалась и в официальных отчетах школ.

---

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 21. Л. 118.

²⁸⁹ Вихрев П. Подготовка к учебному году под угрозой срыва // Остяко-Вогульская правда. 1933. 16 авг.

Большинство заведующих неполными средними школами Остяко-Вогульского национального округа в 1935 г. в годовых отчетах констатировали, что общая обеспеченность учебниками оставляет 70 – 85%²⁹⁰. Они отмечали полное отсутствие программ и методической литературы по истории и обществоведению²⁹¹. В качестве примера можно привести ситуацию, когда инспектор, проводивший обследование школ крайне отрицательно отзывался о содержательной подготовке учителя Кушеватской школы, который озвучивал «искаженную информацию» на уроках обществоведения. Сам инспектор видел причину такого положения «в необеспеченности школьной библиотеки методическими пособиями и учебниками, что не дает возможности повысить учителям свою квалификацию»²⁹².

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы» на места были разосланы инструкции по контролю за торговлей и распределением учебников²⁹³. Были даны указания о необходимости отмены существующего закрытого порядка распределения учебников среди учащихся и введения с 15 сентября 1935 г. открытой продажи учебной литературы через книжные магазины и киоски КОГИЗа (книготорговое объединение государственных издательств), а в сельской местности через кооперации и по особой договоренности книготоргующих организаций через школы²⁹⁴. Ответственными за исполнением указаний было назначено руководство ОблОНО, которое должно было регулировать процесс продажи учебников, не допускать увеличение номинальных цен и спекуляций учебниками. За подобные нарушения виновные должны были нести уголовную ответственность²⁹⁵.

Стабильные учебники, закупленные школами для снабжения учащихся на

---

²⁹⁰ КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 51. ЛЛ. 7, 41, 58, 61.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же. Л. 58.

²⁹³ Там же. Д. 51а. Л. 76.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

1935–1936 уч. г., с 15 сентября должны были быть переданы книготоргующим организациям. Заведующие школ должны были «немедленно возвратить средства собранные от родителей» и запрещалось впредь собирать деньги на закупку учебников²⁹⁶.

В целом надо отметить, что финансовые расходы на содержание школ Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого округов на протяжении 1930-х гг. росли (Таблица 6).

Таблица 6

Расходы на развитие просвещение в Остяко-Вогульском национальном округе в 1930-х гг.²⁹⁷

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Местный бюджет (в тыс. руб)	1696,1	2470,7	4591,1	Св. нет	Св. нет	Св. нет
Государственный бюджет (в тыс. руб)	213,1	390,3	313,0	Св. нет	Св. нет	Св. нет
Итого (в тыс. руб)	1909,2	2861,0	4508,1	6939,7	7956,1	8896,4

Однако при анализе финансовых затрат следует учитывать, что на протяжении 1930-х гг. значительно расширилась и сеть общеобразовательных учреждений в округе, что пропорционально должно было увеличивать и расходы на их содержание. Так, например, основная масса школ в спецпоселках была открыта в 1932–1933 гг. Например, если в 1930–1931 уч. г. в Остяко-Вогульском национальном округе было открыто пять школ первой ступени для детей спецпереселенцев из 69 школ этого типа, то в 1931–1932 уч. г. – 40 из 150, а в следующем 48 из 156 школ²⁹⁸.

Бывший спецпереселенец В. И. Панков вспоминал: «Когда начались занятия в школе, я и другие ребята, которых не записали в школу (в первый год

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. / сост. Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск, 2000. С. 27.

²⁹⁸ Загороднюк Н. И. Культурная жизнь спецпереселенцев // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. : мат-лы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф. ... С. 59.

количество учащихся в классах было слишком большое), ходили около школы и заглядывали в окна. Когда заканчивались занятия, я встречал своего друга Федю Осипова. Он показывал мне учебники, которые им выдали. Один учебник был на двоих-троих ребят, так как учебников не хватало»²⁹⁹. Так же В. И. Панков пишет о том, что когда в 1934 г. он пошел в школу «за столами сидели по три ученика»³⁰⁰. Ситуация изменилась в 1936 г., когда была открыта новая школа, оснащенная двухместными партами и переносной доской, также «обязательно в каждом классе был портрет Ленина или Сталина. В праздники развешивались лозунги в классах и коридоре, предлагалось иметь лозунг и дома»³⁰¹.

В целом, Советское правительство в 1933–1937 гг. в 3,5 раза увеличило расходы на общеобразовательную школу³⁰², но основная доля финансирования школ все-таки шла из местного бюджета.

Не смотря на попытку государственной власти и местных органов управления в середине 1930-х гг. наладить систему финансирования школ, вопрос снабжения учебной литературой школ Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов оставался открытым и не всегда его решение зависело от возможностей бюджетов округов.

Отдельно стоит рассмотреть ситуацию с обеспечением школ Севера Западной Сибири во второй половине 1930-х гг. учебными пособиями и учебниками восстановленного предмета «История».

В 1933 г. Наркомпрос РСФСР издал новые программы по истории. В основу их была положена марксистская теория общественно-экономических формаций. Программы строились «послойно»: за рядом тем по всеобщей истории шла тема по истории СССР.

5 апреля 1934 г. в газете «Правда» появилась статья «Скелеты в школе», в

---

²⁹⁹ Панков В. И. Детство в неволе // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. : мат-лы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф. ... С. 55.

³⁰⁰ Там же. С. 56.

³⁰¹ Там же. С. 57.

³⁰² Плясовских В. С. Политика КПСС в области народного образования: Опыт разработки и реализации. М. : Мысль, 1987. С. 30.

которой учебники истории подвергались критике за то, что в них было представлено теоретическое объяснение классовой борьбы без конкретной доказательной базы, набора фактов. Уже 16 мая 1934 г. в газете «Правда» было опубликовано постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором говорилось о том, что преподавание истории в советской школе поставлено на низком уровне, в основу построения курсов необходимо положить принцип хронологической последовательности в изложении исторических событий. Поэтому были введены самостоятельные курсы отечественной и всеобщей истории.

Также внимание концентрировалось на том, что не только учебники, но и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. В соответствии с этим СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлял подготовить к июню 1935 г. новые учебники по истории: «История Древнего мира», «История Средних веков», «Новая история», «История СССР», «Новая история независимых и колониальных стран». В этом постановлении был опубликован утвержденный список членов групп по составлению новых учебников³⁰³.

3 марта 1936 г. появились постановления «Об учебниках по истории» и «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории»³⁰⁴.

В августе 1937 г. жюри под председательством секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова констатировало, что объявленный конкурс вызвал широкий отклик не только среди специалистов историков и представителей этой дисциплины в школе, но и среди самых различных слоев советской общественности: рабочих, железнодорожников, красноармейцев, колхозников, инженеров, партийных пропагандистов, работников политотделов совхозов и т.д.³⁰⁵

---

³⁰³ О преподавании гражданской истории в школах СССР : Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1934. № 133. 16 мая

³⁰⁴ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. 17. Оп. 120. Д. 359. Л. 2.

³⁰⁵ Там же. Л. 141.

На конкурс было представлено 44 учебника³⁰⁶. Но их значительная часть не отвечала тем требованиям, которые к ним предъявлялись условиями конкурса, поскольку у большинства авторов не было достаточного исторического образования.

В итоге жюри постановило I и II премии не присуждать ни одному из представленных на конкурс учебников. III премию в размере 50 тыс. рублей присудить учебнику для начальной школы по элементарному курсу истории с краткими сведениями по всеобщей истории, составленному группой авторов Московского пединститута им. А. С. Бубнова, как наиболее подходящему для учащихся 3 и 4 классов школы по простоте и доступности своего изложения³⁰⁷. Несмотря на получение премии, в этом учебнике жюри отметило ряд фактологических и идеологических ошибок. С целью устранения многочисленных недочетов Наркомпросу РСФСР было поручено организовать его переработку. Для этого создавалась специальная группа и привлекались к работе детские писатели.

Сложности с написанием и изданием школьных учебников по истории были связаны, прежде всего, с тем, что в 30-е гг. XX в. еще не было взаимодействия между методистами и учеными-историками. Методисты не указывали на моменты, связанные с отбором содержания, а историки в своих учебниках практически не учитывали организационные особенности преподавания истории в школе.

Отдельно стоит остановиться на ситуации с разработкой и публикацией учебников для национальных школ на языках коренных народов Севера.

Ситуация осложнялась необходимостью издания учебников на национальных языках. 14 августа 1930 г. выходит постановление ЦИК и СНК СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении и о мероприятиях по его практическому применению», в 1931 г. – постановление «О коренизации

---

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. Л. 154.

национальной школы», что определило введение всеобщего обучения среди детей малочисленных народов Севера. В сложившейся ситуации необходимо было создать программы для коренных народов на родном языке, а также разработать письменность для финно-угорских народов и создать учебники на хантыйском, ненецком, мансийском языках.

В начале 30-х гг. XX в. начинает издаваться учебная литература для северных школ на национальных языках. В 1930 г. выходит «Хантыйская книга для первоначальной учебы» на обдорском диалекте, написанная преподавателем остяцкого языка Тобольского педагогического техникума П. Е. Хатанзеевым. В 1933 г. букварь был переиздан на казымском диалекте, несмотря на то, что с методической точки зрения он имел множество недочетов³⁰⁸. В 1931 г. на отделении народов Севера Тобольского педагогического техникума кружком «Нацмен» была подготовлена рабочая книга на остяцком языке «Мир». В 1932 г. издается мансийский букварь «Новый путь» В. Н. Чернецова. В этом же году выходит и «Букварь» Н. К. Крагера на хантыйском языке.

Несмотря на появление учебной литературы на национальных языках, вопрос ее внедрения в образовательную систему оставался открытым. Это можно объяснить наличием множества диалектов внутри одного языка и тем, что учебники, разработанные на основе конкретного диалекта, были непонятны для остальных³⁰⁹.

В январе 1932 г. в Ленинграде состоялась Первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Крайнего Севера. На конференции был рассмотрен проект комплектов учебников для национальных школ 4-х и 5-летней начальной школы³¹⁰. Предлагалось создать преемственный единый комплекс учебников и учебных пособий для каждой группы и предмета.

---

³⁰⁸ Из истории культурного строительства в Тюменской области, 1918 – 1975 гг. : сб. докл. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 29.

³⁰⁹ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П-23. Оп. 1. Д. 21. Л. 118.

³¹⁰ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1850. ЛЛ. 19-19 об.

Для первого и второго года обучения помимо букваря, учебника по математике и учебника по родному языку предлагалось создать рабочую книгу, содержащую программный материал по обществоведению, естествознанию и элементам географии (для первого года обучения – 8-10 печатных листов, для второго года – 12-15 печатных листов)³¹¹.

Для третьего года обучения предлагалось ввести отдельный учебник по обществоведению с элементами истории – для 4-х летних школ общим объемом 8 печатных листов, для 5-ти летних школ – 6 печатных листов.

Для четвертого года предполагалось содержательно разделить учебник на 2 самостоятельных издания: 1) учебник по обществоведению (для 4-х летних школ общим объемом 8 печатных листов, для 5-ти летних школ – 6 печатных листов); 2) учебник по истории (для 4-х летних школ общим объемом 6 печатных листов, для 5-ти летних школ – 5 печатных листов).

Для пятого года обучения рекомендовалось два отдельных учебника: 1) учебник по обществоведению (6 печатных листов); 2) учебник по истории (4 печатных листа)³¹².

Учебники, которые полностью бы соответствовали разработанному проекту, так и не были изданы. Это было связано с кардинальными изменениями, произошедшими в 30-х гг. XX в. в школьном историко-обществоведческом образовании (восстановление истории как предмета в 1934 г. и введение в образовательный процесс с 1937-1938 уч. г. преподавания Конституции СССР).

На Севере Западной Сибири во второй половине 1930-х гг. учителя продолжали использовать на уроках обществоведения, а после и истории (с 1934 г.) учебники, написанные на русском языке, а из литературы на национальных языках – лишь иллюстрации. Это было естественно, поскольку первая учебная литература, опубликованная на национальных языках, относилась либо к разряду букварей, либо давала лишь общие представления о народе и

---

³¹¹ Там же. Л. 19.

³¹² Там же. Л. 19 об.

нацелена была на ликвидацию неграмотности среди коренного населения Севера Западной Сибири. В учебниках должен был быть в обязательном порядке представлен следующий материал по истории: о свержении самодержавия, о революциях, о роли рабочего класса, о жизни и деятельности Ленина, Сталина, Ворошилова и т.д. Но к концу 1937 г. на совещании по вопросу издания национальных учебников для школ народов Севера, изданные национальные буквари на основе русского алфавита, были подвергнуты критике. Отмечалось, что авторы допустили извращение марксистско-ленинской исторической науки и составили буквари на крайне низком идейно-политическом уровне³¹³.

Было отмечено, что в букваре Н. В. Чернецова для мансийских школ, в букваре Т. М. Василевич для эвенкийских школ, в ненецком букваре Г.Н. Прокофьева выявлено множество фактологических ошибок, часто противоречащих идейным установкам, которые определяло руководство Накромпроса. Например, говорилось о свержении самодержавия в октябре 1917 г.; в букварях не было примеров из жизни героев, стахановцев, ударников, а это считалось необходимой составляющей. Отсутствовал материал по антирелигиозной пропаганде, не было статей по вопросам борьбы с кулаками и шаманами. Отмечалось, что все содержание и направление букварей было взято из местной жизни в крайне упрощенном виде, снижающем уровень развития народов Севера³¹⁴.

Учитывая все замечания, в 1937 г. было принято решение о прекращении дальнейшей рассылки учебников на национальных языках. Для ликвидации всех недочетов предписывалось отправить на места специалистов-методистов для составления учебников на селькупском и удэгейском языках. Эти методисты должны были оказать посильную помощь непосредственно практикующим учителям национальных школ³¹⁵.

---

³¹³ РГСПИ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 294. Л. 5.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же. Л. 6.

В 1938 г. были разработаны указания по созданию нового алфавита для народов Севера. В целях «изжития самотека» в работе над составлением учебников, обеспечения единого руководства и методической помощи составителям учебников Институту нерусских школ совместно с Институтом Народов Севера необходимо было предоставить рецензии на содержание и методику вышедших в 1937 г. учебников³¹⁶.

Для дальнейшей эффективной работы следовало разработать также единый методический план и список пособий и источников для составления учебников для первого, второго, третьего классов начальной северной школы. Важно было разработать требования для составления учебников. Для обсуждения методического плана и программ учебников предполагалось 3 декабря 1937 г. в г. Ленинграде собрать совещание авторов учебников совместно с учителями, а зимние каникулы учителей в январе 1938 г. использовать для созыва районных учительских конференций в Нарьян-Маре, Обдорске и Березово. Предполагалось обсудить качество изданных учебников и программы требований к составителям новых учебников³¹⁷.

Несмотря на попытку разработки новой учебной литературы, соответствующей основным образовательным и воспитательным целям, к концу 30-х гг. XX в. в регионе не был решен вопрос со снабжением учебной литературой и распределением её по школам. Эта ситуация объясняется следующими причинами:

Во-первых, характерной особенностью размещения школьной сети на Севере Западной Сибири являлась территориальная отдаленность школ (Таблица 7). Подавляющее большинство национальных северных школ располагалось вдали от главных магистралей. Так, например, школы Остяко-Вогульского национального округа были разбросаны на территории в 548 тыс. кв. км.³¹⁸ Это

---

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Крангауз Ф. Ф. К истории советской школы ... С. 60.

обстоятельство крайне затрудняло обслуживание и их снабжение, особенно во время осеннего и весеннего бездорожья.

В качестве свидетельства территориальной отдаленности школ округа могут служить данные, приведенные Ф. Ф. Кронгаузом:

Таблица 7

Территориальная отдаленность школ Остяко-Вогульского национального округа на конец 30-х гг. XX в.³¹⁹

Районы округа	Территория района в кв. км.	Количество национальных школ в районе	Расстояние до самой отдаленной школы в км.	
			От окр. центра	От район. центра
Ларьякский	86,8	10	1300	400
Сургутский	180	10	760	400
Микояновский	81,1	22	1000	500
Березовский	94,9	20	900	600
Самаровский	92,5	3	200	200
Кондинский	73	16	800	350

При территориальной отдаленности школ от районного и окружного центров повседневная связь со школами районных и окружных организаций и учреждений почти отсутствовала. В этих условиях осуществление какой-либо помощи на местах или снабжение школ необходимыми в образовательном процессе средствами обучения было затруднено.

А. И. Силин, выпускник Остяко-Вогульского педагогического техникума 1935 г. (первый выпуск), вспоминал: «... плохо обстояло дело с материальной базой. Когда я прибыл к месту моей первой работы в Урьевскую национальную школу, кроме пяти парт, классной доски и одного табурета, в школе ничего не обнаружил. Ни учебников, ни тетрадей, ни журнала. Пришлось ходить пешком за 30 км в Локосово и в школе выпрашивать всё самое необходимое. Позднее старшие товарищи, имевшие кое-какой опыт, учили: «Когда будешь на складе наглядных пособий, - не зевай! Тяни, что плохо лежит». «Но это же воровство!» -

³¹⁹ Там же.

возражал я с возмущением. «Ну и что! Иначе останешься ни с чем». Я заметил, как «старички» выходили со склада «пополневшие». [...] Нагрузив свои карманы, пазухи и портфели, невольные воришки тащили этот необходимый груз до своей школы. Груз этот был порядочный, так как сверх этого были по разрядке получены тетради, учебники, карандаши, ручки и пр. Как правило, полученного не хватало. Приходилось еще использовать и старые книги, газеты, самодельные чернила и т.д.»³²⁰.

Дополнительно А. И. Силин отмечает: «Только принимая участие в кустовых методических объединениях (КМО), можно было ознакомиться с «редкими методическим пособиями», которые фактически в школы не поступали»³²¹.

В качестве второй причины отсутствия положительного результата по вопросу снабжения учебной литературой школ Севера Западной Сибири к концу 30-х гг. XX в. можно назвать низкую квалификацию управленцев, неправильное распределение средств выделенных из окружных бюджетов на приобретение учебных пособий и наглядности. Так, в Ларьякском районе заведующий районным отделением народного образования из 11 тыс. руб., 10 тыс. выделил для Ларьякской и Нижневартовской неполных средних школ, и только одна тыс. руб. была распределена среди 13 начальных школ³²². В результате такого распределения средств начальные школы остались без необходимых пособий.

Сложности существовали и со своевременным финансированием. В Сургутском и Самаровском районах деньги, выделенные на закупку учебно-методических пособий, систематически задерживались³²³.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода в силу разных обстоятельств качественной, пригодной для реализации в регионах с

---

³²⁰ Силин А. И. Народное образование в Сургутском районе в 1920-е-1930-е гг. // Югра. 2001. № 5. С. 57.

³²¹ Там же. С. 59.

³²² КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 117. Л. 10.

³²³ Там же.

определёнными национально-культурными особенностями литературы по истории и обществоведению создано не было. Существующая в северных школах литература (дореволюционные издания, национальные буквари с отдельными вкраплениями материала по истории и т.д.), не отвечала целям и задачам, стоящим перед историко-обществоведческими предметами в 1920–1930-х гг. Только к концу 30-х гг. XX в. руководство государством пошло по линии создания единого учебника по истории, который разрабатывался в соответствии с целями и задачами коммунистического воспитания учащихся и принципами советской дидактики.

В неразрывной связи с определением роли учебника и разработкой соответствующего целевым установкам учебно-методического комплекта существовал вопрос об организации учебного процесса. Государственная политика в области организации учебного процесса в советской школе 20–30-х гг. XX в. заложила новые тенденции: предмет педагогики в этот период «расширялся», охватывал различные сферы социальной и политической жизни общества. Такой подход к трактовке системы обучения в известной степени можно объяснить тем, что в этот период большое значение приобретает воспитательная функция образования.

Коммунистическое воспитание молодого поколения осуществлялось партийными структурами, общественными организациями и в обязательном порядке школой. Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский придерживались идеи обязательной связи школы с политикой. Н. К. Крупская писала: «В нашей Стране Советов мы прямо и открыто говорим, что мы связываем нашу школу с политикой, что мы хотим нашу школу насквозь пропитать духом социализма, сделать ее подлинно социалистической, воспитывающей хозяев жизни»³²⁴.

---

³²⁴ Крупская Н. К. К вопросу о социалистической школе // Педагогические сочинения : в 10 т. Т. 7: Основы политико-просветительной работы ... С. 638.

В ряде работ Н. К. Крупской были сформулированы общие цели обучения, вытекающие из задач нового государства. В статье «К вопросу о социалистической школе» (1918 г.) она писала: «В буржуазном государстве школа является орудием духовного порабощения широких народных масс. Цель школы в таком государстве определяется не интересами учащихся, а интересами господствующего класса, то есть буржуазии. [...] В условиях нового общества общая цель начальной, средней и высшей школы – это воспитание всесторонне развитых людей, с сознательными и организационными общественными инстинктами, имеющих цельное продуманное мировоззрение, ясно понимающих все то, что происходит вокруг них в природе и общественной жизни; людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду как физическому, так и умственному... [...]. Такие люди необходимы социалистическому обществу, без них социализм не может осуществиться полностью»³²⁵.

Школа, отмечалось в Программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. должна была стать «орудием перерождения общества»³²⁶, а в качестве основного принципа организации школьного дела выделялся политехнический принцип, который, как подчеркивал А. В. Луначарский, «не требует обучения всему, но требует обучения основам современной индустрии вообще»³²⁷.

Основным типом школы в 1918 г. стала Единая трудовая школа, с девятилетним сроком обучения, состоящая из двух ступеней. Первая ступень с пятилетним сроком обучения являлась базой для II ступени с четырехлетним сроком обучения, и профессиональной школы с четырехлетним сроком обучения на базе школы I ступени. После окончания школы II ступени предполагалось в течение 4 – 5 лет обучение в институтах, а после окончания профшколы – трехгодичное обучение в техникумах³²⁸.

---

³²⁵ Крупская Н. К. Педагогические сочинения : в 10 т. М., 1957-1963. Т. 2. С. 11.

³²⁶ Программа РКП(б) 18-23 марта 1919 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 18.

³²⁷ Ленин В. И. О воспитании и образовании. – М., 1973. – С. 551

³²⁸ Основные принципы единой трудовой школы РСФСР // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ... С. 137-145.

При выстраивании подобной структуры школьного образования Советская власть столкнулась с рядом проблем: тяжелое экономическое положение страны в годы Гражданской войны, нехватка педагогических кадров и материальных средств. Уже в 1921 г. вместо школы-девятилетки была введена 7-летняя школа с двумя концентрирами – первый – 4 года обучения, второй – 3 года, старшую ступень прежней школы, то есть восьмые и девятые годы, предполагалось организовать по типу техникума.

С 1923 г. начинается увеличение бюджета, выделяемого на народное образование, и как следствие улучшение материального положения школ. В этом же году была восстановлена школа с 9-летним сроком обучения для детей 8 – 17 лет, первая ступень – 4 года обучения, вторая ступень состояла из 2 концентров первый – 5–7-й год обучения, второй – 8 и 9-й год. Уставом Единой трудовой школы предусматривалась возможность расширения школы I ступени до 5, 6- и 7-летнего курса.

Профессиональное образование выстраивалось следующим образом: низшее профессиональное образование – школы ФЗУ и профшколы на базе школы I ступени, среднее – техникумы на базе 1-го концентрира школы II ступени, высшее – на основе школы II ступени. Окончив ФЗУ и профшколы, выпускникам предоставлялось право дальнейшего обучения во 2-м концентре школы II ступени и техникуме, а также на рабфаке³²⁹.

В 1920-е гг. в СССР сложилась следующая структура школы:

- 1) Массовая школа с четырехлетним курсом обучения.
- 2) Семилетняя школа преимущественно в городах.
- 3) Школа крестьянской молодежи (тип семилетней школы в деревне).
- 4) Школа ФЗУ преимущественно для рабочих подростков с профессиональной установкой, но с обеспечением профессиональных знаний в объеме семилетней школы.

---

³²⁹ Анайкина Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922-1991 гг.) : монография. М. : В. Секачев, 2001. С. 78.

5) Школа второй ступени с профессиональным вторым концентром в ряде школ³³⁰.

Независимо от того, какая была структура школы, на преподавание историко-обществоведческих дисциплин выделялись отдельные часы в каждом типе образовательных учреждений. Так, в семилетней школе в 1921 г. изучение истории начиналось с 3 группы и курс проводился до 7 группы включительно, дополнительно в 7 группе вводился курс «Политграмота». С введением в 1924 г. комплексных программ ГУСа комплексная система распространялась и на первую, и на вторую ступени обучения.

В 1934 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы» были введены единые для всей страны типы общеобразовательных школ: начальная, неполная средняя и средняя школы. В начальной школе было 4 класса (с 1 по 4 включительно), в неполной средней – 7 классов (с 1 по 7 включительно), в средней – 10 классов (с 1 по 10 включительно), а существующие в школах группы переименовывались в классы³³¹.

Окончившие неполную среднюю школу имели право преимущественного поступления в техникумы, а закончившие среднюю школу могли поступать в высшие учебные заведения.

Как уже было отмечено, история в 1934 г. была восстановлена в качестве самостоятельного предмета и ее изучение осуществлялось на протяжении всей средней школы, с 1935 г. и в начальной школе вводился курс «История» с 3 класса. В 1936–1937 уч. г. в 7 классе вводился курс «Конституция СССР».

Для понимания государственной политики в области организации учебного процесса важно определить ту роль, которая возлагалась на школы в 20–30-е гг. XX в. Новая школа должна была стать трудовой, то есть предполагалось соединить обучение с производственным трудом. А поскольку целью обучения по

---

³³⁰ Там же.

³³¹ О структуре начальной и средней школы постановлением : СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1934. № 133. С. 1.

курсу «Обществоведение» было приближение учащихся к жизни, к «задачам социалистического строительства», то в дидактическом плане это нашло отражение в стремлении активизировать учебный процесс, развивать самостоятельную работу учащихся, расширять практические и лабораторные занятия, организовывать проведение общественно полезной работы. В это время даже избегали термина «методы обучения», а предпочитали пользоваться понятием «методы образовательной работы», желая подчеркнуть, что речь идет не столько о методах учителя (обучения), сколько о методах работы учащихся (учения)³³².

В начале 20-х гг. XX в. появляются первые работы по анализу методов обучения, возможных к применению в советской школе. В 1924 г. выходит труд А. И. Челюсткина «Методы работы в трудовой школе», но в нём не было ни анализа предыдущих работ, ни обобщения опыта советской школы, ни теоретической разработки проблемы методов. В работе было представлено описание различных методов, приемов, форм учебной работы без всякой попытки классифицировать педагогические категории³³³.

В 1925 г. Б. В. Всесвятский предложил деление методов на два типа: «метод готовых знаний» и «метод исканий». При этом он отстаивал мысль о том, что «метод готовых знаний» отжил свой век, что наступила эра исследовательского метода в педагогической работе. По его мнению, только исследовательский метод или «метод исканий» соответствовал духу времени³³⁴.

В 1927 г. была опубликована работа Н. К. Поповой «К вопросу о классификации методов образовательной работы». Положив в основу классификации степень активности учащихся в процессе обучения, Н. К. Попова выделила следующие методы: книжно-словесный, при котором ученик или слушает, или читает; наглядно-демонстрационный, дающий возможность

---

³³² Анайкина Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922-1991 гг.) : монография. М. : В. Секачев, 2001. С. 55.

³³³ Челюсткин И. А. Методы работы в трудовой школе. 3-е изд., перераб. и доп. М.-Л. : Гос. изд-во, 1927. 152 с.

³³⁴ Пинкевич А. П. Советская педагогика за 10 лет (1917 – 1927). 2-е изд. М. :Работник просвещения, 1927. С. 110.

ученикам не только слушать, но и смотреть; иллюстративный, означающий воспроизведение учеником полученных знаний путем зарисовки, лепки, моделирования, драматизации и т.п.; лабораторный, позволяющий ученику самому работать в лаборатории под руководством учителя; исследовательский, ставящий ученика в положение исследователя³³⁵. Эти методы могли использоваться и на уроках обществоведения.

С более глубокой и содержательной работой по проблеме методов обучения выступил в это время Н. М. Шульман («Педагогическая энциклопедия», т. I, 1927 г.). Автор придерживался мнения о том, что каждый метод необходимо рассматривать и с точки зрения педагога, и с точки зрения учащегося под углом зрения воспитательных целей, с точки зрения материала, средств, приемов и т.п. Похожих взглядов придерживался А. П. Пинкевич. Он, как и Н. М. Шульман, не считал возможным дать какую-то единую классификацию методов, а видел свою задачу в том, «чтобы выделив основные, так сказать некоторые линии, некоторые ряды понятий, объединенных общей принципиальной основой, создать непротиворечивую терминологию»³³⁶.

А. П. Пинкевич наметил 7 основных линий учебного процесса: 1) логическую, выделяющую логические пути, по которым идет учащийся при изучении материала (методы: догматический, эвристический, исследовательский); 2) линию, выявляющую степень конкретизации материала (словесно-книжный, иллюстративно-демонстрационный и предметный); 3) линию, определяющую рабочую обстановку (класс, лабораторию, производство); 4) линию, выявляющую тип внешних взаимоотношений учащихся и учащихся (урок, задание, проект); 5) линию, определяющую характер взаимоотношений между учащимися в процессе работы (индивидуальные и коллективные формы работы); 6) линию, определяющую взаимоотношения всего школьного коллектива с окружающей общественной средой (метод общественно полезной работы); 7) линию,

---

³³⁵ Попова Н. К вопросу о классификации методов образовательной работы. М. : Новая Москва, 1927. 16 с.

³³⁶ Пинкевич А. П. Педагогика. М., 1929. Т. 2. С. 140.

выражающую моменты планирования и учета. А. П. Пинкевич отмечал, что только первая линия относится к методам, все остальное ближе к приемам, способам, формам.

В конце 1920-х – 1930-х гг. издается еще ряд дидактических работ о методах обучения (Б. Манжос «Основы советской дидактики»³³⁷; М. М. Рубинштейн «Основы общей методики»³³⁸ и др.), однако предложенные авторами классификации методов были сложны для восприятия, имели определенную путаницу с основаниями, по которым происходила типологизация учебной работы, в итоге практического преломления они не получили.

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что в основном исследователи сходились в следующем: перед советской школой в отличие от дореволюционной стояла задача активизации учебного процесса и в своих работах главное внимание они уделили характеристике тех методов, которые способствовали развитию самостоятельности и инициативы учащихся. Важно отметить, что авторы работ, представленных ранее, заявляли и об отрицательных педагогических последствиях в том случае, если работа в школе будет строиться на каком-либо одном методе: «Мы ориентируемся в работе школы, на исследовательский метод, но указываем, что в ряде случаев необходима работа и по эвристическому и даже догматическому методу, ибо всякий материал можно изучать исследовательски и не всякому возрасту доступен исследовательский метод...»³³⁹. Они выдвинули положение о том, что возрастные особенности учащихся, цели обучения, содержание работы, оборудование школ, время, отводимое на изучение определенного вопроса, личные особенности педагога определяют выбор методов работы в школьной практике.

---

³³⁷ Манжос Б. Основы советской дидактики. Ч. 1: Аналитика педагогического процесса. М. : Работник просвещения, 1930. 332 с.

³³⁸ Рубинштейн М. М. Основы общей методики. М. : Мир, 1927. 176 с.

³³⁹ Ганелин Ш. И., Салтыкова М. Н., Сыркина О. Е. Основные вопросы советской дидактики. М. : Работник просвещения, 1929. С. 181.

Важно обратить внимание на теоретические исследования, которые нашли отражение в реальной педагогической деятельности советских учителей, работающих в северных школах.

Г. А. Мазуренко отмечает: «Особенно обсуждался вопрос о месте в новой школе двух методов и их соотношении: «метода готовых знаний» и «исследовательского метода». Они выражали собой две диаметрально противоположные методические концепции: «метод готовых знаний для представителей новой педагогики был воплощением отрыва школы от жизни, игнорирования и пренебрежения творческой активностью и самостоятельностью ученика в процессе обучения, исследовательский же метод призван был сломать эти реакционные традиции школы муштры и зубрежки»³⁴⁰.

В школьном обучении распространение получила классификация методов, разбивающая их на две основные группы: «активные» (активно-трудовые) методы преподавания, методы, по мнению их пропагандистов, вызывающие максимум активности, творчества и самостоятельности школьников (исследовательский метод с подразделением на экскурсионный, лабораторный, метод проектов, эвристический, метод разовых заданий и др.), и «пассивные» методы, которые, по мнению их критиков, не могли быть использованы в новой школе (метод готовых знаний, т. е. словесно-книжный, вопросно-ответный и др.)³⁴¹.

В первой половине 1920-х гг. в северных школах на уроках обществоведения параллельное применение находили оба метода. Так, в докладе заведующего Тундринской единотрудовой школы I ступени Сургутского района Тобольского округа Уральской области на центральных курсах учителей народов Севера о работе школы было отмечено: «На уроках обществоведения в методах преподавания видное место занимает исследовательский метод, метод готовых

---

³⁴⁰ Мазуренко Г. А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 127.

³⁴¹ Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории / В. Л. Соскин [и др.]. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 164.

знаний, экскурсионный, графический»³⁴². Это же констатировали и учителя Обдорской опорной школы, Шеркальской школы Березовского района и др.

Со второй половины 1920-х гг. проявилась тенденция к универсализации экскурсионно-исследовательского метода³⁴³, что приводило к нарушению классно-урочной системы занятий и мешало систематическому и прочному усвоению знаний учащимися по историко-обществоведческим дисциплинам.

В результате этого на протяжении многих лет исследовательский метод («метод исканий») понимался некоторыми педагогами как универсальный метод, имеющий совершенно обособленное и самостоятельное значение. Основными моментами исследовательского метода признавались:

- 1) первоначальная ориентировка детей в окружающей действительности (в жизни);
- 2) первичная систематизация материала наблюдений в процессе лабораторной проработки;
- 3) закрепление полученных ранее наблюдений (записи, зарисовки, лепка, ручной труд), расширение их целым рядом новых наблюдений или опытов как самостоятельных, так и на школьных экскурсиях или практических занятиях³⁴⁴.

Близок по своей сути к исследовательскому методу экскурсионно-исследовательский метод, официально одобренный и получивший свою трактовку в циркулярном письме Главсоцвоса от 10 ноября 1922 г. во все ГубОНО³⁴⁵. При экскурсионно-исследовательском методе, подчеркивалось в циркуляре, «наблюдение в природе или в человеческом общежитии не является только одной из возможных иллюстраций к проходимому учебному курсу, а служит основой для последующей образовательной работы»³⁴⁶.

³⁴² ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 247. Л. 3.

³⁴³ Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы ... С. 136.

³⁴⁴ Бунеева Т. К. Проблема коллективных форм обучения в педагогической теории и практике советской школы (1917-1931 гг.). М., 1975. С. 156-158.

³⁴⁵ ГКУСО ГАСО. Ф. Р–233. Оп. 1. Д. 34. Л. 20.

³⁴⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. Р–84. Оп. 1. Д. 93. Л. 6.

В этом циркуляре было указание на то, что экскурсионно-исследовательское направление «не менее рельефно выражено и в целом ряде школьных программ, разработанных при местных отделах народного образования»³⁴⁷.

Применение экскурсионно-исследовательского метода соотносилось с выдвинутым принципом локальности, через реализацию которого устанавливалась связь школьного обучения с жизнью, с потребностями революционного преобразования общества. Для реализации этого принципа необходимо было перестроить соответствующим образом учебные программы с учетом местных условий, а также необходимы были учителя, хорошо знающие социально-экономическое окружение (местный край).

В условиях острой кадровой нужды, которую испытывали отдаленные районы Севера, эта установка школы имела важное практическое значение для развития хозяйства в регионе. В практике же массовой школы эта установка, вытекавшая из принципа локальности, не всегда и не везде могла быть осуществлена не только из-за отсутствия хорошо подготовленных для ее реализации педагогических кадров, но и вследствие крайне слабой материальной базы школы и отсталости развития производства во многих районах Севера Западной Сибири в рассматриваемый период. Именно это констатировали педагоги в июле 1926 г. на центральных курсах учителей народов Севера в докладах о работе школ северных народностей за 1925 – 1926 гг.³⁴⁸ Они отмечали: «Задача школы - выпускать человека, практически относящегося к жизни, имеющего исследовательский подход, но если посмотрим в наши школы, то увидим, что мы не в силах выпускать таких исследователей. Наши кабинеты совершенно не оборудованы, нет литературы, подходящих учебников, нет письменных принадлежностей»³⁴⁹.

---

³⁴⁷ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 34. Л. 22.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

³⁴⁹ Там же. Л. 14.

В 1926 г. инспектор школ Тобольского округа доложил о том, что методическая работа в северных школах на уроках обществоведения выстроена крайне слабо. Только 10% учителей использовали лабораторный и экскурсионный методы в своей профессиональной деятельности, отмечалась недостаточная степень использования учителями наглядных пособий. Инспектор отметил, что только «20% учителей ведет политическое воспитание в связи с обществоведением путем бесед о революционных праздниках»³⁵⁰. Распространённым явлением была организация более глубокого изучения исторического материала в связи с празднованием годовщин какого-либо революционного события. В связи с празднованием 20-летия годовщины революции 1905 г. Тобольский ОкрОНО разослал в школы письма, в которых указывалось на необходимость «более глубокой проработки информации о революции 1905 г. и подготовки к Октябрьской революции» на уроках обществоведения, через подготовку докладов и иллюстративного материала³⁵¹.

Доклады по обществоведению учащихся, не умевших правильно пользоваться литературой и не имевших соответствующего педагогического руководства, часто получались слабыми. «В лучшем случае, - читаем в докладе об итогах обследования преподавания обществоведения в школах Севера Западной Сибири, – они являются списанным материалом из книг, в крайнем случае газет»³⁵².

Конечно, для школ, работающих по программам ГУСа, работа с газетой являлась вопросом практической необходимости. Например, тема «Хозяйство местного края и его учреждения» требовала привлечения в качестве иллюстративного документального материала местных, губернских и уездных газет, а тему «Государственное хозяйство РСФСР и других стран» в программах для четвертого года обучения сложно было изучать по учебнику, так как эти темы

---

³⁵⁰ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 6. Л. 44 об.

³⁵¹ Там же. Д. 1. Л. 141.

³⁵² Там же. Д. 6. Л. 44 об.

не всегда могли отражаться в имеющейся в школах литературе по обществоведению. В таких случаях учителя должны были опираться на газеты, в которых освещались наиболее актуальные вопросы, имевшие место быть в обществе в это время.

Работа с газетой в школе являлась не только методическим приемом для изучения курсового материала по обществоведению, географии, но и одним из эффективных средств политического воспитания учащихся.

Часто в северных школах преподавание обществоведения недостаточно связывалось с жизнью. «Из наблюдений за работой школ по обществоведению можно вынести заключение о том, что школы почти не увязывают свою работу по обществоведению с современностью, газетный материал используется крайне редко»³⁵³. По словам инспекторов, учащиеся не могли ничего сказать о М. И. Калининe, Ф. Э. Дзержинском и других деятелях Коммунистической партии и Советского государства³⁵⁴.

Практика выдвинула тогда новый термин – «производственное краеведение», которое по самой своей сути должно было быть тесно связано с учебной работой в школе по программе ГУСа. В этом отношении большое значение имело новое понимание краеведения, которое раскрывалось в объяснительной записке к программам ГУСа, изданной в 1924 г.: «Не памятники старины, не архитектурные стили построек должны составлять стержневую ось школьного краеведения. Такой осью должна быть трудовая деятельность людей и ее организация. Другой вопрос краеведения, тесно связанный с вопросом о трудовой деятельности людей и рассматриваемый с точки зрения этой последней, – это изучение природных богатств и сил природы и их использования»³⁵⁵.

Главным признаком краеведческой работы являлись производственные экскурсии, связанные с выяснением естественных богатств края и с разведкой

---

³⁵³ Там же. Л. 53.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

полезных ископаемых. Кроме того, возрастала роль лабораторных занятий, где обрабатывались результаты экскурсий в свете приобретенных во время уроков в классе знаний, проведение определенной общественно полезной работы.

В специальной резолюции по краеведению, принятой на конференции центральных и местных опытно-показательных учреждений в феврале 1925 г., особо подчеркивалось: «Для правильной постановки школьной краеведческой работы необходимо установление взаимной связи между школой и местными хозяйственными, общественными и культурно-просветительными учреждениями для выяснения и посильного удовлетворения школой их нужд...»³⁵⁶.

Понятно, что такого рода краеведческие работы, имевшие большое общественно полезное значение, не могли не оказывать на учащихся серьезного воспитательного влияния. Это было подчеркнуто в одной из статей, помещенных в газете «Трудовой набат»: «Дело, прежде всего, в том, чтобы ребенок научился смотреть на все определенными глазами, глазами нового, революционного человека. Так вот каково наше краеведение»³⁵⁷.

В реальности в большинстве школ Севера Западной Сибири чаще всего применялся так называемый вопросно-ответный метод обучения в самом упрощенном виде. Проверка уровня знаний школьников, как правило, организовывалась в виде фронтального опроса, состоящего из отдельных крайне мелких вопросов, которые не выводили школьников на уровень обобщения и систематизации. В целом ряде школ успеваемость по этому предмету оставалась низкой. В знаниях учащихся наблюдались «догматизм», «упрощенчество», а иногда и «просто грубое извращение важнейших фактов и событий».

С середины 1930-х гг. восстановлением предметного принципа обучения основное место в организации учебного процесса заняла классно-урочная

---

³⁵⁶ Там же. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2567. Л. 21.

³⁵⁷ Работа школы II ступени развертывается // Трудовой набат. 1924. № 231 (1696). 10 окт. С. 3.

система. В педагогических техникумах Западной Сибири студенты вели практику по установленным требованиям к структуре урока³⁵⁸.

Так, структурные компоненты уроков в Тюменском педагогическом техникуме определялась четырьмя основными типами учебных занятий, применяемыми в процессе работы в школе. Этими типами были:

1) Урок, имеющий своей целью сообщение нового материала. Строился он по следующей схеме:

а. Установление связи с предыдущим (опрос учащихся) и сообщение цели урока.

б. Изложение нового материала.

в. Определение правильности понимания изложенного со стороны учащихся.

г. Озвучивание домашнего задания с указанием, что и как именно проработать.

2) Урок, имеющий целью закрепления материала, практическую его проработку, который строится следующим образом:

а. Изложение цели практической и лабораторной работы и методика ее проведения

б. Проведение практической и лабораторной работы.

в. Заключительная беседа и если требуется соответствующая запись или зарисовка.

г. Озвучивание домашнего задания.

3) Контрольно-учетный урок, который строился следующим образом:

а. Ознакомление с планом урока.

б. Опрос.

в. Подведение итогов опроса учителем.

г. Озвучивание дополнительной домашней работы.

---

³⁵⁸ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1 Д. 35. ЛЛ. 38-39.

4) Урок, имеющий целью сообщения нового материала и проработку этого материала с целью закрепления (комбинированный урок)

- а. Установление связи с предыдущим материалом и сообщение цели урока.
- б. Изложение нового материала.
- в. Проработка и закрепление нового материала.
- г. Задание на дом³⁵⁹.

Отдельно необходимо отметить, что предложенная в середине 1930-х гг. типология учебных занятий, с отдельными изменениями находила свое отражение в традиционной системе обучения вплоть до начала XXI в.

Исходя из анализа различных отчетов, можно выделить основные методические ошибки, которые допускали учителя на уроках истории в школах Севера Западной Сибири. Ошибки касались неправильной постановки целей, отсутствия рационального подхода к распределению времени между структурными компонентами урока, познавательная деятельность школьников организовывалась только на уровне воспроизведения, не учитывались возрастные особенности и познавательные способности школьников, особенно это касалось детей коренных национальностей.

Л. В. Алексеева вслед за Н. В. Адаевым отмечает, что преподавание в национальных школах основывалось на традиционных европейских методах с преобладанием логико-вербальных способов обучения. Тогда еще не знали, что у народов Севера преобладает пространственно-образный тип восприятия информации, поэтому для них всегда было типичным обучение путем подражания. Не учитывали и тот факт, что коренные жители отличаются специфическими особенностями зрения, на которое неблагоприятное воздействие оказывало ограниченное пространство, режимы ближнего зрения и информационной избыточности. Как следствие, почти у всех детей возникало

---

³⁵⁹ Там же.

состояние сильного психического напряжения и утомления, сопряженное с отклонениями в развитии различных сфер³⁶⁰.

Исследователи северного этноса (В. В. Аршавский, У. А. Винокуров, В. С. Мухина и др.) пришли к выводу о том, что в результате влияния географических и природно-климатических факторов (большая протяженность территории, суровый климат, длительный зимний период, изолированность и т. д.) у коренных народов Севера сформировались характерные этнопсихологические особенности, которые необходимо учитывать при организации процесса обучения. К ним можно отнести:

- твердость, рассудительность, неторопливость и последовательность в действиях и поступках;
- низкий уровень интеллектуально-познавательной активности, мотивации и коммуникативных способностей;
- практический склад ума, доминирование наглядно-действенного и наглядно-образного мышления;
- недостаточная активность в абстрагировании;
- интровертность и др.³⁶¹

Соответственно использование методов, требующих применения творческой мыслительной деятельности и научного типа мышления (метода проектов, исследовательского метода и др.), популярные в советской педагогике в 1920-х гг., не могли быть эффективными в национальных школах при организации изучения предмета «Обществоведения».

При этом на уроках обществоведения изучались понятия относительно высокой степени обобщенности, охватывающие широкий спектр разнообразных явлений экономической и социальной сфер жизни общества, которые детям

---

³⁶⁰ Алексеева Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ... С. 184-185.

³⁶¹ Балашов Ю. В. Психолого-педагогические особенности обучения учащихся национальных школ Севера (на примере национальных школ Ханты-Мансийского автономного округа) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4. Ч. 1. С. 29.

коренных народов Севера были, как правило, не знакомы. Это, в свою очередь, не согласовалось с особенностями мышления значительной части учащихся национальных школ Севера, а именно конкретно-образным мышлением. Подобный тип мышления требует, прежде всего, применение наглядного метода обучения, визуализации практически любого изучаемого материала. Однако, обеспечение школ наглядностью (исторические карты, схемы, учебные картины и т.д.) было на крайне низком уровне.

Также для детей коренных народов Севера, связанных с традиционным образом жизни, важнейшим этнотипическим критерием ценности знаний является их применимость³⁶². Советский же подход к преподаванию обществоведения и истории перегружал ребенка массой самых разных знаний при отсутствии схем конкретного их применения. А возможность применения полученных знаний – важный фактор психологии северных народов, поскольку у них развито рационально-практическое отношение к любому роду занятий.

Очевидно, что для реализации образовательного потенциала детей коренных народностей Севера учет этнокультурной специфики при организации учебно-воспитательного процесса имел важное значение. И педагоги при отборе технологий, методов, средств преподавания историко-обществоведческих дисциплин должны были это учитывать, однако низкая квалификация учителей являлась препятствием для методическом творчества.

В целом 1920–1930-е гг. с точки зрения методики организации обучения характеризуются всплеском внедрения новых методов обучения (исследовательский, проектный и др.), что само по себе имеет положительную основу, так как способствует развитию и самого процесса обучения, его разнообразию, делает его мобильным и результативным. Использование передовых для того времени способов обучения влияет и на развитие способностей школьников, создает условия для повышения качества образования.

---

³⁶² Там же. С. 31.

Всё это положительно сказывается на самосовершенствовании и самообразовании учителей. Но, к сожалению, приходится констатировать, что применение на практике в школах Севера Западной Сибири многих инновационных для того времени методов обучения не представлялось возможным. Это определялось низким общеобразовательным уровнем учащихся, не владеющих элементарной грамотностью; фактическим отсутствием технического обеспечения и затруднением в реализации одного из принципов преподавания обществоведения – тесной связи с жизнью, с окружающей действительностью, отсутствием в широком доступе специальной литературы. И главное – это недостаточный профессиональный уровень педагогов, учителя в массе своей не владели современными способами организации учебного процесса. Все это приводило к тому, что на практике в условиях того времени реализовать в северной школе многие прогрессивные методические идеи было невозможно.

В целом, сотрудники Наркомпроса, как представители государственной власти, на протяжении 20–30-х гг. XX в. признавали, что для достижения целей, стоящих перед историко-обществоведческими дисциплинами необходима соответствующая организация учебного процесса, а также обеспечение школьников учебной литературой, а педагогов методическими пособиями. Однако в первой половине 1920-х гг. это было выполнить затруднительно из-за экономического кризиса, а также отсутствия историков-марксистов, способных сложный наукоёмкий теоретизированный материал адаптировать к школьным реалиям. Также трудности возникли и с методами обучения особенно в школах Севера Западной Сибири, прежде всего, из-за отсутствия высококвалифицированных учителей, способных к методическому творчеству.

Со второй половины 1920-х гг. ситуация качественно не меняется. Организация учебного процесса в школах Севера Западной Сибири стала определяться увеличением национальных образовательных учреждений, основную задачу которых педагоги видели в ликвидации неграмотности. Вопросу

о политехнизации обучения уделялось второстепенное внимание, тем более, что в регионе модернизационные процессы в хозяйственной сфере были только запущены. В 1932 г. из 10 школ Кондинского района только в двух школах ученики были прикреплены к предприятиям и колхозам.

Вопрос обеспечения историко-обществоведческих дисциплин литературой также не был решен в 1930-х гг. Сложности с разработкой учебников заключались, во-первых, в смещении акцентов в содержании историко-обществоведческих дисциплин. После восстановления истории как предмета необходимо было разработать учебную литературу на основе конкретного исторического материала в рамках марксистской методологии и в меньшей степени уделять внимание социологическим теориям, как было ранее в рамках обществоведения. Во-вторых, для школ Севера Западной Сибири остро стоял вопрос обеспечения учебного процесса литературой на национальных языках, однако соответствующую литературу в 1930-е гг. начали только разрабатывать.

Таким образом, государственная политика в области обеспечения школ Севера Западной Сибири учебно-методической литературой по историко-обществоведческим дисциплинам имела низкие результаты. Организация учебного процесса в рамках тех методических идей, которые транслировались на государственном уровне не получила должной реализации в северных школах.

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВОГО СОСТАВА ПО ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ДЛЯ ШКОЛ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Одним из важнейших условий формирования новой образовательной системы являлась соответствующая кадровая политика государства. Работать над решением комплекса сложных образовательных и воспитательных задач, стоящих перед школой в 1920–1930-е гг., должны были, прежде всего, учителя, принявшие принципы образовательной политики советской власти.

Смена образовательной парадигмы на государственном уровне привела к пересмотру содержания академической науки, а также изменению системы подготовки будущих учителей историко-обществоведческих дисциплин. Направления работы учебных заведений определяли Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский, заместитель наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский и Н. К. Крупская. Целью школы, по мнению А. В. Луначарского, «должно было стать воспитание строителя нового общества, преданного коммунистической идеологии».

А. В. Луначарский в лекции «О преподавании истории в коммунистической школе», прочитанной в сентябре 1918 г. на педагогических курсах в Петрограде, ориентировал учителей на то, что «вместо истории царей и королей необходимо изучать социологию и историю труда»³⁶³. А. В. Луначарский выделил основные «пороки» преподавания истории, от которых, по его мнению, необходимо было избавляться. «Мертвая история, загромождающая память фактами и цифрами хронологии, должна быть отброшена, – отмечал он, – преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей «идее» постепенности, эволюции, должно быть отброшено; преподавание истории в направлении создания «народной

---

³⁶³ Луначарский А. В. Проблемы народного образования : сб. ст. 1-е изд. М. :Работник просвещения, 1923. С. 94-111.

гордости», «национального чувства» и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти «хорошие образцы» для подражания, должно быть отброшено. И поскольку эти четыре основы должны быть отброшены, остается очень мало от преподавания истории в старой школе»³⁶⁴. Таким образом, был задан вектор преподавания истории в советской школе в 1920-е гг. В основе лежала идея отрицания систематического исторического образования, вместо гражданской истории рекомендовалось изучать историю труда и социологию.

Исходя из нового понимания целей обучения, необходимо было подготовить и педагогические кадры, которые смогли бы донести до молодого поколения основные коммунистические идеи. На заседаниях Наркомпроса обсуждались вопросы, связанные с подготовкой учителей общественных дисциплин. Представители Наркомпроса отмечали тот факт, что в целом учителя не стоят «на нашей платформе», добавляя: «старое учительство в политическом отношении... почти не исправимо...»³⁶⁵.

В итоге на II областном Съезде работников просвещения Урала А. В. Луначарский в своем докладе «Очередные задачи и перспективы Народного образования РСФСР» вынужден был отдельно остановиться на вопросе преподавания обществоведения. Он говорил о том, что «дело с обществоведением обстоит неважно», и даже характеризовал его как «тревожное»³⁶⁶. Для улучшения ситуации А. В. Луначарский особое внимание предлагал обратить на кадровый состав работников школ. Высказывая свое мнение по поводу замены беспартийных преподавателей обществоведения партийными, он соглашался с тем, что в идеальном варианте данный предмет должен вести коммунист, а не «какой-нибудь почтенный учитель географии или истории, который привык к преподаванию по учебнику Иловайского»³⁶⁷.

---

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 195. Л. 6.

³⁶⁶ Там же. Д. 203. Л. 165.

³⁶⁷ Там же.

Следует отметить, что по поводу партийной принадлежности учителей А. В. Луначарский предлагал держать «среднюю линию». Он указывал на то, что «партия окружена очень большой периферией», к которой отнес образованных марксистов, не вступивших в партию, поскольку партия должна была сохранять свой пролетарский характер. На съезде А. В. Луначарский отдельно подчеркнул: «... очень хороший учитель, когда целиком сочувствует нам и марксизм хорошо проштудировал, но в партию не попал – почему его снимать с преподавания обществоведения? Тем более не следует этого делать, что мы в партии бедны силами и на каждом коммунисте висят большие задачи... При этом может быть марксист о семи головах и не уметь преподавать... Нужно, конечно, проверить кадры преподавателей по обществоведению, но помнить при этом, что самое важное, чтобы все эти обществоведы на 100% сочувствовали социалистическому строительству и были достаточно образованными марксистами»³⁶⁸.

Похожее мнение озвучивал М. Н. Покровский по отношению к высшим учебным заведениям: «Необходимо совершенно определённо и откровенно признать, что человек буржуазной идеологии не может быть руководителем занятий в высшей школе по основным вопросам обществоведения – он может быть терпим только в качестве очень узкого специалиста для работы с умственно уже зрелыми студентами или же в научных институтах»³⁶⁹. Пока же нужных специалистов в вузах не было, М. Н. Покровский предлагал «немедленно мобилизовать для чтения курсов по общественным наукам в высшей школе всех членов партии с соответствующими способностями и стажем»³⁷⁰.

Вопрос подготовки профессиональных педагогических кадров в первое десятилетие советской власти рассматривался как советскими³⁷¹, так и

---

³⁶⁸ Там же. Л. 166.

³⁶⁹ Покровский М. Н. Десятилетие Института красной профессуры // Правда. 1931. 11 дек.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Соловей В. Д.: 1) Организация учебного процесса и подготовка кадров историков в Институте красной профессуры (1930–1938) // История СССР. 1986. № 6. С. 113–120; 2) Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-е - 30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 87–98.

современным историками³⁷². В большинстве историографических работ представлены выводы о наличии в исторической науке с первых лет советской власти определенного противостояния марксистского и буржуазного направлений³⁷³, хотя они еще не получили резко выраженного характера. Так историк К. Ф. Штеппа отмечает, что первое десятилетие советской власти можно выделить как период «относительно мирного сосуществования» старой, буржуазной, и новой, марксистской, историографии³⁷⁴.

К. И. Ушмаева соглашается с тем, что в 20-е гг. XX в. историческая наука еще не была полностью унифицирована марксистской идеологией, как она отмечает «монопольный идеологический диктат оформлялся не сразу»³⁷⁵. Это было связано с тем, что, с одной стороны, университетская профессура открыто фактически не демонстрировала негативного отношения к советскому режиму, лишь отдельные представители научной сферы принимали участие в антибольшевистских выступлениях. С другой стороны, в начале 20-х гг. XX в. не так много историков поддерживало марксистскую методологию.

Кроме того, в большинстве своем, отсутствовали профессиональные кадры, которые смогли бы вести преподавательскую деятельность с учетом новых позиций, поэтому большевикам приходилось демонстрировать определенную лояльность, можно сказать, «мириться» со старой профессурой. Это был своеобразный временный компромисс власти с наукой, в основе которого лежали прагматические задачи: выиграть время, за которое можно будет подготовить кадры, придерживающиеся марксистских взглядов. Большое значение в деле подготовки новых научных кадров и консолидации имеющихся историков-марксистов на этом этапе имели специально созданные научные учреждения.

---

³⁷² Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания ...; Ушмаева К. А. Историки и власть на юге России ...; Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете ...

³⁷³ Соловей В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 - середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4. С. 205.

³⁷⁴ Там же. С. 205.

³⁷⁵ Ушмаева К. А. Историки и власть на юге России ... С. 27.

Декретом ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 г. в г. Москве была организована Социалистическая академия общественных наук (с 1924 г. переименована в Коммунистическую). Ее состав был представлен двумя секциями: учебно-просветительской и научно-академической. Учебно-просветительская секция изначально пользовалась наибольшей популярностью, о чем говорили количественные показатели. К 1919 г. общее число слушателей этой секции приблизилось к трем тысячам. Однако в период Гражданской войны в связи с объективными причинами, деятельность академии перестала быть столь активной, и в послевоенные годы акцент в академии был смещен с учебно-просветительской деятельности в научно-академическую сторону, это было связано с тем, что советская историческая наука набирала силу.

В академии общественных наук читали лекционные курсы специально отобранные кадры из тех историков, которые придерживались марксистских идей и стояли у основ развития марксистского направления в исторической науке Советской России: В. П. Волгин, Н. М. Лукин («История социалистических учений Великой французской революции»), Ю. М. Стеклов («История Интернационала»), М. П. Павлович-Вельтман («История внешней политики»), И. И. Скворцов-Степанов и С. С. Кривцов («Основные течения социологии»), М. А. Рейснер («Основы теории государства и права»), М. Н. Покровский («История материализма»)³⁷⁶.

На основании постановления СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «Об учреждении Институтов по подготовке красной профессуры» в г. Москве и г. Петрограде должны были открыться специальные высшие учебные заведения ЦК ВКП(б) для подготовки коммунистической профессуры вузов и партийных кадров³⁷⁷. Из-за нехватки преподавателей в октябре 1921 г. Институт был открыт только в г. Москве.

---

³⁷⁶ Панова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции. М., 1980. С. 68.

³⁷⁷ Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры : Декрет Совета Народных Комиссаров от 11 февр. 1921 г. // Известия ВЦИК. 1921. 16 февр.

Организация учебного процесса в Институте осуществлялась преимущественно через работу на семинариях³⁷⁸, по следующим направлениям: теоретическая история, история материалистических и диалектических учений, история рабочего и крестьянского движения и т.д. Важнейшей частью подготовки слушателей было их участие в партийной деятельности. Поскольку речь шла о подготовке партийных кадров для развития профессиональных качеств, слушателям необходимо было участвовать в агитационно-пропагандистской работе, вести преподавательскую деятельность в партшколах. Педагогическая практика была организована в виде чтения курсов по своей специальности в вузах и на рабфаках³⁷⁹.

Через три года деятельности Института красной профессуры состоялся первый выпуск. За пять выпусков (с 1924 г. по 1928 г.) Институт окончили в общем количестве 194 слушателя. В профессиональном отношении это были: экономисты – 88 человек; философы – 42 человека; естественники – 9 человек; 5 выпускников по направлению правоведения; 2 человека по русской истории и 18 – по западной. Конечно, еще нельзя было говорить о значительном увеличении кадрового состава вузов, на который можно было опереться в деле подготовки «новых кадров», но все-таки появление партийных работников и марксистки ориентированных преподавателей вузов давало возможность большевикам реализовывать поставленные цели.

Значительную роль в подготовке теоретически грамотных в научном отношении марксистских кадров должны были сыграть и факультеты общественных наук (ФОНЫ). По постановлению Совнаркома от марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» в состав данных факультетов вошли существующие ранее отдельно как самостоятельные единицы экономическое, правовое и общественно-

---

³⁷⁸ Семинарии – форма практических занятий студентов в высшей школе или обсуждение студенческих научных работ.

³⁷⁹ Козлова Л. А. Институт красной профессуры (1921-1938 годы): исторический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 104.

педагогическое отделения³⁸⁰. Преподавание в ФОНах велось по общеобразовательным программам, включавшим разделы «политминимума»: развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй РСФСР, организация производства и распределения в РСФСР³⁸¹. Замена исторического и филологического отделений в вузах ФОНами позволила в начале 1920-х гг. наладить в университетах систематическое преподавание «марксистского обществоведения», перевести гуманитарные дисциплины на иную методологическую основу.

Помимо Социалистической академии, Института красной профессуры и ФОНов значительную роль в деле развития и распространения марксистско-ленинской теории сыграл Институт Маркса и Энгельса, которому государство поручало реализацию следующих задач: сбор и хранение материалов о жизнедеятельности К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также других деятелей партии, сохранность документов по истории КПСС. На основе собранных материалов сотрудники института должны были готовить к изданию исследования по марксистско-ленинской теории, истории КПСС, научному коммунизму³⁸².

Опираясь на все вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: в первой половине 1920-х гг. для достижения идеологических, политических, социальных целей руководство государства осуществило ряд преобразований, направленных на изменение организационной структуры подготовки кадров. Можно согласиться с мнением Н. Л. Сиверцевой о том, что с одной стороны деятельность новых организационных структур способствовала подготовке необходимых кадров, готовых «нести в массы» марксистское учение и развивать его посредством исследований, но с другой стороны, была потеряна

---

³⁸⁰ О плане организации факультетов Общественных Наук Российских университетов : Декрет СНК РСФСР от 04.03.1921 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_867.htm (дата обращения: 15.05.2015).

³⁸¹ Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Историография, источниковедение, методы исследования. 1994. № 3. С. 143-158.

³⁸² О деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский ; под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клабуновского. М.-Л. :ОГИЗ, 1931. С. 315-317.

объективность подобных исследований, предопределившая отсутствие критического отношения к деятельности руководства партии³⁸³.

Помимо пропартийных учебных организаций в первой половине 1920-х гг. продолжали действовать учреждения «старого типа», сложившиеся еще до 1917 г.: высшие учебные заведения, Государственный Исторический музей и др. Определенное время они были еще автономны по своим целям и задачам и свободны от марксистского влияния в выборе тематики исследований. По замечанию В. Н. Данилова, роль университетов в исторической подготовке специалистов стала уменьшаться. Все дисциплины, преподаваемые в вузах, стали делиться на «ударные» и «неударные». В ударные попадали социологические дисциплины – исторический материализм, история и теория социализма, история экономических учений и др. К неударным были отнесены исторические предметы, которые читались в разрезе теории общественно-экономических формаций. Осуждалось употребление в курсах терминов «античность», «Средние века» и т.п. Как и в школьных курсах, акцент делался на социально-экономические проблемы и классовую борьбу³⁸⁴.

Это было сделано с целью облегчения политико-идеологического контроля власти за содержанием гуманитарного образования. В результате выпускники обществоведческих отделений плохо знали конкретный материал. В их сознание внедрялась мысль: главное иметь твердое представление о борьбе общественных сил более близкого периода, т.е. приоритет отдавался изучению событий, произошедших в конце XIX в. и в начале XX в. Это привело к тому, что при подобных принципах отбора содержания даже история России начала XIX в. казалась студентам «древнейшим» периодом истории.

Важным недостатком существовавшей системы исторического образования было и отсутствие систематической педагогической подготовки студентов. Курсы

---

³⁸³ Сиверцева Н. В. Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 72.

³⁸⁴ Данилов В. Н. Власть и формирование исторического сознания ... С. 59.

по методике преподавания истории в школе отсутствовали. Студентами общественно-педагогического отделения ФОНа Ленинградского университета, например, лишь на последнем курсе изучался предмет «Организация народного образования»³⁸⁵.

В июне 1926 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О постановке обществоведения в комвузах и вузах», по которому руководству данных учебных заведений необходимо было улучшить преподавание обществоведческих дисциплин и поднять их на более качественный уровень. Для достижения заявленных целей следовало открыть кафедры по дисциплинам обществоведческого цикла, организовать предметные комиссии, разработать учебные планы и программы³⁸⁶. Однако, как отмечает А. В. Гайдамакин, теоретический уровень преподавателей-обществоведов оставался невысоким. Из-за отсутствия квалифицированных специалистов-обществоведов, их жесткой политической ориентированности кружки и семинары оказались малоэффективными в деле расширения научного кругозора преподавателей и повышения их общей культуры³⁸⁷.

Резюмируя все вышеизложенное, необходимо отметить, что в первой половине 1920-х гг. государство проделало значительную работу по перестройке системы подготовки кадров в области обществоведения и истории. Во-первых, разрабатывалась марксистская теория, положенная в основу преподавания историко-обществоведческих дисциплин. Во-вторых, была перестроена система учебных заведений: созданы новые и трансформированы старые. В-третьих, были определены требования к кадрам – владение определенным набором знаний, проведение агитационной работы, принадлежность к партийным организациям.

---

³⁸⁵ Алленова В. А. Реформа высшего исторического образования 1934 – 1940 годов и предшествующий опыт университетской подготовки кадров историков // Развитие исторического образования в СССР : межвузов. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Чесноков. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 74

³⁸⁶ Гайдамакин А. В. Власть и реорганизация высшей и средней сельскохозяйственной школы Западной Сибири (середина 20-х – 30-е годы XX столетия) : монография. Омск, 2005. С. 82-85.

³⁸⁷ Там же.

Преподавателей историко-обществоведческих дисциплин, работающих в советских школах в 1920-е гг., можно объединить в четыре группы. Эти группы отличались по уровню образования и осознанного использования нормативных требований в своей профессиональной деятельности. Первая группа была не многочисленная по своему составу, в нее вошли историки-педагоги, получившие историческое образование еще в дореволюционный период. По сути это были профессиональные историки, но в большинстве своем не придерживающиеся тех идеологических позиций, которые транслировала советская власть. Ко второй группе учителей, работающих в рамках историко-обществоведческих дисциплин, относились те, кто окончил советские педагогические и экономические вузы. Они имели определенные представления по новой отечественной и зарубежной истории, но не были знакомы с историей Древнего мира и Средних веков. Их количество также было небольшим, и они очень неравномерно распределялись по территории СССР.

Третья группа была представлена партийно-комсомольской молодежью. Это молодые люди, которые окончили советские партийные школы и имели определенное представление о работе с кружком или семинаром по истории партии или революционного движения. К четвертой группе учителей можно отнести молодежь, окончившую среднюю школу (9 – 10-летку). Необходимо понимать, какой уровень общеобразовательной и историко-обществоведческой подготовки был у данной категории педагогов, при этом она была самой многочисленной.

Эта же ситуация проецировалась и на территорию Севера Западной Сибири. Кроме того на территории Севера Западной Сибири были свои определенные условия, которые оказали влияние на всю систему народного образования в регионе.

Это, прежде всего, недостаточное количество образовательных учреждений. М. Е. Бударин приводит данные о том, что в 1914 г. на Обском Севере имелось

лишь 17 школ. В них училось 585 детей, в том числе только 16 ханты и ненцев³⁸⁸. Край не имел высшего учебного заведения. В Тобольской губернии было всего 3 народных дома, 6 клубов и общественных собраний, один экземпляр газеты приходился примерно на 10 тыс. человек³⁸⁹. При этом до 1917 г. на Тобольском севере действовали только начальные учебные заведения. По данным, приведенным В. В. Цысь и О. П. Цысь, к 1918–1919 гг. одноклассных школ в Берёзовском и Сургутском уездах насчитывалось 31³⁹⁰. К 1920 г. в Берёзовском уезде действовало 18 школ из 23, в которых трудилось 29 педагогов³⁹¹ и 14 учительских должностей оставались вакантными³⁹². В 1921 г. в Обдорске открываются две школы русская и зырянская, которые в 1925 г. объединяются в одну³⁹³.

В северных школах преимущественно обучалось русское население. В большинстве свое коренное население грамотой не владело. Открытие на Севере Западной Сибири в начале 1920-х гг. общеобразовательных учреждений и первых национальных школ ситуацию принципиально не решило. Как следствие этого отсутствовала местная культурная интеллигенция³⁹⁴. В первые годы Советской власти на Севере Западной Сибири грамотный местный житель был редким исключением. Вот характерный пример. В 1923 г. Наркомат национальностей СССР решил пригласить на Московскую сельскохозяйственную выставку грамотного ханты. Однако это оказалось невозможно. Запрошенный по телеграфу Тобольский уездный исполком ответил в Москву, что грамотных ханты не имеется: «Был один грамотный по-русски остяк, но и тот убит во время Гражданской войны»³⁹⁵.

---

³⁸⁸ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 183.

³⁸⁹ Из истории культурного строительства в Тюменской области ... С. 7..

³⁹⁰ Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX - XX вв. ... С. 13.

³⁹¹ Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.) : монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. С. 196.

³⁹² Там же. С. 197.

³⁹³ ГКУ «ГА ЯНАО». Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.

³⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 203. Л. 70.

³⁹⁵ Бударин М. Е. Путь малых народов ....С. 186.

Эта ситуация в конечном итоге влияла на наличие педагогических кадров в школах. Местные образовательные учреждения просто не могли предоставить в качестве учителей своих выпускников. Абсолютное большинство учителей не имело специальной подготовки, тем более высшего образования. В качестве учителей в школы отдалённых районов привлекались просто образованные люди.

В целом в первой половине 20-х гг. XX в. в школах первой ступени Тобольского округа (без Березовского и Сургутского уездов) было 250 учителей. Из них имели законченное среднее образование 83 человека, незаконченное среднее образование – 39 человек, низшее – 61 человек, курсы 9 человек³⁹⁶. Очевидным становится крайне низкий образовательный уровень педагогов. Почти 40% учителей округа не имели даже законченного среднего образования, не говоря уже о высшей профессиональной подготовке. Для работы в школах привлекались энтузиасты из выпускников начальных и высших начальных школ, а для работы по ликвидации неграмотности привлекались учащиеся 5-х – 7-х классов³⁹⁷.

В качестве еще одной особенности следует отметить и нежелание родителей отдавать детей в школу³⁹⁸. Связано это с тем, что у коренных народов Севера существовала своя система воспитания, и для них школьное образование представляло собой необычное, новое явление. Родители не хотели отправлять своих детей учиться, потому что дети с самого раннего возраста осваивали способы ведения хозяйства на севере и были во многом незаменимыми помощниками. Ненцы обычно говорили учителям: «Учить оленя надо, учить собаку надо, а зачем учить человека? Он и сам знает, как надо зверя промышлять и как надо жить. Чему полезному может научить его школа, да еще русская?»³⁹⁹.

В 1920 г. Обдорский райисполком попытался организовать школу для обучения в ней детей ханты и ненцев. Вскоре об этом стало известно в тундре.

---

³⁹⁶ Школа Тюменской области. Тюмень. 1968. С. 53.

³⁹⁷ Народное образование с Сургутском районе в 1920-е – 1930-е гг. // Югра. 2001. № 5. С. 56.

³⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 203. Л. 70.

³⁹⁹ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 184.

Через несколько дней из разных сторон в Обдорск прибыли ханты и ненцы на пятидесяти нартах. Все они пришли в райисполком и заявили, что своих детей в школу не дадут⁴⁰⁰. В итоге учителя были вынуждены проводить разъяснительную работу среди родителей.

В качестве третьего условия, которое повлияло на развитие народного образование и работу учителей, можно выделить малочисленность каждой народности и низкую плотность населения⁴⁰¹. В связи с чрезвычайной разбросанностью населенных пунктов и малочисленностью населения большинство школ на Севере Западной Сибири были малокомплектными. В них работали 1–2 учителя на школу, им приходилось вести 2 – 4 группы одновременно. Также при комплектовании школ совершенно не учитывался возраст учащихся. В одной группе школы I ступени могли заниматься и 7-летние дети, и 18 – 19-летние юноши и девушки⁴⁰². В некоторых населенных пунктах жителями выносились постановления об открытии школ, не заботясь о том, будут учителя или нет. О финансировании вопрос поднимался уже после открытия школ. В Змановской школе первой ступени было всего 9 учеников. Часть из них не посещала занятий. Школы такого типа сами распадались. В том же Сургутском уезде в 1923 г. из-за ухода учеников 6 школ было закрыто⁴⁰³.

Отсутствие учителей определило и замедление темпа открытия новых школ или их полноценное функционирование. Большинство школ на территории Севера Западной Сибири не были обеспечены учительским составом. В одноклассной Обдорской школе на 107 учеников был только один преподаватель⁴⁰⁴, в деревне Конводанова (Созоновский сельсовет) в течение трех лет пытались открыть школу, но из-за отсутствия желающих заниматься педагогической деятельностью в данной деревне, школа длительное время не

---

⁴⁰⁰ Мазуренко Г. Торжество национальной политики ... С. 15-16

⁴⁰¹ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 203. Л. 70.

⁴⁰² Городенко Д. В. Просвещение народов Севера ... С. 41.

⁴⁰³ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

⁴⁰⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

была открыта⁴⁰⁵. Следует отметить, что, как правило, велся поиск «преподавателя общеобразовательных предметов»⁴⁰⁶, то есть речи об учителях-предметниках, в частности по истории не велось. Учитель должен был вести фактически любые дисциплины.

Еще одним фактором, тормозящим развитие народного образования на Севере Западной Сибири, являлось отсутствие письменности у местного коренного населения⁴⁰⁷. М. Е. Бударин отмечал, что к 1917 г. около 50-ти национальностей не имели своей письменности. В числе 50-ти бесписьменных народностей были и жители Севера. Это, безусловно, должны были учитывать в своей профессиональной деятельности педагоги и в соответствие с этим выстраивать образовательный процесс.

На Севере Западной Сибири к началу 1920-х гг. отмечалась нехватка педагогического состава. Так, к 1920–1921 уч. г. в Обдорске имелось всего 9 учителей и на одного преподавателя приходилось более 52 учащихся⁴⁰⁸. При этом необходимы были педагогические кадры, готовые работать в национальных школах. Сибирь существенно отставала от центральных районов страны по уровню общеобразовательной подготовки школьных работников: из 15 тыс. учителей к середине 1921 г. высшее образование имели только 5%, среднее – 35%, ниже среднего 60%⁴⁰⁹. По данным, которые приводит В. Л. Соскин, в европейской части страны учителей с низшим образованием насчитывалось 15 – 20%⁴¹⁰.

В качестве причин столь сложного положения, связанного с уровнем профессиональной подготовки учителей, можно выделить отдаленность района от центра и тяжелые природно-климатические условия жизни. Многие специалисты, которые все же устраивались на работу в северные школы, просто не выдерживали бытовых сложностей и сурового климата.

---

⁴⁰⁵ Там же. Д. 17. Л. 101.

⁴⁰⁶ Там же. Д. 23. Л. 29.

⁴⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 203. ЛЛ. 69-72.

⁴⁰⁸ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

⁴⁰⁹ Школа и учительство в Сибири 20-е – начало 30-х годов ... С. 13.

⁴¹⁰ Соскин В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа. Новосибирск, 1971. С. 262.

Можно привести в качестве примера воспоминания сына учительницы О. В. Арефьевой, переведенной в с. Самарово из г. Ирбита: «Нам дали однокомнатную квартиру в двухэтажном доме, ранее принадлежавшем самаровскому купцу. Нижний этаж представлял собой полуподвальное помещение. Спали все на полу [...]. Эти годы для нас были голодные и холодные. Наступила зима, у нас не было зимней теплой одежды и обуви [...]. У нас первое время не было картофеля, не говоря о молоке, масле и других продуктах питания [...]. Вскоре после нашего приезда в Самарово уполномоченный органа образования поручил Ольге Владимировне сделать перепись детей, мальчиков школьного возраста коренного населения, живущих на территории самой большой организации, леспромхоза, в разных отдаленных в труднодоступных местах. Бездорожье, тучи насекомых, передвижение на лодках, пешком... Но такое было время и такие люди, что выше личных интересов ставили интересы страны»⁴¹¹.

Еще одной причиной, повлиявшей на качественный состав педагогических кадров в северных школах, являлась элементарная неготовность учителей работать с коренным населением. В этом случае серьезным препятствием в осуществлении педагогической деятельности был языковой барьер и отсутствие знаний у учителей об особенностях культуры, традиций, быта местных народов.

Учитель и организатор мансийской и хантыйской школ-интернатов в с. Сартынье Аркадий Николаевич Ласкутов вспоминал: «Было очень трудно без знания языка, обычаев. Помогали в работе смекалка, любимая гармошка да мяч»⁴¹². Надо отметить, что в июле 1935 г. на совещании в Наркомате просвещения РСФСР с руководителями северных национальных школ одним из вопросов был доклад А. Н. Лоскутова о постановке учебной и воспитательной работы в Казымской школе-интернате. После совещания его пригласила к себе на

---

⁴¹¹ Арефьева Ольга Владимировна – фондообразователь Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Ханты-Мансийский автономный округ – Югра : единый офиц. сайт гос. органов. URL: <http://www.arhivugra.admhmao.ru/> (дата обращения: 03.11.2015).

⁴¹² КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 73. Л. 3.

беседу Н. К. Крупская. Она с большим интересом расспрашивала о школе, детях и родителях ханты, о том, как учатся дети, чем интересуются⁴¹³.

Языковой барьер, безусловно, являлся преградой в обучении детей. Евдокия Ивановна Ромбандеева⁴¹⁴, вспоминала о своих школьных годах: «В нашей деревне не было школы, в школу я пошла в Щекурье. Там училась в школе-интернате, это был 1938 год. В первом классе нас учил Леонид Иванович Проводников, до этого он работал в Ломбовоже. Научился говорить на мансийском языке. А мы в первом классе учили русский язык. Когда я пошла в школу, ни одного слова по-русски не знала. И нас учили – учитель говорил, а мы за ним повторяли. Я запомнила: «Кот Васька ходит. Хвост у Васьки серенький». Мы знали только два слова «кот» – это оленьи лапы (так мы считали), а Васька – это Василий какой-то. Мы говорили: «Наверно, Василий выделывает оленьи лапы»⁴¹⁵.

Не способствовали сохранению кадров и чрезмерная загруженность различными обязанностями и поручениями. Учителя, кроме основной работы, должны были еще заниматься просветительской деятельностью среди взрослого населения⁴¹⁶. По данным отделения профсоюза работников просвещения учителя Тобольского Севера ежемесячно в среднем затрачивали на общественную работу от 36 до 59 часов (например, 14 часов – на работу в избе-читальне; 8 часов – на комсомольскую работу; 7 – на беседы с населением и 7 – на кружковую работу)⁴¹⁷.

В. В. Цысь отмечает, что «Сургутские учителя после занятий вынуждены были еще по 2 часа сверхурочно работать в наробразе, выполняя обязанности заведующих подотделами, канцеляристов, переписчиков»⁴¹⁸.

---

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Ромбандеева Е.И. – российский ученый, финно-угровед, специалист по мансийскому языку, составитель первого мансийско-русского и русско-мансийского словаря, доктор филологических наук.

⁴¹⁵ История и современность. Воспоминания сотрудников обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск, 2006. С. 44-51.

⁴¹⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 70. Л. 229.

⁴¹⁷ Желонин. Профработа на Далеком Севере Тобольского округа // Уральский учитель. 1926. № 2. С. 68-69.

⁴¹⁸ Цысь В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.) ... С. 181.

Ситуация осложнялась и отсутствием взаимопонимания со стороны местного населения. Со строительством национальных школ на Севере Западной Сибири возникла необходимость обеспечения данных школ не просто учительским составом, а именно педагогами из коренных народов, т.е. теми учителями, которые знают язык, культуру, образ жизни местного населения. Когда краевед-исследователь Ямала В. Н. Новицкий беседовал об открытии школы в 1921 г. с жителями Собских юрт, близ Салехарда, ханты говорили ему: «Мы знаем хорошо, что нас остается все меньше и меньше. Вам, русским, суждено жить, нам – вымирать. Вам грамота полезна, а нам вредна; она сделает из нас воров, пьяниц, она воспитывает вражду, ненависть наших грамотных к нам – мы это испытали. Некоторые наши инородцы учились в вашей школе в Обдорске. Оставьте нас в покое, не трогайте нас! Если вы откроете здесь школу, то мы, хотя и живем на этом месте очень давно – старики не помнят, – тотчас же оставим это место и переселимся в другое»⁴¹⁹.

Удержанию учителей в образовательных учреждениях на Севере Западной Сибири не способствовали и финансовые условия работы. В начале 20-х гг. XX в. существовали разные формы оплаты работы учителей. Часть педагогов могла находиться на обеспечении у местного бюджета, но оплата, как отмечается в отчетах Тюменского губернского отдела народного образования, в подобных случаях «была мизерной». Не лучше ситуация с заработной платой была и у учителей, которые получали жалование из центрального бюджета, не редки были и случаи уменьшения заработной платы от месяца к месяцу несмотря на повышение цен⁴²⁰.

Еще одной формой оплаты была договорная система с местным населением, проживающим на территории расположения школы. По заключенному договору

---

⁴¹⁹ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 185.

⁴²⁰ ГКУСО ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

население было обязано каждый месяц предоставлять учителям продукты питания: муку, картофель и т.д. В данном случае оплата также была низкой⁴²¹.

С целью привлечения специалистов для работы в северных районах было разработано положение ВЦИК и СНК «Об утверждении положения о льготах для лиц работающих на Крайнем Севере РСФСР». По положению предусматривалась дополнительная надбавка за отработанный год, льготы по жилищному обеспечению и дополнительные дни к отпуску др.⁴²². Однако данные льготы не могли компенсировать те вышеперечисленные трудности, с которыми сталкивались учителя на Севере Западной Сибири.

Тюменский губернский военно-революционный комитет 2 ноября 1919 г. с целью «рационального распределения лучших педагогических сил по школам»⁴²³, потребовал от всех учреждений представить сведения о служащих с педагогической подготовкой для возвращения их в систему народного образования. Губисполком создал специальную комиссию по «перегруппировке» работников, имеющих педагогическое образование. Так, в начале ноября 1919 г. комитет потребовал от всех организаций и учреждений составить списки о служащих, имеющих педагогическую подготовку и находящихся на службе не по своей специальности для возвращения их в систему народного образования⁴²⁴.

На основании данного решения, в регионе была проведена работа по учету учительских кадров и привлечению их на сторону советской власти. Общее собрание Тюменской организации РКП(б) 27 ноября 1919 г. приняло решение «о признании необходимым также сплочение всех местных сил деятелей социалистической культуры, учителей, артистов, художников и музыкантов путем создания их общего профсоюза, который ... позволит ... улучшить постановку

---

⁴²¹ Там же. Л. 20 об.

⁴²² Об утверждении положения о льготах для лиц работающих на Крайнем Севере РСФСР : Положение ВЦИК и СНК // Советский Север. 1932. № 3. С. 150-152.

⁴²³ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Д. 23. Л. 101.

⁴²⁴ Толмачев Н. И. Великая октябрьская Социалистическая революция и начало коренного преобразования школы // Школа Тюменской области. Сборник сорок первый. Тюмень, 1968. Вып. 8. С. 33.

дела народного образования губернии в интересах рабочих и крестьян и победы их Советской власти»⁴²⁵.

В январе 1920 г. в г. Тюмени состоялся первый губернский съезд учителей. Съезд одобрил политику партии в области народного образования и призвал учителей отдать все силы строительству единой трудовой школы. На съезде тюменские учителя решили вступить в профессиональные союзы работников просвещения и культуры, тем самым продемонстрировали поддержку новой власти⁴²⁶.

Однако летом 1921 г. Тюменский отдел профессионального образования в центр отправил сообщение, в котором констатировал низкие результаты подготовки квалифицированной рабочей силы⁴²⁷. В ноябре 1923 – феврале 1924 гг. проходила инспекция Северного района Тобольского округа. Было установлено, что всего в районе насчитывалось 49 учителей (всего 49, из них мужчин 11, женщин 38, членов РКП(б) и членов ВЛКСМ – 3). Их условно разделили на пять категорий.

В первую категорию вошли учителя «стремящиеся к осуществлению идей школы и имеющие удовлетворительную политическую подготовку». Всего в первую категорию учителей инспектор Тобольского окружного отдела национального образования отнес 26% от общего количества педагогов. Ко второй категории была отнесена почти половина педагогического состава (49%), их характеризовали как учителей, «имеющих слабую педагогическую и политическую подготовку». Наименьшее количество педагогов вошли в третью категорию – «имеющих удовлетворительную педагогическую подготовку, но слабую политическую (4%)»⁴²⁸.

Кроме того, отдельно была выделена четвертая категории учителей, к которой отнесли педагогов «не вполне освободившихся от религиозных

---

⁴²⁵ Газета «Известия» (Тюмень). 1919. № 80. 2 дек.

⁴²⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 3. Д. 5. Л. 83.

⁴²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 14.

⁴²⁸ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 6. Л. 44 об.

настроений» – 14%. Особое внимание заслуживает пятая категория учителей, составившая 7% – совершенно не пригодных⁴²⁹. Таким образом, можно констатировать, что каждый 3 – 4 учитель вообще не был способен осуществлять педагогическую деятельность, не обладал профессиональными умениями, не имел необходимых знаний в области педагогики и специальных дисциплин.

Для первичного решения кадрового вопроса в феврале 1920 г. в г. Тюмени начали работу кратковременные курсы для подготовки работников школ I ступени. На курсы принимались лица обоего пола, достигшие 17-ти летнего возраста без экзаменов. Для прохождения курсов достаточно было знаний приблизительно в объеме четырех классов бывшей средней школы или полного курса бывшего высшего начального училища. В течение первых двух недель работы на курсах преподаватели должны были определить уровень развития обучающихся, к продолжению занятий на курсах могли быть допущены только те из них, которые будут признаны способными к обучению. Продолжительность учения на курсах 7 ½ месяца (до 1 октября). Обучающиеся, принятые на курсы после двухнедельного испытательного периода, должны были получать стипендию с обязательством проработать в школе I ступени уезда в течение двух лет. Тобольскому уезду было предоставлено квота в количестве 10 мест⁴³⁰.

Данные курсы были не исключением. В Тюменской губернии систематически проводились летние и зимние курсы переподготовки учителей. В первой половине 20-х гг. XX в. подобные курсы необходимы были для решения двух задач. Во-первых, для повышения педагогического уровня у обучающихся, приехавших на курсы. Во-вторых, педагоги, прошедшие данные курсы, должны были в своих школах проявить активное участие в организации педагогической работы и участвовать в повышении квалификации своих коллег⁴³¹.

---

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Там же. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

⁴³¹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 3. Д. 11. Л. 31.

Количественный состав участников курсов был разнообразным, преимущественно курсы посещали учителя из центральных уездов. Тюменский уезд в 1923 г. был представлен 27 учителями, Тобольский – 20, в свою очередь Березовский и Сургутский уезды были представлены пятью учителями каждый⁴³².

Учебный план летних курсов был внушительным по своему содержанию и часовой нагрузке. Программа включала в себя вопросы двух циклов: политико-просветительский и педагогический, по 170 часов отводилось на рассмотрение каждого цикла, при этом половина учебного времени уделялось практической части⁴³³.

Предметное содержание политического цикла было представлено следующим образом:

1. Характеристика капиталистического строя и очерки его развития (16 – 16 ч.).

2. Краткий очерк истории России начала XIX столетия и история революционного движения до наших дней (включая историю РКП (22 – 22 ч.).

3. Основные моменты истории революционного рабочего движения на Западе, начиная с революции 1848 г. (10 – 10 ч.).

4. Конституция РСФСР (включая марксистское учение о государстве и определение диктатуры пролетариата) (4 – 4 ч.).

5. Пролетариат и крестьянство в русской революции (основная точка большевизма по вопросу о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, политика по отношению к крестьянству на различных этапах революции и т.д.).

6. Народное хозяйство России и экономическая политика советской власти, включая кооперацию, охрану труда, организацию профсоюзов и тенденции развития НЭПа (20 – 20 ч.)

7. Исторический материализм (10 – 10 ч.)

---

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же.

8. РКСМ и школа (10 – 10 ч.)⁴³⁴.

В 1925–1926 уч. гг. были организованы Тюменские окружные курсы по переподготовке работников просвещения. Эти курсы включали в себя педагогический и политико-просветительный циклы, дополнительно был представлен необходимый в исследуемый период производственно-краеведческий цикл⁴³⁵.

На всех проводимых курсах была попытка отойти от лекционной формы проведения занятий, акценты старались сделать на самостоятельную деятельность слушателей, а руководитель курсов брал на себя роль консультанта. Слушателей распределяли в группы (звенья) примерно по 10 человек, которые должны были прорабатывать определенные вопросы, а затем представлять их для всех педагогов на учебных конференциях. Основными вопросами для рассмотрения в области общественно-политического являлись эволюционная теория, основы марксизма, истории РКП, ленинизма, задачи советской власти по работе в деревне на основании решения XIV партийного съезда⁴³⁶.

На этих курсах в приоритете при распределении часов были специальные предметы (в среднем 150 часов, включая часы, отводимые на самостоятельную работу), а содержание педагогического цикла изучалось примерно 90 часов. Такое соотношение нагрузки по циклам в рабочих часах УралОНО посчитало нецелесообразным и предложило придерживаться перенесения центра тяжести в работе курсов на вопросы педагогическо-методического характера⁴³⁷.

Несмотря на предлагаемые варианты решения вопросов повышения квалификации учителей, их подготовки и переподготовки, этого было недостаточно. Во-первых, курсы были эпизодическими, не предлагалось системы с периодической подготовкой. Это было важно в связи с постоянно изменяющимися подходами в преподавании историко-обществоведческих

---

⁴³⁴ Там же. Л. 32.

⁴³⁵ Там же. Ф. Р–84. Оп. 1. Д. 53. Л. 40.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Там же. Л. 203.

дисциплин, сменой учебных программ и т.д. Во-вторых, ограниченный состав участников, квотирование мест также делали свое дело. Большинство учителей не имели специального образования, поэтому количество организованных курсов было недостаточным. В-третьих, в качестве причины можно назвать отсутствие регулярного финансирования. Именно это отмечали и работники в области просвещения на Севере Западной Сибири.

Заведующий Тундринской единотрудовой школы I ступени Сургутского района Тобольского округа на центральных курсах учителей народов Севера, проводимых в 1926 г., выступил с докладом о работе школы за 1925–1926 уч. г. В рамках пункта о работе по повышению квалификации докладчиком была озвучена следующая ситуация: «Средства для повышения квалификации учителей не отпускались и не отпускаются... Конференция учительская зимой и весной не была, так как в районе не было средств ...Учительство нашего края заинтересовано в учебниках северного уклона, педагогических книгах для поднятия квалификации. Так же вызова учительства на педагогические курсы, а я работаю с 1919 г. была на одних политико-педагогических курсах и на одной учительской районной конференции. Так что чувствую отсталость в работе по сравнению с другими школами»⁴³⁸ (*прим.*: следует отметить наличие большое количество грамматических и речевых ошибок в докладе).

В апреле 1927 г. от руководства Наркомпроса РСФСР на места были разосланы информационные письма о проведении центральных курсов для учителей народов Севера, которые должны были осуществляться в течение 34 рабочих дней с 5 июля по 15 августа 1927 г.⁴³⁹. Организаторами курсов выступил отдел повышения квалификации педагогического персонала Главсоцвоса и Совнацмена. Задача этих курсов – объединение опыта работы туземной школы, выявление достижений и затруднений в работе, инструктирование по вопросам педагогической, краеведческой, культурно-просветительной работы.

---

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 247. Л. 4.

⁴³⁹ Там же. Д. 162. Л. 93.

Командировать на курсы должны были, прежде всего, учителей, уже работающих или тех, которые должны были работать в «туземной» школе с 1927–1928 уч. г. Для Тобольского Севера выделялось 6 мест из 30. Командированные на курсы учителя должны были взять с собой материал, отражающий их опыт работы в школе с подробной характеристикой условий работы, составом учащихся, перечнем пособий и т.д.⁴⁴⁰. Предлагалось обсудить проблемы, с которыми сталкивались педагоги отдельных районов в своей практике и попытаться их решить.

На производственно-педагогический цикл выделялось 72 часа (из 204 часов). Основными вопросами, подлежащими рассмотрению в данном цикле, выступали: принципы, цели и задачи советской системы народного образования, основные принципы трудовой школы, особенности туземной школы; программы ГУСа для туземных школ; основные методы школьной работы. В рамках обществоведческого цикла рассматривались актуальные для середины 20-х гг. XX в. вопросы: итоги пленума ЦК ВКП (б); национальная политика советской власти и очередные задачи просвещения национальных меньшинств, советизация тайги и тундры; хозяйственное строительство СССР в связи с мировой экономикой (роль окраин, в частности, севера)⁴⁴¹.

Следует отметить, что на разработку тем из обществоведческого цикла на центральных курсах было выделено только 18 часов. Такое количество часов представляется крайне недостаточным, если учесть те трудности, которые возникали у учителей при работе с содержанием блоков «Общество» в программах ГУСа (комплексная модель программ заключалась в группировке по трем блокам: «Природа», «Труд» и «Общество»). Помимо обществоведческого цикла, существовал еще блок «Краеведческие вопросы», включающий две подтемы: краеведение в программном материале работы школы (общая география; промысловые животные Севера; очередные задачи по поднятию

---

⁴⁴⁰ Там же. Л. 94.

⁴⁴¹ Там же.

промыслов туземцев; исторический и этнографический материал окраин Севера) и методика краеведческой работы на местах. На проработку краеведческих вопросов выделялось вдвое больше часов – 36⁴⁴².

Подобные курсы были важны для профессиональной подготовки учителей Севера Западной Сибири, поскольку 29 июня 1927 г. Уральский обком ВКП(б) принял постановление «О постановке общественно-политического воспитания в школах соцвоса и профобра (школы второй ступени, техникумы, ФЗУ)». В постановлении отмечалось, что при изучении обществоведения учащиеся знания усваивали формально, имелось еще значительное число преподавателей, политически неподготовленных и слабо разбирающихся в вопросах политической современности⁴⁴³.

Летом 1928 г. на совещании работников районного методического бюро одним из вопросов, вынесенных на обсуждение, были отчеты руководителей местных методических бюро. Большинство докладчиков пришли к мнению о том, что методическая работа на местах на определенном уровне была организована: проходили педагогические конференции, была развернута деятельность кустовых объединений, на методических бюро обсуждались наиболее актуальные вопросы⁴⁴⁴.

Несмотря на отдельные положительные характеристики методической ситуации в Тобольском округе, докладчиками были выделены и трудности, с которыми сталкивались работники системы просвещения: «недостаток методической литературы, недостаток свободного времени просвещенцев, дальность расстояния от районного центра, отсутствие руководства работой из округа, неосведомленность работников о новейших достижениях в области методики работы в школе»⁴⁴⁵. В протокол заседания была внесена информация о том, что наиболее сложными и трудными вопросами для учителей является

---

⁴⁴² Там же. Л. 96.

⁴⁴³ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 31. Л. 70

⁴⁴⁴ Там же. Д. 160. Л. 4.

⁴⁴⁵ Там же.

организация учебного процесса по курсу «Обществоведение», а также антирелигиозной пропаганды на основе краеведческой работы в школе. Важно отметить, что речь идет о 1928 г. и можно констатировать, что к этому времени на местах еще не выработалась система антирелигиозного воспитания.

Руководство народным образованием Тобольского округа осознавало низкий уровень подготовки учителей в целом и по отдельным предметам в частности. В 1928 г. была разработана программа окружных курсов по повышению квалификации работников просвещения по курсу «Методика обществоведения и краеведческая работа в школах I ступени». Основными формами организации образовательного процесса были лекции и самостоятельная работа. Данные курсы были организованы с целью повышения методической квалификации в области преподавания обществоведения, ликвидации пробелов в знаниях данного предмета не предполагалось⁴⁴⁶.

Всего было представлено пять крупных тем: 1) «Обществоведение» (история его возникновения, его содержание, образовательные и воспитательные цели и его роль в комплексных программах ГУСа); 2) «Обществоведение и краеведение в школе I ступени» (обществоведение – стержень краеведения, методы собирания краеведческого материала и его обработка; 3) Подбор обществоведческого материала, расположение в его комплексе и методика его проработки, связь с материалом и приемами их проработки из других областей знаний и методы обществоведческой работы в школе I ступени; 4) «Обществоведение и самоуправление школы I ступени» (Детские организации); 5) Работа по оценке рабочих книг по обществоведению и вопросы краеведческих пособий.

Отобранное содержание курсов было крайне актуально для местных учителей, поскольку одной из наиболее часто обсуждаемых проблем на педагогических конференциях, а также в отчетах школ, было отсутствие

---

⁴⁴⁶ Там же. Д. 170. ЛЛ. 130-131.

специальной подготовки у учителей в области преподавания новой дисциплины «Обществоведения». Нормой для школ на Севере Западной Сибири являлась ситуация, когда в рамках своей профессиональной подготовки будущие учителя получали определенные знания по общепедагогическим вопросам, а отдельная предметная подготовка, в частности по вопросам преподавания обществоведения отсутствовала. В итоге учителя, приходя в малокомплектную школу, должны были вести несколько предметов одновременно, не обладая при этом должной квалификацией.

Ситуация, связанная с недостаточным профессиональным уровнем подготовки учителей, сохранялась в течение 30-х гг. XX в. Л. Е. Киселев приводит данные о том, что ко второй половине 1930-х гг. в Остяко-Вогульском национальном округе в начальной школе работало 180 учителей, которые не имели специального педагогического и даже среднего образования⁴⁴⁷. Л. В. Алексеева также отмечает низкую квалификацию учителей, приводит данные о том, что 50% педагогов не имели среднего образования⁴⁴⁸.

Не лучшим образом с познавательной точки зрения часто были организованы и сами курсы повышения квалификации. Нередко преподаваемый учителям материал был излишне идеологизирован, что снижало его ценность в глазах педагогов. К примеру, выпускница десятиклассной Берёзовской школы Ираида Семеновна Кузьмина была отправлена с шестью одноклассниками на месячные учительские курсы в Остяко-Вогульск. Для обучения ей было выделено 240 рублей. Как отмечает сама Ираида Семеновна, это были огромные деньги, но девятнадцатилетняя девушка, «сразу их потратила на наряды»⁴⁴⁹. Отзываясь о курсовой подготовке, И. С. Кузьмина характеризует обучение как неудовлетворительное, поскольку приоритет на курсах отводился изучению истории КПСС, причем в монотонной лекционной форме. Методической

---

⁴⁴⁷ Киселев Л. Е. От патриархальщины ... С. 171.

⁴⁴⁸ Алексеева Л. В. Социокультурная политика ... С. 89.

⁴⁴⁹ История школы в истории судеб : сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург : СОКРАТ, 2004. С. 41.

подготовки вообще не уделялось внимания, даже в теоретическом виде, ни одного вопроса связанного с организацией обучения детей, не было раскрыто⁴⁵⁰.

Таким образом, возникает резонный вопрос: насколько могут неподготовленные и не имеющие опыта работы учителя реализовывать поставленные перед образованием цели?

Проверка знаний исторического материала у самих учителей в середине 1930-е гг., показала крайне низкий уровень владения ими предметным материалом. В качестве примеров низкого профессионального уровня учителей, можно привести следующую ситуацию. На вопрос: «Кто такие плебеи?», один из учителей ответил: «Это вся масса мелких ремесленников, крестьян и рабов, которые выступали против крупных феодалов, царей и фараонов». На вопрос о Троянской войне был дан ответ: «Это период древнеперсидской войны во II веке». Учителя демонстрировали пренебрежение не только к историческим фактам, но и к историческим личностям⁴⁵¹.

Часто учителя впервые слышали о палеолите и питекантропе, франкском государстве, о существовании «Русской правды». Для некоторых из них являлось настоящим открытием, что по истории Древнего мира существует не только учебник Никольского (он был издан в 1932 г.), но и другая литература. Ведь они были убеждены, что история Древнего мира еще никем никогда не разрабатывалась и ее только предстоит написать⁴⁵².

После выдвинутого И. В. Сталиным лозунга «Кадры решают все!», в августе 1935 г. заведующим отделами народного образования, директорам пединститутов, директорам педтехникумов было разослано закрытое письмо, в котором речь шла о состоянии дела относительно подготовки педагогических кадров: «... Мы достигли значительных высот в образовании... Однако достигнутые улучшения в нашей работе еще далеки и не соответствуют тем

---

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Кан С. Практика преподавания истории в средней школе. За повышение квалификации преподавателей истории (Из опыта проверки из знаний) // Борьба классов. 1934. Июнь. № 5-6. С. 55-59

⁴⁵² Там же.

требованиям, которые сейчас предъявляет страна к подготовке учителей... Чтобы учитель мог с честью и до конца выполнять свой долг воспитателя культурных, грамотных и честных граждан СССР, защитников социалистической Родины, он должен быть хорошо политически грамотным, кровно связан со всем социалистическим строительством. И, само собой, разумеется, владеть в совершенстве той наукой, которую преподает»⁴⁵³.

Далее в письме отмечались все недостатки, существовавшие на тот момент в подготовке педагогических кадров. Критике подверглась система обучения, имеющаяся в педагогических вузах и техникумах. Отдельное внимание было уделено критике форм учебных занятий. Отмечалось, что лекции в научном отношении были слабо проработаны, семинары и лабораторные занятия проводились на крайне низком педагогическом уровне. Относительно практики в резкой форме было отмечено, что она фактически не играет никакой роли в методической подготовке будущих учителей. Отдельно указывалось на отсутствие обучения студентов в рамках организации научно-исследовательской работы. Рекомендовалось «усилить оперативное руководство и бдительный контроль» над преподаванием социально-экономических дисциплин, формирующих политическое мировоззрение⁴⁵⁴.

Руководству народного образования предстояло перестроить систему подготовки кадров учителей истории в целом, начиная от техникумов, заканчивая вузами – учительскими институтами, педагогическими институтами, университетами.

В Тобольском педагогическом техникуме до восстановления преподавания истории в школе, преподаванию обществоведения уделялось значительное внимание: на первом курсе было выделено 6 часов в неделю, на втором – 4 часа, на третьем вновь 6 часов и отдельно 3 часа в неделю отводилось на курс

---

⁴⁵³ ГБУТО ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 39. Л. 128.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 129.

«Методика обществоведения»⁴⁵⁵. В младшей подготовительной группе Отделения Народов Севера 2 часа в неделю читалась дисциплина «Комплексное преподавание». При изучении данного содержания студенты осваивали методику обучения комплексных тем, например, комплекс «Наш край», «Тобольский Север» и подтема «В.И. Ленин»⁴⁵⁶ или комплекс «Наш союз ССР», «План работы на лето» и подтема «1-ое мая»⁴⁵⁷.

В тесной связи с прорабатываемыми темами велись беседы, зачитывались статьи и художественные произведения. Отдельное внимание уделялось письменным работам: а) запись бесед, б) передача по плану прочитанных статей, в) самостоятельное составление рассказа по плану, г) составление небольшого доклада о проделанной работе⁴⁵⁸.

После восстановления истории в качестве самостоятельного предмета были пересмотрены и учебные планы в педагогических техникумах.

Так, в Тюменском педагогическом техникуме в 1935 г. с первого по третий курс читалась дисциплина «История», на третьем курсе отдельно были выделены часы на методику преподавания истории⁴⁵⁹. Преподаватели отмечали трудности, с которыми пришлось им столкнуться при организации обучения в рамках преподавания истории. Во-первых, перегрузка программ особенно в связи с недостаточными знаниями учащихся, поступающих в педтехникум. Можно сделать вывод, что в школах еще система обучения истории была выстроенная слабо и тех знаний, с которыми приходили учащиеся в техникум, было недостаточно для успешного обучения. Во-вторых, отмечалось почти полное отсутствие учебников, как по истории, так и по методике преподавания истории⁴⁶⁰. В итоге студенты демонстрировали низкий уровень успеваемости по историко-обществоведческим дисциплинам (Таблица 8).

---

⁴⁵⁵ ГБУТО ГАСПИТО. Ф. П–30. Оп. 1. Д. 387. ЛЛ. 132-140.

⁴⁵⁶ Там же. Д. 543. Л. 39.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 39 об.

⁴⁵⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. Р–689. Оп. 1. Д. 35. Л. 34.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 38.

**Сведения об успеваемости студентов Тюменского педагогического техникума
за 1935–1936 уч. г.⁴⁶¹**

Число студентов	Предмет	Оценка успеваемости				
		Отлично	Хорошо	Посредств	Плохо	Очень плохо
112	Русский язык устно	10	38	48	16	-
110	Русский язык письмо	12	38	46	14	-
113	Методика русского языка	13	45	53	2	-
112	Литература письмен	20	37	47	8	-
112	Литература устно	17	40	55	5	-
111	Методика математики	35	43	42	1	-
111	История	6	31	68	6	-
112	Ленинизм	9	34	61	8	-
112	Методика истории	17	36	63	2	-
	и т.д.	...	...	...	...	...

Из приведенных данных видно, что почти 61% студентов демонстрировали по истории посредственный уровень и 5% уровень «плохо», то есть фактически 66% студентов не владели должным образом теоретическим материалом по истории. Только 5% от всех студентов знали историю на «отлично». Подобная ситуация была характерна и для дисциплины «Ленинизм».

Надо отметить, что обучение в самих педагогических учебных заведениях не всегда соответствовало высокому профессиональному уровню. Так, при взаимопроверке Тобольского и Тюменского педагогических училищ в феврале 1939 г. относительно преподавания истории в Тобольском педучилище наблюдалась следующая картина: на уроке истории по теме «Русско-японская война 1904 – 1905 гг.» преподаватель неточно показывал на карте необходимые территории и сражения, «орудовал пальцами». При этом карта не соответствовала заявленной теме. С методической точки зрения он неправильно распределил

⁴⁶¹ Там же. Л. 44.

время урока: на опрос студентов отвел 3 минуты, на изложение нового материала – 15 минут и на закрепление 21 минуту. Студенты при закреплении слово в слово повторяли по несколько раз то, что сказал преподаватель. Как отмечает наблюдатель от Тюменского педучилища «материал излагался мало и поверхностно. Причины русского-японской войны не раскрыты»⁴⁶².

Таким образом, можно констатировать, что сразу же после восстановления предмета «история» ни сами учителя, ни образовательные учреждения просто не смогли должным образом обеспечить изменение ситуации с качеством кадрового состава.

Отдельно необходимо рассмотреть процесс формирования национальных педагогических кадров. Стоит отметить, что в большинстве своем речь идет о подготовке учителя для начальной школы, которому в национальных малокомплектных школах могли распределить различную предметную нагрузку, в том числе и ведение историко-обществоведческих дисциплин.

Во времена открытия первых национальных школ в районах Крайнего Севера особенно остро стоял вопрос с обеспечением этих школ кадрами и прежде всего представителями коренных народов, владеющих местными наречиями. В начале 1930-х гг. подготовка национальных педагогических кадров была крайне важной задачей, это было связано с резким увеличением сети образовательных учреждений (Таблица 9).

Таблица 9

Рост сети школ Остяко-Вогульского национального округа с 1917 г. по 1937 г.⁴⁶³

Количество школ	1917 г.	1927 г.	1937 г.
Всего школ	35	60	154
в том числе:			
начальных	35	56	118
семилетних	–	56	118
средних	–	–	4

⁴⁶² Там же. Д. 94. Л. 13.

⁴⁶³ Кронгауз Ф. Ф. К истории школы ... С. 41.

В итоге за два десятилетия количество начальных школ на территории округа увеличилось почти в три раза. Соответственно увеличивалось и количество обучающихся. По данным Ф. Ф. Кронгауза в Ямало-Ненецком национальном округе в 1930–1931 уч. г. обучалось 35 детей коренного населения, а в 1931–1932 уч. г. контингент увеличился до 544 детей⁴⁶⁴.

Безусловно, для национальных школ требовались учителя, хорошо владеющие родным языком учащихся данной школы, знающие особенности быта населения района, подготовленные для учебной работы в школе и воспитательной работы в национальном интернате. Таких учителей нужно было готовить из местного коренного населения.

Вопрос подготовки квалифицированных специалистов для северной территории неоднократно поднимался на заседаниях Наркомнаца и просвещения. А. В. Луначарский в 1924 г. писал: «... необходимо также приступить к выработке каждой национальностью своей собственной советской интеллигенции и, прежде всего, своего собственного учителя»⁴⁶⁵.

Определенное значение в подготовке педагогических кадров для национальных школ Севера сыграли Северное отделение рабфака при Ленинградском институте живых Восточных языков, Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, Северное отделение при педагогическом институте им. А. И. Герцена и Остяко-Вогульское педагогическое училище.

В 1925 г. при Ленинградском государственном университете было открыто северное отделение, которое в 1926–1927 уч. г. на правах рабочего факультета для представителей северных и восточных народностей было передано в ЛИЖВЯ (Ленинградский институт живых восточных языков), который с 4 июня 1927 г. был переименован в Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе⁴⁶⁶.

---

⁴⁶⁴ Там же. С. 40.

⁴⁶⁵ Луначарский А. В. Проблемы образования в автономных республиках и областях // Жизнь национальностей. 1924. №. 1. С. 31-33.

⁴⁶⁶ Воскобойников М. Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров для школ народов Крайнего Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере : В помощь учителю школ Крайнего Севера. Л., 1958. Вып. 8. С. 48.

В 1926–1927 уч. г. командирование представителей коренного населения Севера на учебу в Ленинград происходило в организованном порядке по специальной разверстке. Многие из командированных почти не умели говорить по-русски. В 1926 г. северяне приехали на учебу по путевкам следующих отделений Комитета Севера:

1. Архангельского – 3 саами.
2. Бурят-Монголии – 4 эвенка.
3. Дальневосточного – 13 эвенков, 5 нанайцев, 1 камчадал, 3 нивха, 1 чукча, 1 юкагир.
4. Иркутского – 5 эвенков.
5. Коми АССР – 1 саами.
6. Красноярского – 1 эвенк, 2 ненца, 3 кета, 1 ханты.
7. Тобольского – 1 ненец, 1 ханты, 1 манси.
8. Томского – 2 ханты, 6 шорцев.
9. Якутского – 3 эвенка⁴⁶⁷.

11 октября 1926 г. начались занятия с контингентом коренных народов в общем количестве 74 человека. Всего в 1926–1927 уч. г. на рабфаке ЛИЖВЯ было 9 подготовительных учебных групп и I курс. Совершенно неграмотных учащихся из 74 человек было 14⁴⁶⁸, то есть почти 19% учащихся имели не просто слабую подготовку, а были неграмотными.

В учебных программах подготовительных групп основной акцент делался на преподавания русского языка (10 ч.), на математику и политграмоту выделялось по 3 часа. На первом курсе часовая нагрузка перераспределялась. На русский язык отводилось 7 часов, на математику 5 часов, а на обществоведение и политграмоту по 3 часа⁴⁶⁹.

В начале января 1930 г. был создан Институт народов Севера (ИНС), на

---

⁴⁶⁷ Там же. С. 51.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же. С. 52.

основном отделении которого была образована одна из шести секций – педагогическая. С 1939 г. ИНС был включен в систему Наркомпроса РСФСР и реорганизован в Педагогический институт народов Севера.

Педагогическая секция в 30-х гг. XX в. занималась в основном изучением и разработкой по направлениям:

- методика по отдельным дисциплинам в школе и национальных педагогических училищах;
- организация школьного дела на Крайнем Севере;
- теория обучения и воспитания в школах-интернатах Крайнего Севера⁴⁷⁰.

Д. В. Городенко отмечает, что ИНС по объему и содержанию программ, а также по структуре учебного процесса нельзя отнести к высшим учебным заведениям, а можно лишь говорить о том, что он выступал в качестве школы и техникума⁴⁷¹.

В 1932 г. официальные данные о национальном составе учащихся ИНСа на всех секциях обучения были представлены следующим образом: манси – 18 человек; ханты – 32 человека, ненцы – 40 человек; коми – 1 человек. В 1933–1934 уч. г. прием учащихся от Ямало-Ненецкого округа и Остяко-Вогульского округа отражался в следующих цифрах: ненцы и селькупы – 8 человек, ханты и манси – 17⁴⁷². Понижение количества поступающих можно связать с открытием в 1932 г. в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком округах педагогических техникумов.

В 1930 г. при Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена было открыто Северное отделение, где готовились педагогические кадры для школ Севера. Отдельно бы хотелось отметить, что часть студентов Северного отделения до поступления в институт уже имела определенный педагогический опыт (Таблица 10).

---

⁴⁷⁰ Там же. С. 55.

⁴⁷¹ Городенко Д. В. Образование народов Севера как фактор развития поликультурного пространства региона ... С. 88

⁴⁷² Алексеева Л. В. Социокультурная политика ... С. 97.

Состав учащихся Северного отделения Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена в 1932 г.⁴⁷³

Курсы	Число студентов	Из них		Членов партии	Членов ВЛКСМ	б/п	Со стажем работы в сев. шк.	Не раб. на Севере
		М	Ж					
1 курс	28	21	7	5	4	19	24	4
2 курс	13	5	8	–	10	3	11	2
3 курс	24	11	13	–	18	6	21	3
Курсы	34	23	11	9	19	6	1	33
Итого	99	60	39	14	51	34	57	42

Из представленных количественных показателей видно, что из 65 студентов, обучающихся с 1 по 3 курсы, 56 студентов уже работали в северных школах, то есть 86% обучающихся на Северном отделении Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена в 1933 г. имели общие представления о педагогической работе. Совершенно противоположная ситуация существовала на краткосрочных курсах – из 34 слушателей 33 – не имели опыта работы в школах Севера и цель их обучения как раз и заключалась в получение определенных знаний и умений для осуществления педагогической деятельности.

После окончания Северного отделения выпускники получали право преподавать в школах Севера или в национальных педагогических училищах один из языков северных народностей, русский язык и литературу или историко-экономические дисциплины. С 1933–1934 уч. г. основное отделение перешло на четырехлетний срок обучения, а с 1934 г. срок обучения стал пятилетним.

В целом, в связи с организацией в 1939 г. Педагогического и Учительского институтов (бывший ИНС), назрела необходимость объединения всех учебных заведений Ленинграда, которые занимались подготовкой педагогических кадров для школ Севера, в одно учебное заведение. В 1940 г. было принято решение о

⁴⁷³ Воскобойников М. Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров ... С. 62

передаче студентов-герценовцев для продолжения учебы в Ленинградский педагогический институт народов севера⁴⁷⁴.

Надо отметить, что центральные учебные заведения сыграли определенную роль в повышении образовательного уровня педагогов на Севере Западной Сибири. Так, педагогический состав Ханты-Мансийского национального педагогического училища в конце 1930-х гг. был представлен, в том числе выпускниками Ленинградских учебных заведений. Директор училища Иван Петрович Игнатов окончил Ленинградский пединститут в 1937 г., язык манси преподавала Мария Ивановна Анисимова, окончившая в 1932 г. Высшие курсы при Ленинградском пединституте, язык ханты преподавал Петр Яковлевич Хамзаров, который окончил Ленинградский техникум народов Севера в 1938 г.⁴⁷⁵

В целом, не смотря на обширную работу со стороны центральных вузов по подготовке национальных кадров, эта задача не была решена в 1930-е гг. Студентам достаточно сложно было учиться вдали от дома, имелись определенные трудности с культурной адаптацией, языковым барьером. Безответственный подход к отбору кандидатов проявлялся и в том, что в числе студентов оказывались обучающиеся «неспособные к умственной деятельности»⁴⁷⁶. Также были зафиксированы случаи, когда после каникул студенты не возвращались в вуз. При этом расходы на обучение шли из местного бюджета. Для оптимизации процесса подготовки национальных кадров в начале 1930-х гг. в Ямальском и Остяко-Вогульском округе были открыты педагогические техникумы.

По данным М. Е. Бударина Бюро Уральского комитета Севера 1 февраля 1932 г. приняло решение «Об открытии педтехникума для ненцев в Ямальском округе». «Виду намеченного к открытию в Обдорске с осени 1932 г. ненецкого

---

⁴⁷⁴ Воскобойников М. Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров ... С. 63-64.

⁴⁷⁵ Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ... С. 137.

⁴⁷⁶ Ковлягин М. С. Формирование национальной интеллигенции у аборигенов Нарымского края в 1920-е - 1930-е годы // Исторический ежегодник. 2012. С. 160. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/IE2012/14_Kovlyagin.pdf (дата обращения: 03.05.2015).

педтехникума, предложить Ямальскому окрисполкому немедленно развернуть подготовительную работу по строительству и организации педтехникума, обеспечению его учебными и жилыми помещениями с таким расчетом, чтобы техникум начал свою работу не позднее 1 октября 1932 г., а подготовительное отделение при нем открыть с 1 марта с.г.»⁴⁷⁷.

Л. Е. Киселев писал, что опыт первого набора студентов был неуспешным. Студенты начали обучения в составе 33 человек, однако после каникул 32 студента не вернулись в учебное заведение⁴⁷⁸. Только к 1935 г. работа педагогического техникума в Обдорске стабилизировалась. В 1935–1936 уч. г. общее количество студентов. Обучающихся в техникуме – 68 человек, из них: ненцев – 35, зырян – 27, ханты – 6⁴⁷⁹. Количество обучающихся с каждым годом увеличивалось и к 1938–1939 уч. г. в педагогическом училище (с 1936–1937 уч. г.) обучалось 130 человек, из которых 43 студента (33%) были представители коренных национальностей. 67% обучающихся составляли русские, такое большое количество связано с тем, что к этому времени уже функционировало русское отделение и было разрешено зачислять детей спецпереселенцев⁴⁸⁰.

В целях улучшения ситуации, связанной с подготовкой учителей для национальных школ, на основании постановления Президиума Уральского областного исполнительного комитета от 14 февраля 1932 года № 146 «О хозяйственном и культурном строительстве в северных национальных округах Уральской области» туземное отделение Тобольского педагогического техникума и подготовительная трехгодичная туземная школа были переведены в п. Остяко-Вогульск Остяко-Вогульского национального округа, тем самым создан Остяко-Вогульский национальный педагогический техникум. В 1936 г. он был переименован в Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище. Остяко-Вогульский педагогический техникум стал первым средним специальным

---

⁴⁷⁷ Бударин М. Е. Путь малых народов ... С. 200.

⁴⁷⁸ Киселев Л. Е. Партийное руководство ... С. 170.

⁴⁷⁹ ГКУ «ГА ЯНАО». Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

⁴⁸⁰ Там же. Д. 6. Л. 48.

учебным заведением по подготовке педагогических кадров для национальных школ округа⁴⁸¹.

В 1932 г. на первый курс были переведены 8 учащихся из туземного отделения Тобольского педагогического техникума и 22 учащихся зачислены на приготовительное (подготовительное) отделение. Основной контингент учащихся коренных национальностей был представлен территориями Самаровского, Кондинского и Микояновского районов. Незначительное число детей ханты обучалось из Казыма, Ларьякского и Сургутского районов, детей манси – из Сосьвы⁴⁸².

Г. Т. Величко представляет следующие данные по учащимся основного отделения с 1932 г. по 1940 г. (Таблицы 11, 12).

Таблица 11

Количество учащихся основного отделения Остяко-Вогульского педагогического техникума с 1932 г. по 1940 г.⁴⁸³

Годы обучения	Всего учащихся осн. отделения	В том числе						Кроме того в подгот. отделение
		ханты	манси	ненцев	коми	русских	прочих	
1932/33	12	6	2	1	1	2	–	22
1933/34	21	10	5	1	1	4	–	25
1934/35	46	30	10	1	1	4	–	25
1935/36	47	30	12	–	1	4	–	29
1936/37	91	36	15	–	2	37	1	25
1937/38	147	45	18	–	3	79	2	17
1938/39	152	39	21	1	–	91	–	–
1939/40	153	28	25	1	3	96	–	–

⁴⁸¹ Величко Г. Т. Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище // Просвещение на советском Крайнем Севере ... С. 117.

⁴⁸² Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа. 1932 – 2002 годы : сб. док. / сост. Н. П. Мирошниченко. Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 6.

⁴⁸³ Величко Г. Т. Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище ... С. 118.

**Выпуск Остяко-Вогульского педагогического техникума с 1935 г. по 1940 г.
учителей начальных школ⁴⁸⁴**

Годы	Выпуск всего	В том числе					
		ханты	манси	ненцев	коми	русских	прочих
1935	8	3	1	1	1	2	–
1938	14	7	6	–	–	1	–
1939	30	7	2	–	–	20	1
1940	30	7	–	–	1	22	–

На основе представленных данных можно сделать вывод о том, что в связи с ростом числа национальных семилетних школ в округе и увеличением количества учащихся местных народностей в V-VII классах (вместе с приготовительным отделением училища) росло и число учащихся ханты, манси, ненцев и коми на основном отделении училища.

Количественные показатели первых выпускных лет нельзя назвать значительными, и естественно, что первые выпускники вряд ли смогли изменить ситуацию с качеством подготовки педагогических кадров. Однако практически все они связали свою профессиональную жизнь со школой и внесли свой вклад в культурное развитие региона. Это Валеев Никифор Тимофеевич, Копьев Максим Степанович, Чупров Терентий Иванович, Терёшкин Николай Иванович, Силин Александр Иванович, Могилева Нина Ивановна, Жбанов Александр Николаевич, Николаев Геннадий Иосифович.

Например, Н. И. Терёшкина можно назвать первым ученым-ханты. После окончания техникума Николай Иванович учился в Ленинградском институте народов Севера им. П. Г. Смидовича (с 1930 г. Институт народов Севера ВЦИК). После Великой Отечественной войны Н.И. Терёшкин закончил аспирантуру (кандидат филологических наук) и преподавал на Северном факультете Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Также он являлся сотрудником Института языкознания АН СССР. Николай Иванович заложил

---

⁴⁸⁴ Там же. С. 119.

основы отечественного хантыведения, являлся автором первых букварей и пособий на ваховском и сургутском диалекте хантыйского языка⁴⁸⁵.

А. И. Силин, ветеран педагогического труда, был инспектором Сургутского района по национальным школам. Его заметки и сейчас являются важным документом для понимания образовательной ситуации, существующей в регионе к концу 1930-х гг.

Выпуск Остяко-Вогульского педагогического техникума в 1938 г. насчитывал уже 14 человек. Следует отметить, что почти все выпускники стали работать в национальных школах округа, часть выпускников уехала учиться в г. Ленинград в Институт народов Севера им. Герцена.

Выпускница 1938 г. Пухленкина Хиония Петровна с теплотой вспоминает годы, проведенные в педагогическом техникуме в Остяко-Вогульске. В своих воспоминаниях она описывает бытовые условия обучения: «Поскольку нас было мало, поэтому в здании педтехникума мы учились и жили: на первом этаже было общежитие, а на втором – классные комнаты и актовый зал, в котором проходили вечера художественной самодеятельности»⁴⁸⁶.

Руководство техникума поставило перед собой задачу обеспечить набор ханты, владеющих родным языком, из всех районов округа с тем, чтобы после окончания техникума отправить их на работу в свои районы и таким образом подготовить учителей для районных национальных школ (особенно Казыма, Сургутского и Ларьякского районов).

Преподавателям техникума надо было вести свою работу на четырех (или трех) диалектах, поскольку подготовка учителей осуществлялась для национальных начальных школ всех районов округа, а в Березовском, Сургутском, Ларьякском и Микояновском районах хантыйское население говорило на четырех, отличных друг от друга диалектах (ваховский, сургутский,

---

⁴⁸⁵ Там же. С. 120.

⁴⁸⁶ Из воспоминаний Пухленкиной Хионии Петровны, выпускницы Остяко-Вогульского педагогического техникума 1938 г. (21 марта 2002 года) // Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа. 1932 – 202 годы : сб. док. / сост. Н. П. Мирошниченко. Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. С. 11.

казымский и среднеобский). Письменность, разработанная для средне-обских и казымских ханты, была совершенно непригодна для ваховских и сургутских ханты.

Вместе с теоретической подготовкой учащихся в школе и техникуме большое значение придавалось педагогической практике учащихся. Она включала в себя несколько этапов. На II курсе – посещение детского сада и школы, посещение уроков учителей с целью наблюдения и составления педагогической характеристики ребенка, наблюдения методов и приемов обучения, наблюдения организации внутреннего порядка в школе. На III курсе учащиеся училища начинали давать уроки по разным предметам учебного плана, проводились мероприятия по внеклассной работе⁴⁸⁷.

Эта подготовка заканчивалась в первом полугодии четвертого курса. На IV курсе, кроме пробных уроков, проводилась однодневная практика учащихся, когда практикант в течение полного дня заменял учителя в учебной и внеклассной работе. Завершалась практическая подготовка учащихся двухнедельной педагогической практикой в сельских одно- и двухкомплектных школах Самаровского района, в радиусе 200 км от Самарово, куда добирались на санях.

Для проведения практики пробных уроков существовала базовая начальная школа. Коренное население, владеющее родным языком, находилось от Самарово на расстоянии 300–400 км (за исключением одной школы, которая располагалась в 120 км от Самарово), в базовой школе обучались русские учащиеся⁴⁸⁸.

Двухнедельную практику приходилось по тем же причинам проводить тоже в русских сельских школах – в Самаровском районе была только одна национальная школа. После каждого вида практики в техникуме проводилась заключительная конференция. На конференцию приглашались учащиеся младших курсов, устраивалась выставка материалов педпрактики⁴⁸⁹.

---

⁴⁸⁷ Величко Г. Т. Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище ... С. 127.

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Там же.

Количество студентов техникума, в том числе представителей коренных народов, с каждым годом увеличивалось (Таблица 13).

Таблица 13

Количество учащихся Остяко-Вогульского педагогического техникума в с 1932 г. по 1940 г.⁴⁹⁰

Годы	1932/33	1933/34	1934/35	1936/37	1937/38	1938/39	1939/40
Общее количество учащихся	32	44	56	122	159	Св.нет	153
В том числе народов Севера	29	42	49	80	81	Св.нет	56

Данные таблицы свидетельствуют о том, что значительное увеличение количества учащихся приходится на 1936–1937 уч. г. Это было связано с увеличением количества школ в округе и учащихся в них, и с разрешением детям переселенцев получать средне-специальное образование, а также открытием в 1936 г. заочного отделения.

Увеличение количественных показателей не говорит о повышении качественной подготовки выпускников. Л. В. Алексеева приводит данные, что успеваемость студентов Ханты-Мансийского национального педагогического училища была на уровне 80%⁴⁹¹. Однако в отчете о работе училища за 1940–1941 уч. г. подчеркивалось, что «грамотность учащихся еще не соответствует требованиям, предъявляемым приказом Наркомпроса. Выпускники не получили в полной мере навыков воспитательной и учебной работы»⁴⁹².

Увеличение количественных показателей характерно и для учителей школ Остяко-Вогульского национального округа на протяжении 30-х гг. XX в. (Таблица 14).

⁴⁹⁰ Архивный вестник ... С. 23.

⁴⁹¹ Алексеева Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) ... С. 136.

⁴⁹² Там же. С. 137.

Таблица 14

Количество учителей школ Остяко-Вогульского национального округа с 1931 г. по 1939 г.⁴⁹³

Год	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Кол-во учителей	269	289	444	478	525	513	598	708	751

В целом можно сделать вывод, что количество учителей с 1931 г. по 1939 г. увеличилось почти в 3 раза. Но нам представляется важным определить и уровень образования учителей, работающих в школах Севера Западной Сибири (Таблица 15).

Таблица 15

Состав учителей Остяко-Вогульского национального округа по образовательному уровню с 1933 г. по 1939 г.⁴⁹⁴

Учебный год	Всего учителей	Из них			
		С незаконченным средним образованием	Со средним образованием	С незаконченным высшим образованием	С высшим образованием
1933/34	487	Св. нет	286	Св.нет	11
1936/37	570	240	249	14	18
1937/38	586	149	369	43	25
1938/39	715	160	417	92	49

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что к концу 30-х гг. XX в. только около 7% учителей имели высшее образование. Большинство из них (58%) оставались со средним образованием, 22% учителей работали в школе с незаконченным средним образованием.

Такая же ситуация складывалась и среди учителей из числа коренного населения. В отчете «О состоянии учебно-воспитательной работы в школах Остяко-Вогульского округа» за 1938 г. отмечается, что большинство учителей не имеют законченного педагогического образования. Из 32 учителей ханты и манси

⁴⁹³ Архивный вестник ... С. 22.

⁴⁹⁴ Там же. С. 30.

законченное имеют только 13 человек, а остальные имеют образование 5 – 6 классов⁴⁹⁵, то есть почти 60% учителей, представителей коренных национальностей, имели незаконченное среднее образование.

Основная масса педагогов, как и в 1920-х гг., не имела специального образования, в большинстве своем их профессиональная подготовка осуществлялась за счет краткосрочных педагогических курсов.

Низкая квалификация учителей определяла и низкий качественный уровень результатов обучения школьников, и проблемы в организации образовательного процесса в школах Севера Западной Сибири.

А. И. Силин вспоминает: «По окончании Ханты-Мансийского педучилища я был назначен инспектором Сургутского района по национальным школам. Мне приходилось инспектировать не только национальные школы, но и сельские, и поселковые начальные. Приведу несколько примеров, показывающих совершенную неподготовленность учительских кадров. В Широковской начальной школе учительница не могла следить за временем на уроке, т.к. не понимала часов. На вопрос: «Как Вы следите за временем, почему ваши уроки длятся по часу?» - она ответила: «Я слежу за стрелками. Когда они сойдутся, тогда отпускаю детей на перемену».

[...] Преподаватель истории в одной из семилетних школ при изложении темы «Древний Египет» так приукрашал рассказ отсебятиной, что у учащихся создавалось впечатление, будто их историк сам жил в эти древние времена»⁴⁹⁶.

Подобное проявление низкой профессиональной квалификации было отмечено и инспектором Карымской школы Кондинского района в 1939 г. Учитель истории в 3 классе, освещая тему «Народы, жившие в древности в Сибири и в Восточной Европе» допускал как методические, так и исторические ошибки. Вождя гуннов Атиллу, учитель называл Алли, указывал, что государство хазар образовалось в IV в., и место образования р. Днепр вместо р. Волги. И даже,

---

⁴⁹⁵ КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 117. Л. 106.

⁴⁹⁶ Силин А. И. Народное образование в Сургутском районе в 1920-е-1930-е гг. ... С. 56.

когда сам ученик при повторном опросе правильно указал расположение Хазарского государства, то учитель внес поправку, вновь назвав р. Днепр⁴⁹⁷. На вопрос учащихся: «На каких животных кочевали хазары?». Учитель ответил: «Может на лошадях, может на волах, а может еще на чем-нибудь». На что ученик из класса добавил: «Может на коровах»⁴⁹⁸.

Низкий профессиональный уровень учителей проявлялся не только при объяснении учителями нового материала. Но и при организации итоговых проверок. Инспектор от Остяко-Вогульского ОкрОНО В. М. Елесин почти месяц находился с инспекцией в Березовской средней школе весной 1939 г. В итоге он констатировал низкий уровень организации итоговых контрольных испытаний. В качестве примера наряду с такими предметами как математика, география он отметил и историю. Замечание касалось самой организации контрольного испытания, которое превратилось в обычный фронтальный опрос «ничем не отличающийся от каждодневных учебных занятий»⁴⁹⁹.

Становится очевидным тот факт, что под сомнение можно поставить отчеты школ о результатах успеваемости школьников. Учащиеся Сартыннинской школы Березовского района в 1939 г. продемонстрировали успеваемость на 96,5%, учащиеся Карымской неполной средней школы Кондинского района – 86,6%, в Остяко-Вогульской неполной средней школе – 72%, по отдельным же предметам успеваемость достигла 100%. В перечень предметов, по которым у школьников была 100% успеваемость, входила и Конституция СССР⁵⁰⁰. Естественно, что отчитывающиеся могли рассчитывать на то, что вряд ли их будут перепроверять, а за отрицательные отчеты не похвалят. Приписки в документах - это характерная черта отчетности по успеваемости того времени.

РайОНО не имели возможности систематически контролировать работу школ. Во-первых, был «кадровый голод». Сами отделы народного образования

---

⁴⁹⁷ КУ «Государственный архив Югры». Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 11. Л. 133.

⁴⁹⁸ Там же. Д. 117. Л. 133.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 94.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 107.

были недостаточно укомплектованы инспекторскими работниками. Всю зиму 1938–1939 гг. в Берёзовском и Ларьякском районах не было инспекторов, а в Сургуте заведующего отделом народного образования. Во-вторых, отмечался недостаток бюджета РайОНО - и как следствие нехватка средств на командировки. При территориальной отдаленности школ друг от друга в условиях севера первый же выезд инспектора поглощал все деньги, отпущенные на командировки, и в остальное время в школы уже не выезжали⁵⁰¹.

Самостоятельно руководители школ не всегда могли дать качественную оценку своей деятельности. В отчетной документации школ можно встретить специфические характеристики профессионального уровня руководящих работников. Например, в отчете по Ларьякскому району имеются подобного рода отзывы: «Силён теоретически, но не организатор. Устал в работе и желании работать. Знания замкнул в себе» или «Слабый методист, но подает надежду»⁵⁰².

Таким образом, социалистические преобразования, имевшие место на Севере Западной Сибири в 1920–1930-х гг., требовали соответствующих профессиональных кадров. В рамках культурной модернизации региона необходимы были специалисты из среды коренного населения. Однако на Севере Западной Сибири было явно недостаточно кадров, имеющих высокий уровень педагогической и идеологической подготовки.

С появлением в учебных планах курса «Обществоведение» северные школы столкнулись с определенными трудностями. Одной из них было полное отсутствие квалифицированных кадров, так как специальной вузовской подготовки в рамках данной дисциплины в первые годы советской власти не было. Первыми учителями обществоведения были «бывшие историки», партийные работники, а в отдельных школах и педагоги, имеющие только начальное образование.

---

⁵⁰¹ Там же. Л. 108.

⁵⁰² Там же. Л. 107.

Государство пыталось решить проблему низкой квалификации педагогов через обширную сеть курсов переподготовки и повышения квалификации, но надо признать тот факт, что, если у педагога был изначально крайне низкий уровень общеобразовательной подготовки, краткосрочные курсы не могли вывести такого учителя на принципиально более высокую образовательную ступень. На курсах внимание уделялось общим педагогическим вопросам, а в рамках подготовки к преподаванию обществоведения проводились лишь отдельные занятия, что было недостаточным для помощи учителю в осмыслении нового содержания и методики преподавания данной дисциплины, тем более в национальных школах Севера Западной Сибири. С восстановлением истории как самостоятельного предмета ситуация с кадрами в северных школах кардинально не улучшилось. Поскольку педагоги, получившие образование в 1920-х гг., в связи с отсутствием специальной исторической подготовки в высших учебных заведениях не имели возможности получить профессиональное историческое образование. После открытия исторических факультетов в вузах страны в середине 1930-х гг., ситуация могла улучшиться, но первые выпуски должны были состояться только к концу 30-х гг. XX в. и их выпускники пока еще не стали работать по специальности. Ближайший территориально Тобольский учительский институт сделал выпуск учителей истории только в июне 1941 г.

В 1930-х гг. активизировалась работа по подготовке национальных кадров, но надо отметить, что в большинстве своем это были учителя для начальных национальных школ, в которых только происходило первичное знакомство школьников с содержанием таких дисциплин как «История» и «Обществоведение». В большинстве своем учителя, представители коренных национальностей, имели низкий уровень знаний по историко-обществоведческим дисциплинам.

Педагоги, работающие в неполных средних школах региона, не демонстрировали высокий профессиональный уровень в преподавании истории и обществоведения. Они допускали как теоретические, так и методические ошибки,

а отсутствие систематического контроля за их деятельностью, ситуативность в организации курсов повышения квалификации и почти полное отсутствие методической литературы по предмету не позволяла им провести рефлексию своей деятельности и заняться самообразованием.

Государственная политика в области подготовки учительских кадров для школ Севере Западной Сибири имела свои положительные результаты, которые получили выражение именно в количественных показателях, однако качественная подготовка учителей для северных школ оставалась на низком уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С приходом к власти большевиков начинаются социалистические преобразования, которые проявились в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Начавшиеся трансформационные сдвиги в общесоюзном масштабе имели свои особенности в отдельных регионах. Модернизационные процессы на Севере Западной Сибири носили «догоняющий характер», это было связано с условиями, которые изначально существовали в данном регионе (периферийность района, традиционный характер хозяйства, отсутствие рабочего класса, высокий процент неграмотности среди местного населения и т.д.).

В рамках перехода от традиционного общества к индустриальному отдельное внимание уделялось созданию советской системы образования. Процесс строительства новой школы, начиная с 1917 г., имел характер принципиальных изменений, которые нашли отражение и в историко-обществоведческом образовании, поскольку такие дисциплины как история и обществоведение обладают мощным идеологическим потенциалом, и именно через их преподавание находили реализацию определенные идеологические установки советской власти.

В рамках содержания государственной политики в области становления и развития историко-обществоведческого образования в исследуемый период условно можно выделить два этапа.

На первом этапе, длившемся с начала 1920-х гг. до середины 1920-х гг., происходило отступление от преподавания истории и становление обществоведения как учебной дисциплины, также происходила замена предметного принципа обучения комплексным подходом. При решении вопроса, связанного с трансформацией содержательного аспекта историко-обществоведческих дисциплин, представители Наркомпроса предоставили инициативу губерниям. Школы на местах в начале 20-х гг. XX в. должны были

составлять образовательные программы самостоятельно. На Севере Западной Сибири в начале 1920-х гг. необходимые для этого условия созданы не были. Из-за частого районирования отсутствовала четкая система управления образованием, профессиональная подготовка педагогических кадров была на крайне низком уровне, в связи с этим предметный принцип преподавания продолжал превалировать в школьном образовании.

Подобная ситуация сохранялась в северных школах и в начале второго этапа развития историко-обществоведческого образования (середина 1920-х гг. – конец 1930-х гг.). Несмотря на то, что в середине 1920-х гг. были разработаны обязательные учебные программы, дополнительно в 1926 г. были изданы программы для северных школ с учетом национальных особенностей региона. Обществоведение, как комплексная дисциплина, в школах Обского Севера полноценного распространения не получила. Руководство Наркомпроса вело разъяснительную работу по вопросам конструирования содержания образовательных программ, однако местные органы власти и учителя школ не были готовы взять на себя ответственность за глубокую трансформацию содержания комплексных программ ГУСа. Необходимо учитывать, что комплексные программы второй половины 1920-х гг. предполагали тесную связь с производственным трудом, но на Севере Западной Сибири это было практически невозможно осуществить из-за ограниченности экономических возможностей региона (отсутствие заводов, фабрик) в 20-х гг. XX в.

Перестройка системы исторического образования во второй половине 1930-х гг. также не дала качественного результата. Восстановление истории в качестве отдельного предмета в школах Севера Западной Сибири заняло определенное время. К концу 1930-х гг. учащиеся северных школ обладали крайне низким уровнем знаний исторического материала, не владели понятийным аппаратом, сформированные у учащихся исторические образы не соответствовали эпохам. Причины таких результатов, на наш взгляд, обусловлены слабой материально-технической базой, постоянной нехваткой средств, выделяемых на

образование, низкой квалификацией педагогических кадров, отсутствием связи между организацией учебного процесса и этнопсихологическими особенностями детей коренных народов Севера.

В условиях кардинальных изменений школы перед государственными органами народного образования стояла задача создания комплекса совершенно новой учебной литературы. На первом этапе становления историко-обществоведческого образования шел поиск образовательных ресурсов, которые могли бы способствовать достижению поставленных целей. Учитывая острую нехватку учебников и методических пособий, руководство позволило педагогам использовать в образовательном процессе отдельные дореволюционные издания, которые были, как правило, только в городских школах. В образовательных учреждениях отдаленных районов Севера даже подобного рода литературы было недостаточно либо она вообще отсутствовала. Основным источником знаний в национальных школах по всем вопросам должен был выступать сам учитель. Педагог же не был в полной мере к этому готов, так как необходимо было не только владеть теоретическим материалом предмета, но и учитывать в системе преподавания историю, культурные особенности и хозяйственное развитие северных народов, проживающих на этой территории. Этим материалом учителя, закончившие только педагогические курсы, не владели. Ситуация усугублялась еще и языковым барьером.

На втором этапе развития историко-обществоведческого образования в связи с изменениями целеполагания уже не представлялось возможным вести обучение по старым пособиям. Необходимы были новые учебники по историко-обществоведческому циклу, основу которых бы составляло изучение обществоведения, а со второй половины 1930-х гг. возникла потребность издания учебников по истории. На местах в 30-х гг. XX в. ситуация осложнялась необходимостью издания учебников на национальных языках. К концу 1930-х гг. вопрос со снабжением учебной литературой дисциплин историко-обществоведческого цикла школ Севера Западной Сибири так и не был решен.

Организация учебного процесса тоже подверглась реорганизации. В общесоюзном масштабе разрабатывались новые образовательные технологии, предлагались приемы работы, направленные на стимулирование самостоятельной активности школьников, требовалась взаимосвязь учебных предметов с окружающей действительностью. Однако в условиях отсутствия качественной педагогической литературы, а также неготовности учителей северных школ к методическому творчеству в реальной практике использовалась в основном вопросно-ответная система, в качестве основных методов были распространены рассказ и конспектирование, не учитывались и познавательные особенности детей коренных народов, всё это не могло способствовать достижению поставленных целей в области историко-обществоведческих дисциплин.

Одним из важнейших условий формирования новой образовательной системы являлась соответствующая кадровая политика государства. В рамках этого вопроса новой власти необходимо было решать ряд проблем: 1) провести переподготовку учителей, имеющих дореволюционное образование; 2) обеспечить качественную подготовку учителей нового поколения; 3) ликвидировать дефицит учительских кадров.

Вопрос, связанный с профессиональной подготовкой и политическим воспитанием школьных работников для средних учебных заведений Севера Западной Сибири стоял особенно остро, поскольку данная территория резко отставала от центральных районов страны по уровню общеобразовательной подготовки учителей. На должность педагога принимались выпускники начальных и неполных средних школ, которые часто сами не владели программным материалом.

Вклад в дело подготовки педагогических кадров для школ, находящихся на Севере Западной Сибири, внесли Тюменский и Тобольский педагогические техникумы, Северное отделение рабфака при Ленинградском институте живых Восточных языков, Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, Северное отделение при педагогическом институте им. А. И. Герцена, а также

открывшиеся в 1930-х гг. Остяко-Вогульский педагогический техникум и педагогический техникум в Обдорске. Следует отметить, что в этих учебных заведениях осуществлялась общепедагогическая подготовка преимущественно учителей для начальной школы.

Существовала необходимость не только подготовить новые кадры, но и повысить квалификацию практикующих учителей. Большую роль в решении поставленной задачи играли курсы подготовки и переподготовки учителей, организацию которых обеспечивали местные органы управления образованием. С содержательной точки зрения на курсах преимущественно раскрывались общепедагогические вопросы (методы «первоначального обучения», организация детской среды, реализация программ ГУСа и др.). Педагогические курсы, направленные на подготовку учителей в конкретной предметной области, в том числе по историко-обществоведческим дисциплинам, в регионе проводились крайне редко. Это было связано с расширением сети начальных школ на Ямале и в Югре. Перед руководством местных отделов народного образования стояла задача – обеспечить эти школы педагогами, способными организовывать полноценный учебный процесс.

Можно констатировать, что государственная политика в области историко-обществоведческого образования на территории Севера Западной Сибири в 1920–1930-е гг. не была статичной и изменялась в зависимости от выдвинутых на первый план целей образования, это находило отражение в конкретных мероприятиях. При условии отсутствия четких и понятных учебных программ и подробных методических рекомендаций, а также специальной литературы в широком доступе и низкой квалификации учителей в преподавании историко-обществоведческих дисциплин в национальных школах цели, поставленные перед историко-обществоведческими дисциплинами в школах Севера Западной Сибири, в полной мере достигнуты не были.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные источники

Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сборник документов. 1917-1947 : приложение к журналу Советская педагогика / сост. Н. И. Болдырев. – М.-Л. : АПН РСФСР, 1947 – 302 с.
2. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918-1975 гг. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. – 392 с.
3. История культурного строительства в СССР: документы и материалы, 1917-1977. Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы, 1917-1920 / сост. Л. И. Давыдов [и др.]. ; ред. В. А. Куманев. – М. : Сов. Россия, 1983. – 460 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 2. – 494 с.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с.
6. Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. А. М. Данев. – М. : Учпедгиз, 1948. – 479 с.
7. О начальной и средней школе : Постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг. 1931 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 156-161.
8. О плане организации факультетов Общественных Наук Российских университетов : Декрет СНК РСФСР от 04.03.1921 // Библиотека нормативно-

правовых актов СССР. – Режим доступа:
http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_867.htm.

9. О преподавании гражданской истории в школах СССР : Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП (б) // Правда. – 1934. – № 133. – 16 мая. – С. 1.

10. О преподавании обществоведения в школах II ступени, фабзавуча и крестьянской молодежи : Постановление ЦК ВКП(б) от 18 янв. 1927 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 151-152.

11. О просветительной работе среди национальных меньшинств в РСФСР : Постановления СНК РСФСР по докладу Наркомпроса от 18 июля 1926 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 31-32.

12. О свободе совести, церковных и религиозных обществах : Декрет СН от 20 янв. 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 12-13.

13. О структуре начальной и средней школы постановлением : СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Правда. – 1934. – № 133. – С. 1.

14. О школах национальных меньшинств : Постановление Наркомпроса от 31 окт. 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 145.

15. Об избах-читальнях циркуляр ВЦИК и СНК РСФСР // Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / сост.: И. Ф. Заколоткин, А. А. Подземский ; под общ. ред. В. Н. Касаткина. М.-Л. : Гос. изд-во, 1929. С. 497.

16. Об общем состоянии народного просвещения : Постановление XIII Всероссийского съезда Советов от 16 апр.1927 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 33-38.

17. Об открытии исторических факультетов в университетах // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. – 1934. – № 12. – 12 апр. – С. 5.

18. Об утверждении положения о льготах для лиц работающих на Крайнем Севере РСФСР : Положение ВЦИК и СНК // Советский Север. – 1932. – № 3. – С. 150-152.

19. Об учебниках для начальной и средней школы. Из постановления ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. // Справочник партийного работника. – М., 1934. – Вып. 8. – С. 351.

20. Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе : Постановление ЦК ВКП(б) от 25 авг.1932 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 161-164.

21. Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры : Декрет Совета Народных Комиссаров от 11 февр. 1921 г. // Известия ВЦИК. – 1921. – 16 фев.

22. Основные принципы единой трудовой школы РСФСР // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 137-145.

23. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению, 16 октября 1918 г. – Минск : Университетское, 1988. – 30 с.

24. Основные узаконения и распоряжения по народному просвещению / сост.: И. Ф. Заколоткин, А. А. Подземский ; под общ. ред. В. Н. Касаткина. – М.-Л., 1929.

25. Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : Утверждено на заседании ВЦИК 30 сент. 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов [и др.]. М., 1974. С. 133-137.

26. Программа РКП(б) 18-23 марта 1919 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 18.

27. Развитие ленинского учения о единой трудовой политехнической школе в документах и практической деятельности КПСС и Советского социалистического государства (1917-1987 гг.) : сб. науч. тр. / отв. ред. М. Н. Колмакова. – М. : Изд-во АПН СССР, 1987. – 174 с.

28. Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю. П. Прибыльский. – Тюмень : Вектор Бук, 2002. – 336 с.

29. Устав единой трудовой школы : утв. СНК РСФСР 18 дек. 1923 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – С. 146-150.

Делопроизводственная документация

30. Из докладной записки заведующего ГубОНО – о положении народного образования в северных уездах Тюменской губернии от 1 июня 1923 года в Березовском и Сургутском // Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю. П. Прибыльский. – Тюмень : Вектор Бук, 2002. – С. 34-35.

31. Из информационного письма Тобольского окружного отдела народного образования – о работе учебно-воспитательных учреждений округа от 9 мая 1926 г. // Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю. П. Прибыльский. – Тюмень : Вектор Бук, 2002. – С. 34-35

32. Из отчетного доклада Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) VII окружной партконференции – о состоянии культуры в округе. От 5 марта 1940 г.

// Из истории культурного строительства в Тюменской области : сб. док. 1918-1975 гг. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 183.

33. Из справки председателя Тюменского окрпроса Чазова – об истории Тюменского окружного отдела Союза работников просвещения (1919 –1924 гг.) // Тюменская школа в XX веке : хрестоматия / науч. ред. Ю. П. Прибыльский. Тюмень, 2002. С. 41.

34. Иоаннисиани, А. История в школе II ступени. (Из стенограммы доклада в методической секции Общества историков-марксистов) / А. Иоаннисиани // Историк-марксист. – 1927. – Т. 3. – С. 153.

35. Крупская, Н. К. О культурной работе в деревне (тезисы содоклада и содоклад на XIII съезде РКП (б) по вопросу о работе в деревне) / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения : в 10 т. Т. 7: Основы политико-просветительной работы / под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. – М. : Акад. пед. наук, 1959. – 751 с.

36. Крупская, Н. К. Советская школа. Доклад на I Всесоюзном Учительском Съезде / Н. К. Крупская. – М. : Работник просвещения, 1925. – 22 с.

37. Луначарский, А. В. Проблемы образования в автономных республиках и областях / А. В. Луначарский // Жизнь национальностей. – 1924. – №. 1. – С. 31-33.

38. Материалы по образовательной работе в трудовой школе: М. : Лит.-Изд. Отдел Народного Комиссариата по Просвещению, 1919. – Вып. 1. – 47 с.

39. Народный Комиссариат просвещения. Отдел Единой трудовой школы. Примерные программы для I и II ступни ступени Единой трудовой школы. – М. : ГИЗ, 1920.

40. Новые программы единой трудовой школы I ступени. М. : ГИЗ, 1925.

41. О деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский ; под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клабуновского. – М.-Л. : ОГИЗ, 1931. – 490 с.

42. Первый Уральский областной учительский съезд. Стенографический отчет. – Свердловск : Уралкнига, 1925. – 156 с.

43. Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. / М. Н. Покровский // Вестник Коммунистической академии. – М., 1928.

44. Примерная программа единой трудовой школы I и II ступени. – М. : Госиздат, 1920. – 15 с.

45. Программы и методические записки единой трудовой школы. – М.-Л., 1927. – Вып. 3, Вып. 5.

46. Программы и методические записки единой трудовой школы. Вып. 1. Городские и сельские школы I ступени. – М.-Л. : ГИЗ, 1927.

47. Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик 1919-1924 гг. / редкол. М. П. Ким. – М. : Наука, 1985. – 231 с.

48. Сталин, И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. / И. В. Сталин // Сочинения. – М., 1947. – Т. 5.

49. Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа. 1932 – 202 годы : сб. док. / сост. Н. П. Мирошниченко. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 108 с.

50. Тезисы о преподавании основных учебных предметов. – М. : ГИЗ 1919.

51. Указания к программам для неполной средней и средней школы. – М.-Л., 1934. – Вып. 1.

52. Учебные планы Наркомпроса. М. : ГИЗ, 1920. – 73 с.

Периодическая печать

53. На путях к новой школе. Печатный орган научно-педагогической секции ГУСа. М., 1925–1932.

54. Народное просвещение. Ежемесячный журнал. М., 1923, 1924.

55. Омская правда. Областная газета. Омск, 1935.

56. Остяко-Вогульская правда (Ханты-Манчи шоп). Ежедневная газета. Остяко-Вогульск, 1933–1940.

57. Правда. Ежедневная центральная газета. М., 1921, 1933.

58. Трудовой набат. Ежедневная газета. Тюмень, 1921–1925.

Документы личного происхождения

59. Арефьева Ольга Владимировна – фондообразователь Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] / Ханты-Мансийский автономный округ – Югра : единый офиц. сайт гос. органов. – Режим доступа: <http://www.arhivugra.admhmao.ru/>

60. Из воспоминаний Пухленкиной Хионии Петровны, выпускницы Остяко-Вогульского педагогического техникума 1938 г. (21 марта 2002 года) // Страницы истории Ханты-Мансийского педагогического колледжа. 1932 – 202 годы : сб. док. / сост. Н. П. Мирошниченко. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 108 с.

61. История и современность. Воспоминания сотрудников обско-угорского института прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006.

62. История школы в истории судеб : сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. – Екатеринбург : СОКРАТ, 2004. – 336 с.

63. Книга Почета города Ханты-Мансийска [Электронный ресурс] / Ханты-Мансийск : офиц. портал органов местного самоуправления. – Режим доступа: http://admhmansy.ru/city/kniga-pocheta/kniga-khanty-mansiyska/?PAGEN_1=2.

64. Силин, А. И. Народное образование в Сургутском районе в 1920-е-1930-е гг. / А. И. Силин // Югра. – 2001. – № 5. – С. 56-60.

Статистические материалы

65. Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. / сост. Л. В. Набокова. – Ханты-Мансийск, 2000. – 40 с.

66. Вопросы руководства просвещением Урала (материалы ко II-му областному съезду по народному образованию). – Свердловск, 1927. – 224 с.

67. Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. – М. : Статистика, 1977. – 448 с.

Неопубликованные источники

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

68. Ф. А–296. Совет по просвещению народов нерусского языка (Совнацмен) НКП РСФСР (1921-1925 гг.). Центральный совет по просвещению национальных меньшинств РСФСР (Центросовнацмен) НКП РСФСР (1925-1929 гг.). Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР (Комнац) НКП РСФСР (1929-1934 гг.) (Оп. 1. Д. 72, Д. 123, Д. 162, Д. 205, Д. 236, Д. 247, 296).

69. Ф. А–298. Государственный ученый совет (ГУС) (Оп. 1. Д. 13, Д. 52).

70. Ф. А–2313. Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет) при наркомате просвещения РСФСР (Оп. 4. Д. 42).

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

71. Ф. 12. Надежда Константиновна Крупская (Оп. 1. Д. 176, Д. 182, Д. 198, Д. 203, Д. 341).

72. Ф. 17. Центральный комитет РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б) (Оп. 120. Д. 356, Д. 358, Д. 359).

73. Ф. 142. Луначарский Анатолий Васильевич (Оп. 1. Д. 190, Д. 203).

74. Ф. 475. Политуправление Главморпути при Совмине СССР (Оп. 2. Д. 294).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

75. Ф. Р–233. Свердловский областной отдел народного образования (Оп. 1. Д. 34, Д. 66, Д. 68, Д. 91, Д. 98, Д. 146, Д. 255, Д. 314, Д. 456, Д. 823, Д. 1850).

76. Ф. Р–241. Плановая комиссия исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся (Оп. 2. Д. 2567).

77. Ф. Р–677. Свердловское областное бюро краеведения (Оп. 1. Д. 4).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

78. Ф. Р–80. Тюменский губернский отдел народного образования (Оп. 1. Д. 5, Д. 17, Д. 23, Д. 142, Д. 183, Д. 187, Д. 193; Оп. 3. Д. 5, Д. 11).

79. Ф. Р–84. Тюменский окружной отдел народного образования (Оп. 1. Д. 31, Д. 33, Д. 35, Д. 53, Д. 70, Д. 160, Д. 170).

80. Ф. 500. (Оп. 1. Д. 3, Д. 12, Д. 13).

81. Ф. Р–689. Тюменское педагогическое училище (Оп. 1. Д. 35, Д. 36, Д. 94).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

82. Ф. П–23. Обско-Иртышский Обком ВКП (б) (Оп. 1. Д. 21).

83. Ф. П–30. Тобольский окружной комитет партии (Оп. 1. Д. 144, Д. 381, Д. 387, Д. 543).

84. Ф. П–107. Ханты-Мансийский окружной комитет ВКП (б). Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС Тюменской области. Культурно-пропагандистский отдел (Оп. 1. Д. 224, Д. 298, Д. 463, Д. 464).

85. Ф. 3929. Тюменский окружной профессиональный союз работников просвещения (Оп. 1. Д. 7).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ»

86. Ф. Р–167. Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО) (Оп. 1. Д. 3, Д. 37).

87. Ф. Р–495. Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского районного Совета народных депутатов, г. Тобольск Тюменской области (1924-1977 гг.) (Оп. 1. Д. 3, Д. 5, Д. 6, Д. 7).

88. Ф. Р–676. Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Оп. 1. Д. 2, Д. 6).

КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО
ОКРУГА – ЮГРЫ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ»

89. Ф. Р–5. Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (Оп. 1. Д. 20, Д. 51, Д. 51 а, Д. 117).

90. Ф. Р–42. Ханты-Мансийское педагогическое училище (колледж) Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 4).

91. Ф. Р–415. Лоскутов Аркадий Николаевич – кавалер ордена Ленина (Оп. 1. Д. 73).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»

92. Ф. 2. Обдорский районный Совет рабочих, крестьянских депутатов и его исполнительный комитет (Оп. 1, Д. 25).

93. Ф. 3. Ямало-Ненецкий окружной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет (Оп. 1. Д. 5, Д. 6).

АРХИВНЫЙ ОТДЕЛ АДМИНИСТРАЦИИ Г. СУРГУТА

94. Ф. Р–12. Сургутский отдел народного образования Сургутского района Тюменской области (Оп. 1. Д.3).

Исследовательская литература

95. Абдулраб, С. А. Партийно-государственная политика в области народного просвещения и ее реализация в центральном Черноземье (1928-1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Абдулраб. – Воронеж, 1995.

96. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII - XX вв.). / под ред. В. П. Петровой. – Тюмень, 2003. – 304 с.

97. Алексеева, Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.) / Г. Д. Алексеева. – М. : Наука, 1968. – 468 с.

98. Алексеева, Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917 – 1941 годах: Национально-государственное строительство и население / Л. В. Алексеева. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2005. – 263 с.

99. Алексеева, Л. В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты / Л. В. Алексеева. – Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2003. – 251 с.

100. Алексеева, Л. В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) / Л. В. Алексеева. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 194 с.

101. Алексеева, Л. В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.) : монография / Л. В. Алексеева. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. – 245 с.

102. Аллабердина, Г. И. Становление и развитие школьного исторического образования в СССР и Российской Федерации : дис. ... канд. ист. наук / Г. И. Аллабердина. – Уфа, 2003. – 254 с.

103. Алленова, В. А. Реформа высшего исторического образования 1934 – 1940 годов и предшествующий опыт университетской подготовки кадров историков / В. А. Алленова // Развитие исторического образования в СССР : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Чесноков. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1986. – С. 74.

104. Анайкина, Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922-1991 гг.) : монография / Л. И. Анайкина. – М. : В. Секачев, 2001. – 304 с.

105. Андреевская, Н. В. Методика преподавания истории в семилетней школе / Н. В. Андреевская, В. Н. Вернадский. – М. : Учпедгиз, 1947. – 215 с.

106. Артёменко, О. И. Культура и образование коренных малочисленных народов Севера / О. И. Артёменко. – М. : ИНПО, 2007. – 192 с.

107. Базанов, А. Г. Школа на Крайнем Севере / А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский. – Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР. Ленинград. отд-ние, 1939. – 207 с.

108. Балашов, Ю. В. Психолого-педагогические особенности обучения учащихся национальных школ Севера (на примере национальных школ Ханты-Мансийского автономного округа) / Ю. В. Балашов // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 4. – Ч. 1. – С. 27-31.

109. Барулина, Л. С. Становление и развитие отечественного исторического образования в российской школе : дис. ... канд. пед. наук / Л. С. Барулина. – М., 1998. – 224 с.

110. Белицкая, М. А. Реализация государственной политики в сфере высшего профессионального образования в Нижнем Поволжье в 1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Белицкая. – Астрахань, 2012. – 20 с.

111. Белич, И. В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов севера-западной Сибири : монография / И. В. Белич. – Тобольск : ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. – 127 с.

112. Белканов, Н. А. Советская школа и педагогика 1920-х годов в призме педагогической советологии : монография / Н. А. Белканов. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина ; Волгоград : ВГПУ, 2002. – 296 с.

113. Беллярминов, И. И. Элементарный курс всеобщей и русской истории /И. И. Беллярминов. 32 изд-е. М., 1916.

114. Богданов, В. И. Государственная политика СССР в области военного обучения студентов в 1926-1941 годах: На примере вузов Ленинграда : дис. ... канд. ист. наук / В. И. Богданов. – СПб., 2000. – 213 с.

115. Бударин, М. Е. Из истории социалистического строительства у малых народностей Северо-Западной Сибири / М. Е. Бударин // Ученые записки Омского государственного педагогического института имени А.М. Горького. – Омск, 1958. – Вып. 9.

116. Бударин, М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири / М. Е. Бударин. – Омск : Омск. областн. гос. изд-во, 1952. – 188 с.

117. Бударин, М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму / М. Е. Бударин. – Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Омск. отд-ние, 1968. – 476 с.

118. Бунеева, Т. К. Проблема коллективных форм обучения в педагогической теории и практике советской школы (1917-1931 гг.) : дис. ... канд. пед. наук / Т. К. Бунеева. – М., 1975. – 212 с.

119. Буткевич, А. Обско-Иртышская область во II-й пятилетке / А. Буткевич. – Тюмень : ОбиртышОГИЗ, 1934. – 52 с.

120. Бущик, Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР / Л. П. Бущик. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 537 с.

121. Веселов, М. О. Учебные планы начальной и средней школы: сравнительный анализ / О. М. Веселов. – М. : Гос. учеб. пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939.

122. Волобуев, О. В. Методическая секция общества историков-марксистов в борьбе за преподавание истории в школе (1926 – 1931 гг.) / О. В. Волобуев, А. С. Кузина // Развитие исторического образования в СССР : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1986. – С. 61-63.

123. Волынец, А. Учебник русской истории от Петра до Иосифа [Электронный ресурс] / А. Волынец // Русская планета. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/uchebnik-russkoy-istorii-ot-petra-do-iosifa.html>.

124. Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири / под общ. ред. Ф. А. Лукинского. – Новосибирск, 1976. – 379 с.

125. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. – 1929. – Т. 11. – С. 216-258.

126. Вяземский, Е. Е. Становление и развитие системы школьного исторического образования в современной России : дис. ... д-ра пед. наук / Е. Е. Вяземский. – М., 2004. – 455 с.

127. Гайдамакин, А. В. Власть и реорганизация высшей и средней сельскохозяйственной школы Западной Сибири (середины 20-х – 30-е годы XX столетия) : монография / А. В. Гайдамакин. – Омск, 2005. – 189 с.

128. Ганелин, Ш. И. Основные вопросы советской дидактики / Ш. И. Ганелин, М. Н. Салтыкова, О. Е. Сыркина. – М. : Работник просвещения, 1929. – 215 с.

129. Гогин, Д. Ю. Государственная образовательная политика Российской Федерации на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук / Д. Ю. Гогин. – М., 2005. – 218 с.

130. Гончаренко, О. Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917-1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Н. Гончаренко. – Тюмень, 2005. – 26 с.

131. Городенко, Д. В. Образование народов Севера как фактор развития поликультурного пространства региона (на примере Ханты-Мансийского

автономного округа – Югры) : монография / Д. В. Городенко. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2013. – 143 с.

132. Городенко, Д. В. Просвещение народов Севера: на материале Ханты-Мансийского автономного округа : учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. завед / Д. В. Городенко. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – 84 с.

133. Гришанов, П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926-1937 гг.) : учеб. пособие / П. В. Гришанов. – Челябинск : ЧГПИ, 1982. – 96 с.

134. Дайч, З. Г. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства; перспективы развития / З. Г. Дайч ; под ред. Л. В. Кривцуна. – М., 1991.

135. Данилов, В. Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества / В. Н. Данилов. – Саратов : Науч. кн., 2005. – 192 с.

136. Денисова, Л. Н. Всеобщее среднее образование и социальный прогресс села / Л. Н. Денисова ; отв. ред. и авт. предисл. акад. М. П. Ким. – М. : Наука, 1988. – 176 с.

137. Дзюбинский, С. Д. Очерки методики обществоведения в школе II ступени / С. Д. Дзюбинский, Б. Н. Жаворонков, С. П. Сингалевич. – Казань : Татиздат, 1927.

138. Днепров, Э. Д. Школьная политика: содержание понятия и аспекты изучения (на материалах дореволюционной России / Э. Д. Днепров // Школа России накануне и в период революции 1905-1907 гг. : сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 25-55.

139. Епифанова, П. П. Становление и развитие школьного гуманитарного образования в Советской России (1917 – 1939 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / П. П. Епифанова. – М., 2009. – 215 с.

140. Жаворонков, Б. Н. Подвижная лаборатория по обществоведению / Б. Н. Жаворонков, С. Н. Дзюбинский. – Л., 1926.

- 141.** Жаворонков, Б. Н. Работа обществоведа. Методические очерки / Б. Н. Жаворонков. – Л. : Госиздат, 1926. – 82 с.
- 142.** Загороднюк, Н. И. Культурная жизнь спецпереселенцев / Н. И. Загороднюк // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. : мат-лы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф., посвящ. памяти П. П. Чукомина. – Тобольск, 1998. – С. 59-62.
- 143.** Замысловская, Е. К. Рассказы по истории / Е. К. Замысловская. – М.-Пг., 1923.
- 144.** Замысловская, Е. К. Хрестоматия по русской истории / Е. К. Замысловская. – М., 1923.
- 145.** Зиновьев, М. А. Основные вопросы методики преподавания истории: руководство для преподавателей истории средней школы / М. А. Зиновьев. – Л.-М. : АПН РСФСР, 1948. – 236 с.
- 146.** Иванчина, А. Г. Партийно-государственная кадровая политика в области педагогического образования в Российской Федерации 1928-1941 годы : автореф. ... канд. ист. наук / А. Г. Иванчина. – М., 1993. – 19 с.
- 147.** Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. / В. А. Ищенко [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. – 383 с.
- 148.** Ишбаев, М. М. Выход в свет: Становление национальной школы в Ларьякском районе / М. М. Ишбаев. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. – 112 с.
- 149.** Казакова, Н. С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа в 1931-1941 гг. : дис. ... к.и.н. / Н. С. Казакова. – Нижневартовск, 2009.
- 150.** Кан, С. Практика преподавания истории в средней школе. За повышение квалификации преподавателей истории (Из опыта проверки из знаний) / С. Кан // Борьба классов. – 1934. – № 5-6. – С. 55-59
- 151.** Кантор (Давыдов), Е. Д. Советская школа и учитель / Е. Д. Кантор (Давыдов). – М., 1924.

152. Киселев, Л. Е. От патриархальщины к социализму (Опыт КПСС по социалистическому преобразованию в национальных районах Севера) / Л. Е. Киселев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. – 268 с.

153. Киселев, Л. Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.) / Л. Е. Киселев. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 236 с.

154. Киселев, Л. Е. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере: В помощь лектору и пропагандисту / Л. Е. Киселев, Г. А. Мазуренко. – Тюмень, 1967. – 38 с.

155. Ковлягин, М. С. Национальная школа у коренных народов Среднего Приобья в 1920–1930-е годы: проблемы формирования / М. С. Ковлягин // Вестник НГУ. История, филология. – 2009. – Т. 8.– Вып. 1. – С. 151-154.

156. Ковлягин, М. С. Формирование национальной интеллигенции у аборигенов Нарымского края в 1920-е - 1930-е годы [Электронный ресурс] / М. С. Ковлягин // Исторический ежегодник. – 2012 – С. 155-168. – Режим доступа: http://www.history.nsc.ru/website/historyinstitute/var/custom/File/IE2012/14_Kovlyagin.pdf.

157. Козлова, Л. А. Институт красной профессуры (1921-1938 годы): исторический очерк / Л. А. Козлова // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 96-112.

158. Колокольникова, З. У. Краткосрочные курсы как форма подготовки учителей национальной школы в 20-30-е гг. XX века [Электронный ресурс] / З. У. Колокольникова, О. А. Казанкова. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/32_PRNT_2013/Pedagogica/2_148186.doc.htm.

159. Кондакова, И. Э. Образовательная политика: содержание понятия / И. Э. Кондакова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб. – 2010. – № 128. – С. 116-125

160. Константинов, Н. А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1948. – 471 с.

161. Королев, Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики 1917-1920 / Ф. Ф. Королев. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 552 с.

162. Королев, Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики 1921-1931 / Ф. Ф. Королев, Т. Д. Корнейчик, З. И. Равкин ; под ред. Ф. Ф. Королева, В. З. Смирнова. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 508 с.

163. Корякин, А. Н. Становление и развитие школьного образования в Вятском регионе в 1917-1941 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Корякин. – Киров, 2013. – 23 с.

164. Котомкина, Е. А. Из истории народного образования в России в 1917-1932 гг. / Е. А. Котомкина. – Тверь : Лилия Пронт, 2002. – 244 с.

165. Кравцова, В. Г. Очерки истории народов Северо-Западной Сибири / В. Г. Кравцова. – М. : Соцэргиз, 1937. – 132 с.

166. Кривошеев, Ю. В. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века / Ю. В. Кривошеев, А. Ю. Дворниченко // Историография, источниковедение, методы исследования. – 1994. – № 3. – С. 143-158.

167. Кривцов, С. С. Место истории в программах общественно-экономических вузов / С. С. Кривцов // Историк-марксист. – 1926. – Т. 2. – С. 225.

168. Кронгауз, Ф. Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере / Ф. Ф. Кронгауз. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1948. – 122 с.

169. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 10-ти т. Т. 2: Общие вопросы педагогики. Организация народного образования / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. – М. : Акад. пед. наук, 1958. – 735 с.

170. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 10-ти т. Т. 7: Основы политико-просветительной работы / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. – М. : Акад. пед. наук, 1959. – 751 с.

171. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения : в 11-ти т. Т. 3: Обучение и воспитание в школе / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. – М. : Акад. пед. наук, 1959. – 798 с.

172. Кудрявцев, А. Е. Очередные вопросы методики обществоведения на второй ступени: Опыт методического исследования / А. Е. Кудрявцев. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1925. – 222 с.

173. Кудрявцев, А. Е. Этапы исторического образования в трудовой школе / А. Е. Кудрявцев // Преподавание истории в школе. – 1990. – № 2.

174. Кузнецова, Е. В. Становление и развитие народного образования в Западной Сибири (1921-1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Кузнецов. – Кемерово, 1995. – 22 с.

175. Культурное развитие советской сибирской деревни / отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1980. – 384 с.

176. Ленин, В. И. Государство и революция. Опыт 1848-1851 годов / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 33. – С. 1-120.

177. Ленин, В. И. К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции / В. И. Ленин // Под знаменем марксизма. – 1922. – № 3.

178. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. – Т. 2. – 660 с.

179. Лиджеева, К. Ф. Развитие сферы образования в национальных районах юга России в 1918-1941 гг.: сравнительно-исторический анализ : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / К. Ф. Лиджеева. – Астрахань, 2014. – 40 с.

180. Лиджеева, К. Ф. Социально-экономическая и культурная интеграция народов Северного Кавказа в советское государство (1920-е-1930-е гг.) / К. Ф.

Лиджеева // Вестник московского государственного областного университета. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – С. 145-148. – (Сер. История и политические науки).

181. Луначарский, А. В. О детской литературе, детском и юношеском чтении / А. В. Луначарский. – М. : Дет. лит-ра, 1985. – 276 с.

182. Луначарский, А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочитанная на сентябрьских Педагогических курсах в Петербурге, в 1918 г. – Пг., 1918. – С. 6.

183. Луначарский, А. В. Проблемы народного образования : сб. ст. / А. В. Луначарский. – 1-е изд. – М. : Работник просвещения, 1923. – 208 с.

184. Любимова, С. Завоевано октябрём / С. Любимова. – М., 1932. – 30 с.

185. Мазуренко, Г. А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма / Г. А. Мазуренко. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 219 с.

186. Мазуренко, Г. А. Торжество национальной политики коммунистической партии на Обском Севере / Г. А. Мазуренко ; под ред. П. И. Рощевского. – Тюмень : Тюмен. кн. изд-во, 1961. – 90 с.

187. Манжос, Б. Основы советской дидактики. Ч. 1. Аналитика педагогического процесса / Б. Манжос. – М. : Работник просвещения, 1930. – 332 с.

188. Мануилова, А. Е. Повышение квалификации работников народного образования в Сибири в 20-30-е гг. XX в. / А. Е. Мануилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3166–3170. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54897.htm>.

189. Марксизм и развитие советской педагогики / под ред. З. А. Мальковой, Г. Н. Филонова. – М. : Педагогика, 1986. – 256 с.

190. Маслов, Н. Н. Историческая наука в 20 – 30-е годы / Н. Н. Маслов // История и историки. – М., 1990. – С. 77.

191. Моносзон, Э. И. Становление и развитие советской педагогики, 1917-1987: кн. для учителей / Э. И. Моносзон. – М. : Просвещение, 1986. – 224 с.

192. Народное образование в СССР / под ред. М. А. Прокофьева. – М. : Педагогика, 1985. – 448 с.

193. Насонкин, В. В. Национальное и региональное измерение государственной образовательной политики в контексте глобализации (на примере ЕС) : автореф. ... д-ра полит. наук / В. В. Насонкин. – СПб., 2015. – 40 с.

194. Национальная школа Надымского Севера. Очерки истории и перспективы развития / В. В. Дрягин [и др.]. – Надым, 1996. – 76 с.

195. Обществоведение : сб. ст. / под ред. Н. Г. Тарасова. – Пг.: Сеятель, 1924-1926. – Т. 1-5.

196. Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени : сб. ст. / под ред. С. С. Кривцова. – М., 1927.

197. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. / гл. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 856 с.

198. Очерки истории исторической науки в СССР : в 7 т. / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Наука, 1955-1988.

199. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. 1917- 1930 гг. / отв. ред. А. Л. Посадков. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2002. – 436 с.

200. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В. П. Корзун. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. – 684 с.

201. Очерки истории партийной организации Тюменской области / отв. ред. Д. А. Смородинсков. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. – 348 с.

202. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917-1941 гг.) / отв. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. – М. : Педагогика, 1980. – 456 с.

203. Панин, Е. В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств. 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Панин. – М., 2012. – 29 с.

204. Панков, В. И. Детство в неволе / В. И. Панков // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. : мат-лы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф., посвящ. памяти П.П. Чукомина. – Тобольск, 1998. – С. 55-58.

205. Панфилов, В. Н. Советская школа на новом этапе. О постановлениях ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» / В. Н. Панфилов. – М.-Л. : Наркомпрос РСФСР. – Учпедгиз, 1932.

206. Партийные организации Советского Севера (1920-1959 гг.). Ч. I. Деятельность партийных организаций автономных округов народов Севера в период строительства, укрепления и развития социализма / В. И. Зибарев [и др.]. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1980. – 256 с.

207. Петухова, О. А. Историческое образование в российской школе в первые годы советской власти, 1917-1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук / О. А. Петухова. – Смоленск, 2004. – 283 с.

208. Пинкевич, А. П. Педагогика. Т. 2: Школьный возраст. Трудовая школа / А. П. Пинкевич. – 5-е изд. – М. : Работник просвещения, 1929. – 261 с.

209. Пинкевич, А. П. Советская педагогика за 10 лет (1917 – 1927) / А. П. Пинкевич. – 2-е изд. – М. : Работник просвещения, 1927. – 145 с.

210. Плясовских, В. С. Политика КПСС в области народного образования: Опыт разработки и реализации / В. С. Плясовских. – М. : Мысль, 1987. – 221 с.

211. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации : монография / И. В. Побережников / отв. ред. В. В. Алексеев. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

212. Побережников, И. В. Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации Проблемы теории и методологии / И. В. Побережников // Экономическая история. Обзорение. – М. : Изд-во МГУ, 2006. – Вып. 12. – С. 148-165.

213. Побережников, И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И. В. Побережников // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 4. – С. 217-246.

214. Подцатова, И. В. Исторический опыт партийно-государственной политики в сфере культурного строительства в 1985-1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Подцатова. – М., 2004. – 199 с.

215. Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. / М. Н. Покровский // Вестник Коммунистической академии. – М., 1928.

216. Покровский, М. Н. Десятилетие Института красной профессуры / М. Н. Покровский // Правда. – 1931. – 11 дек.

217. Покровский, М. Н. Институт истории и задача историков-марксистов / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1929. – Т. 14. – С. 3-13.

218. Попов, А. А., Глухов, П. П., Луппа, Г. М. Компетентностные практики и образовательная политика / А. А. Попов [и др.]. // Вестник Московского городского педагогического университета. М. – 2015. – № 3 (33). – С. 16.

219. Попова, Е. В. Государственная политика по модернизации системы высшего образования в современной России : автореф. ... канд. полит. наук / Е. В. Попова. – Ростов н/Д, 2015. – 27 с.

220. Попова, Н. К вопросу о классификации методов образовательной работы / Н. Попова. – М. : Новая Москва, 1927. – 16 с.

221. Преподавание отечественной истории в университетах России: прошлое и настоящее / под общ. ред. проф. А. И. Уткина. – Уфа : Восточн. ун-т, 1999.

222. Прибыльский, Ю. П. Традиции сибирского учительства / Ю. П. Прибыльский // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв. : материалы VII Тюменск. обл. науч.-практ. конф., посвящ. памяти П.П. Чукомина. – Тобольск, 1998. – С. 7-14.

223. Прибыльский, Ю. П. Школа тюменского края в XVIII – XX вв. (К трехсотлетию сибирской школы) / Ю. П. Прибыльский. – Тобольск : Минитипография ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 1998. – 112 с.

224. Просвещение на Советском Крайнем Севере: в помощь учителю школ Крайнего Севера / под ред. Ф. Ф. Кронгауз. – Л., 1958. – Вып. 8. – 390 с.

225. Протасова, И. А. Школьное историко-обществоведческое образование в России. XVIII – XX вв. : учеб. пособие / И. А. Протасова. – Екатеринбург : АМБ, 2002. – 248 с.

226. Пузицкий, В. Отечественная история в рассказах / В. Пузицкий. М. : Думнов, 1902.

227. Пятницкий, В. Ермолинская трудовая советская школа (вместо методики советской трудовой школы) / В. Пятницкий / под ред. и с пред. Л. Сосновского. – М. : Новая Москва, 1926.

228. Равкин, З. И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг. / З. И. Равкин ; под ред. П. Н. Шимбирева. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – 276 с.

229. Равкин, З. И. Творцы и новаторы школы, рожденной Октябрем: кн. для учителя / З. И. Равкин. – М. : Просвещение, 1990. – 208 с.

230. Рождественский, С. Е. Отечественная история в рассказах / С. Е. Рождественский. 18-е изд. Пг., 1903 и др.

231. Рожков, Н. А. Учебник истории всеобщей и русской / Н. А. Рожков. М. : ГИЗ, 1918. Вып. I – IV.

232. Рубинштейн, М. М. Основы общей методики / М. М. Рубинштейн. – М. : Мир, 1927. – 176 с.

233. Савин, М. В. Развитие гуманитарной направленности содержания гимназического образования в России второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. пед. наук / М. В. Савин. – Волгоград, 1998. – 171 с.

234. Савинова, О. В. Развитие культурологического содержания исторического образования в отечественной педагогике и школе (Конец XIX века – 1917 год) : дис. ... канд. пед. наук / О. В. Савинова. – М., 2000. – 202 с.

235. Сеногноева, О. А. Деятельность молодежных организаций Западной Сибири по созданию новой системы образования в 20-е годы / О. А. Сеногноева. – Омск : ОмГПУ, 1998. – 50 с.

236. Сиверцева, Н. В. Высшая школа России: особенности послереволюционной реформы / Н. В. Сиверцева // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 70-75.

237. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории / В. Л. Соскин [и др.]. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 205 с.

238. Солдаткин, В. И. Современная государственная образовательная политика: социальные императивы и приоритеты : дис. ... д-ра филос. наук / В. И. Солдаткин. – М., 2000. – 412 с.

239. Соловей, В. Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-е - 30-е годы / В. Д. Соловей // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 2. – С. 87-98.

240. Соловей, В. Д. Организация учебного процесса и подготовка кадров историков в Институте красной профессуры (1930–1938) / В. Д. Соловей // История СССР. – 1986. – № 6. – С. 113-120.

241. Соловей, В. Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 - середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии / В. Д. Соловей // История СССР. – 1988. – № 4. – С. 200-215.

242. Соскин, В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа / В. Л. Соскин. – Новосибирск : Наука, 1971. – 350 с.

243. Студенцов, Н. Н. Система народного образования СССР. Содержание образования в советской школе / Н. Н. Студенцов. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1967. – 68 с.

244. Сулимов, В. С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири / В. С. Сулимов. – Тюмень, 1995. – 56 с.

245. Тимофеева, Е. Г. Государственная политика в сфере обществоведческого образования российской молодежи в 50-е – 90-е гг. XX века : дис. ... д-ра ист. наук / Е. Г. Тимофеева. – Астрахань, 2004. – 500 с.

246. Толмачев, Н. И. Великая октябрьская Социалистическая революция и начало коренного преобразования школы / Н. И. Толмачев // Школа Тюменской области. Сборник сорок первый. – Тюмень, 1968. – Вып. 8. – 187 с.

247. Трибунских, Н. И. Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20–30-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. И. Трибунских. – Владикавказ, 2015. – 24 с.

248. Троцкий, Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 447 с.

249. Ушмаева, К. А. Высшее историческое образование в России (20 – 90-е годы XX века) / К. А. Ушмаева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008. – 449 с.

250. Ушмаева, К. А. Историки и власть на юге России (1917 – 2000 гг.) / К. А. Ушмаева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. – 368 с.

251. Хаминов, Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. / Д. В. Хаминов. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. – 270 с.

252. Худолеев, П. К. Народное образование Тюменской области за пятьдесят лет советской власти: В помощь лектору и пропагандисту / П. К. Худолеев. – Тюмень, 1967. – 39 с.

253. Цысь, В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917 – 1921 гг.) : монография / В. В. Цысь. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. – 268 с.

254. Цысь, В. В., Цысь, О. П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. : монография / В. В. Цысь, О. П. Цысь. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. – 305 с.

255. Челюсткин, И. А. Методы работы в трудовой школе / И. А. Челюсткин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1927. – 152 с.

256. Чемоданова, Т. В. Государственная политика в сфере школьного обществоведческого образования в 1920-х - начале 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук / Т. В. Чемоданова. – Астрахань, 2010.

257. Черказьянова, И. В. Немецкая национальная школа в Сибири (конец XIX в. – 1938 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Черказьянова. – Омск, 1998. – 26 с.

258. Черказьянова, И. В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и становления немецкой школы в Сибири в XVIII-XX в.) : монография / И. В. Черказьянова. – СПб. : СПб ГУТД, 2004. – 368 с.

259. Чумак, Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов северо-западной Сибири в 1920 – 1950-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Г. Чумак. – Тюмень, 2008. – 22 с.

260. Школа и учительство в Сибири 20-е – начало 30-х годов / отв. ред. В. Л. Соскин. – Новосибирск, 1978. – 191 с.

261. Школа Тюменской области. Сборник сорок первый. – Тюмень, 1968. – Вып. 8. – 187 с.

262. Школа-коммуна Наркомпроса / под ред. М. М. Пистрака. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с.

263. Щулепникова, Е. И. Почему в 1920-е годы в школах не преподавали историю [Электронный ресурс] / Е. И. Щулепникова. – Режим доступа: <http://pish.ru/blog/archives/category/articles/articles2014>.

264. Яковлева, М. К. Государственная политика в области исторического образования в конце XIX - начале XX века (На примере средних учебных заведений Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. К. Яковлева. – Курск, 2004. – 24 с.